

"Широка страна моя родная (СИ)"

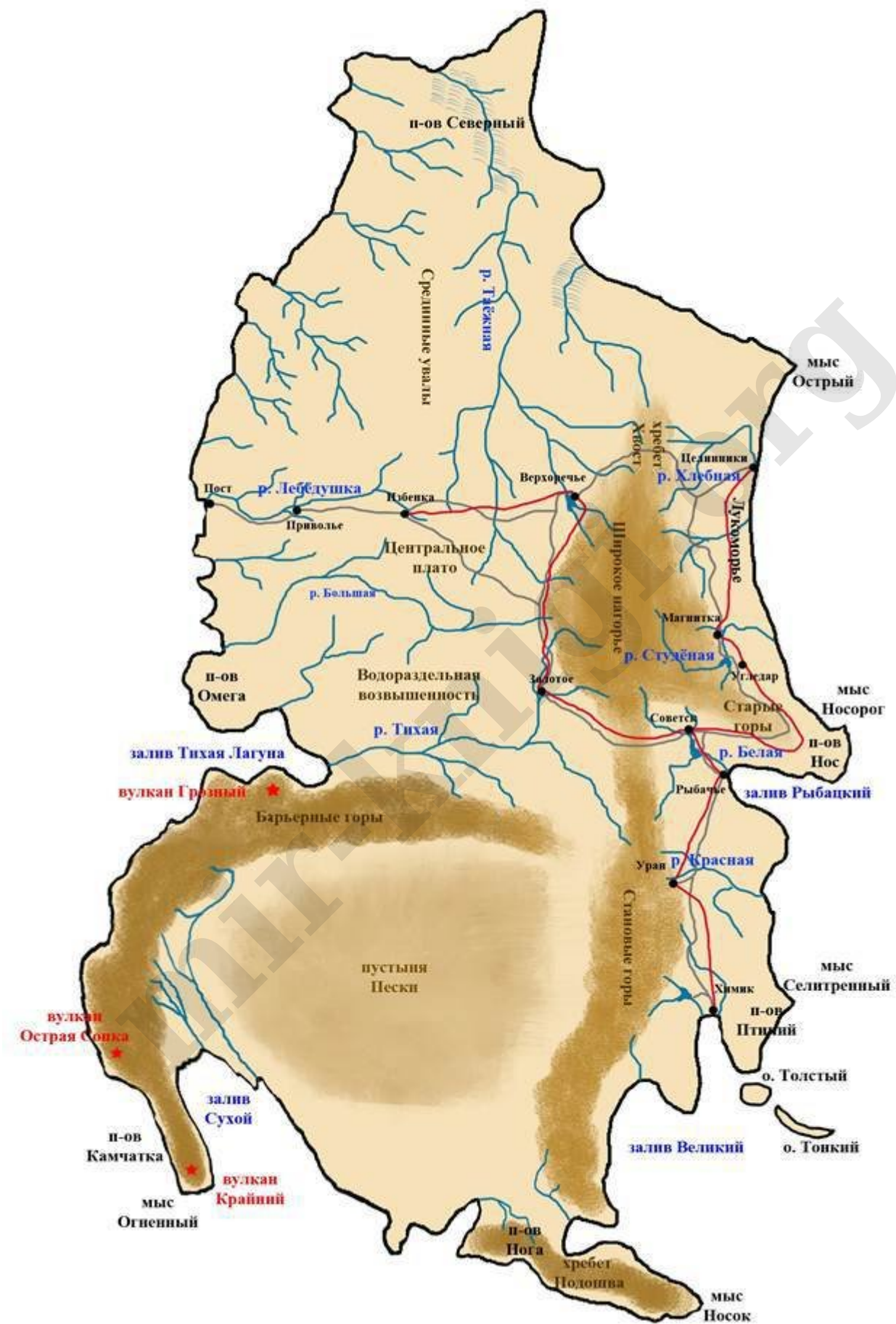
Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Александр Горохов

Широка страна моя родная

(Точка перехода-2)

mir-knigi.org

Остров Ольвия, 20 год, 05 месяц, 10 день, пятница, 12:00

Земля в иллюминаторе.

Сначала, правда, она появилась на экране радара. Картинный такой остров, километров 20 в длину и километров 10 в ширину. А где-то посередине – плоская конусообразная шляпа явно потухшего вулкана, прикрытая облаком. Почему явно потухшего? Да просто лесом эта гора заросла до самого верха. И весь остров лесом заросший. Хотя... вон за той невысокой скалой в бинокль виднеется кусочек жёлтого пляжа.

А это ещё что такое? Над скальным мысом поднимается столб чёрного дыма. Нет, не вулкан проснулся: больше похоже на сигнальный костёр.

- Что будем делать, Николай Валерьевич?

Это уже наш капитан, Вадим Григорьевич Осинцев. Мы с ним, как начальник экспедиции и «первый после Бога», друг к другу исключительно на «вы» и по имени-отчеству. Может, и глупость, но дисциплине на судне способствует.

- Вы же, Вадим Григорьевич, знаете морское правило: людей в беде бросать – позор и подлость.

- А вы думаете, что там люди?

- Ну не рогачи же костёр на скале развели!

И вот под палубой завибрировал наш восьмидесятисильный дизель, направляя «Удачу» к бухточке, притаившейся за скалой. А матросы, убравшие паруса, уже расчехляют носовой ДШК и кормовую 23-мм спаренную зенитную установку. Дед, усевшись на палубе под фальшбортом, сдувает последние пылинки со своей СВД, а мы с Наташей и штурманом Володей Воронцовым обложились автоматами в ходовой рубке. Я сейчас за рулевого, но оружие под рукой. Не при делах только Семён Маркович и судовой механик Шмыга, как зовут матросы мичмана Илью Старостина. Впрочем, какие они матросы? Двое – тоже мичманы-морпехи, а третий – главстаршина.

Со Шмыгой понятно: его задача сейчас – обеспечить надёжную работу механизмов баркаса. Ну а Райзман – такой стрелок, что пусть уж остаётся «последним резервом». Из пистолета ещё с десяти метров в мишень через раз попадает, а вот длинноствольное оружие – явно не его инструмент.

На всякий случай скалу огибаем за полмили. Глубина здесь приличная, под пару сотен метров, если верить эхолоту.

А вот и пляжик в бухте показался. Ох, ты! А что это там из прибрежных кустов торчит? Неужто корабельная корма? Точно! В бинокль её хорошо видно. Винт на месте, а вот вместо рулевого пера какое-то нагромождение палок.

Люди на берегу! Раз, два, три, четыре... Кто бы это мог быть?

Эхолот показал быстрое уменьшение глубины, и Осинцев сбавил ход. В полукабельтове глубина уменьшилась до пяти метров, идём самым малым. Под килем уже два метра. Стоп машина! Якорь в воду!

Семидесятипятикилограммовый якорь Матросова поднимает фонтан брызг по носу. Следом рушится кормовой якорь. А люди на берегу неистовствуют, прочитав на фальшборте название «Удача», написанное по-русски и по-английски, но в воду не лезут.

Нет повести печальнее на свете, чем повесть о скитаниях Дежнёва по планете...

Название «Анадырь», написанное выгоревшей краской на корме судна, торчащего из кустов на краю пляжа, мы различили ещё до того, как подошли к берегу. Именно поэтому не особо опасались нападения: всё-таки свои, русские, известные нам люди, а не какие-нибудь пираты. Но до полного выяснения обстоятельств всё равно оставили дежурных возле ЗУ-23-2 и ДШК.

Это действительно оказались остатки команды Семёна Дежнёва, вышедшей два года назад на парусно-моторной яхте «Анадырь» из Порто-Франко на исследование северо-восточного побережья континента. И сам Семён, крепко сложенный мужичок ашкеназского вида, в речи которого проскакивают характерные одесские нотки, в наличии имеется.

Ни о каких трансокеанских плаваниях он не мечтал, он действительно собирался уйти подальше на север, чтобы попытаться отыскать Северо-Восточный проход к западному побережью континента. Три года назад ему наскучило рисовать кроки заливов и речных берегов, поэтому позапрошлогодние исследования намеревался начать на сотню миль севернее, чем те места, куда он забрался в предыдущую экспедицию. Для чего после выхода из Порто-Франко взял существенно мористее, собираясь по дуге выйти как раз в нужные места. Тут всё и не заладилось...

Ни Дежнёв, ни кто-либо из его команды не знали о существовании мощного течения, проходящего всего в сотне миль от Порто-Франко, приближавшегося к Шанхаю на пятьдесят миль, после чего поворачивающего на северо-восток. Поэтому, потеряв управление во время борьбы экипажа «Анадыря» с пойманной «рыбкой», особо расстраиваться не стали. Ну, подрейфуют пару дней, пока восстановят разбитый беснующейся рыбиной руль. А потом снова лягут на прежний курс.

Не тут-то было! Начало ремонта пришлось отложить на два дня, поскольку жрать выброшенные за борт рыбы потроха собрались несколько десятков бывших подружек выловленного чудовища. И продолжали кружиться вокруг обездвиженного судёнышка в надежде поживы. За это время, по нашим подсчётам, яхту уволокло течением на три сотни вёрст к северо-востоку. Попытки придать рулю более или менее ровную форму едва не стоили жизни матросу, которым решила полакомиться ещё одна голодная рыбина. Парня, возившегося в воде, едва успели выдернуть на палубу, заметив приближение серой тени под волнами. После этого Дежнёв включил смекалку, и всей командой приступили к сооружению деревянной конструкции, с помощью которой можно будет дистанционно зафиксировать разбитые в хлам доски рулевого пера. На это потратили ещё двое суток.

В эти двух суток судёнышко попало в «петлю» - водоворот, которые нередко образуются в морских течениях и движутся в совершенно непредсказуемых направлениях. Их унесло на восток, поскольку судовая радиостанция уже не принимала радиомаяков ни Порто-Франко, ни Нойехафена, ни Шанхая. На что, правда, никто внимания не обратил.

Следующей неприятностью стал штиль. Мы тоже сталкивались с такой неприятностью и пока ходили по Большому заливу, и уже в этом путешествии. Но запасы топлива позволяли нам запустить двигатель, и на нём идти около суток, чтобы выйти из зоны штиля. Так поступил и Дежнёв. Только он прошёл северо-западным курсом всего пару часов, пока рыскающий по курсу из-за изуродованного рулевого пера «Анадырь» не намотал на винт рыбачью сеть, унесённую течением то ли от восточного побережья континента, то ли даже из залива.

А вот с этой проблемой пришлось маяться куда дольше. Мало того, что винт оказался заблокирован, так ещё и при попытках повернуть его несколько раз в обратном направлении,

чтобы избавиться от ловушки, ячейки прочной новоземельской сети зацепились за щепки рулевого пера, опять превратив руль в нечто непотребное.

Опуская подробности борьбы за подвижность судна, подведу черту: к исходу второй недели дрейфа, потеряв одного матроса, но избавившись от пут рыбацкой сети, «Анадырь» обнаружил на локаторе полосу берега. Но не на северо-западе, как того хотелось руководителю экспедиции, а на северо-востоке. Семён принял решение двигаться к неизвестному берегу, что заняло ещё сутки, поскольку судно едва управлялось. Русского человека ничем не проймёшь, даже если это одесский ашкеназ. Практически бесполезный руль заменили деревянными щитами, опущенными в воду вдоль бортов, что позволило поддерживать относительную прямолинейность хода. А маневрировали, выключая двигатель и дожидаясь, пока судно развернётся в нужную сторону.

В дополнение ко всему, последний штиль, затянувшийся на целую неделю, сменился свежим ветром, явно грозящим перейти в шторм. Явление в известных нам морях Новой Земли в сухой сезон нечастое, но случающееся. И «Анадырю» пришлось выброситься на пляж, поскольку ветер и волнение крепчали. А потом, закрепив якорь за ближайшие деревья, полностью вытянуть судно на песок при помощи кабестана.

Трёхдневный шторм переждали в палатках на берегу, после чего приступили к обследованию острова. Казалось бы, небольшая по площади территория, всего-то менее двух сотен квадратных километров, но полностью заросшая лесом. Плюс потухший вулкан, возвышавшийся над уровнем океана почти на километр. Поэтому бродили по острову целых две недели.

По-настоящему крупной живности на Ольвии, как одессит Дежнёв назвал открытый им клочок земли, не было. Зато хватало насекомых, всяческих мелких грызунов и птиц. Водились даже карликовые антилопы, размером со староземельского благородного оленя. Размножиться им не давали вараны, тоже не выраставшие длиннее трёх метров. В стычке с таким вараном потеряли ещё одного человека, а из-за аллергической реакции на местную разновидность слизняка умер механик «Анадыря». Описанная реакция, как объяснила Наташа, выполнявшая у нас обязанности судового медика, представляла собой типичный отёк Квинке, поразивший верхние дыхательные пути. Механик, которому не смогли помочь из-за отсутствия сильнодействующих антиаллергических препаратов, задохнулся буквально в течение двух минут. Печально и, увы, непредсказуемо, поскольку лично мне доводилось наблюдать подобную реакцию на обыкновенный горох, замоченный в воде для каши. Причём, у человека, который всегда его ел без малейших последствий. Но мой знакомый выжил, а механику с яхты не повезло.

Вернувшаяся к судну группа, включая самого Дежнёва, слегла с тяжелейшей лихорадкой, унёсшей жизни ещё двоих. Все заболевшие напились воды из небольшого заболоченного ручейка во время возвращения с дальнего берега острова. А пока они болели, умер один из двух оставшихся при судне матросов, наколовший ногу о какого-то моллюска, обитавшего в песке в полосе прибоя. Итого из десяти отправившихся в плавание в живых осталось четверо. Причём, троих из них, даже спустя два месяца после высадки на остров Ольвия, качало ветром от слабости.

Дежнёв с товарищами оклемались лишь за месяц до начала мокрого сезона, когда отремонтировать «Анадырь» уже не было смысла, поскольку судно после завершения ремонта просто не успело бы вернуться к обитаемым берегам. Из последних сил при помощи кабестана, простейшего подвижного блока и якоря оттащили судно к ближайшим зарослям, поскольку,

как верно предположили бедолаги, деревья начинали расти именно там, куда в сезон штормов не достают волны.

Сезон штормов не принёс новых потерь в экипаже и существенных разрушений «Анадырю». Поэтому с наступлением сухого сезона работа по восстановлению судна закипела заново. И всё было бы прекрасно, если бы не новая напасть: за время вынужденной стоянки на берегу большинство верёвок и канатов, имевшихся на судне, если не прогнили, то оказались изгрызены водящейся на острове живностью. Выяснилось, что даже безобидные, если не считать редчайшего случая аллергической реакции на них, слизняки с удовольствием кушают канатную пенку. А это уже был сокрушительный удар, поскольку солярки для дизеля на обратный путь не хватало, а для восстановления такелаж не было верёвок.

Конечно, если распустить на импровизированные верёвки один из парусов и всю имеющуюся в наличии одежду, что-то получилось бы. Но как стянуть судно на воду, если намотанный на кабан якорный канат тоже имел плачевный вид?

Экипаж впал в уныние, и лишь усилия Дежнёва, занявшего людей постройкой более комфортной хижины, охотой и попытками вырастить злаки из сохранившихся на борту остатков круп, спасли эту четвёрку от последствий депрессии. И вдруг на второй год робинзонады, когда надежд на спасение уже не осталось, на горизонте появился наш парус...

Перед нами стояла весьма сложная проблема: что делать с Дежнёвым и его людьми? Зная о связях Семёна с Орденем, мы на 100% были уверены, что о нашем появлении на острове Ольвия спустя два-три месяца будет известно на острове Нью-Хейвен. И тогда возникнут вопросы: что мы делали в трёх с половиной тысячах километров от побережья и куда направились дальше? Такая огласка нашего путешествия нас совершенно не устраивала, ведь судовые власти Порто-Франко знали, что мы отправились с грузом моторных масел в Шанхай, но вместо китайской территории очутились чёрт знает где. Причём, вовсе не в силу поломки, поскольку у экипажа «Анадыря» глаза на месте, люди прекрасно понимают, что «Удача» абсолютно исправна.

«Радикально решить проблему», перестреляв людей Дежнёва и выбросив их в море? Звери мы, что ли?! Повредить «Анадырь», расстреляв корпус из зенитной установки и оставив Семёна со товарищи дальше выживать на острове? Тоже не кошерно, если судить с точки зрения морали. Да и сколько лет пройдёт, прежде чем какой-нибудь новый Дежнёв, Дрейк или Кабот наткнётся в своём плавании на остров Ольвия? И уж тогда обманутые и преданные нами люди не пожалеют красок, чтобы отомстить нам в хрониках Новой Земли. Не сами расскажут, так записку какую-нибудь в полусгнившем корпусе «Анадыря» оставят потомкам. Взять с собой? А нужен ли жителям Новой Одессы осколок некогда мировой державы, давным-давно уплывшей по реке времени?

Остров Привоз, 20 год, 05 месяц, 18 день, суббота, 19:15

Нет, всё-таки он шизофреник!

Я про Семёна говорю. Мы же с ним прекрасно договорились: «Анадырь» ему поможем отремонтировать (в отличие от этого однофамильца землепроходца, я не стал понтиться с «материалами, аутентичными эпохе великих географических открытий», и все канаты и верёвки на своём баркасе, включая запасные, использовал не пеньковые, а капроновые), на воду судёнышко стащим, соляркой для двигателя поделимся. От него требуется одно: языком не трёкать про наше появление на Ольвии! Не знаю, о чём с ним его тёзка, Райзман,

разговаривал, только после разговора вернулся бывший хозяйственник ПРА абсолютно уверенный: ни Дежнёв, ни его люди звука не промолвят, что нас видели. И тут – на тебе!

- Николай, мы тут с ребятами посоветовались и решили: мы с вами идём!

- Ты хоть знаешь, куда?

- Да пофиг нам! Ну, вернусь я в Одессу. Ну, потрачу остатки своих денег на ремонт «Анадыря» и его стоянку в порту в мокрый сезон. Ну, наскребу по сусекам на прожитьё себе и мужикам в течение этого времени. А дальше что? Опять в контрабандисты или, хуже того, в честные судовладельцы, выполняющие регулярные рейсы по Большому заливу? Мы ж с тоски сдохнем! А у контрабандиста и вовсе век недолог: либо свои сдадут ментам, либо пираты грохнут, если что-то не понравится. У вас же – и я это задницей чувствую – какая-то тайна. Важная, раз такой жирный гусь, как Маркыч, с вами. Вот и мне хочется причастным быть.

- Ну, хорошо. Тебе хочется. А людям твоим? Не хочется им в Одессу к семьям вернуться?

- Нет у них семей! Я специально отбирал в команду только одиночек, лишних на Земле Лишних. Их семья – это экипаж «Анадыря», а дом – сам «Анадырь». Ведь ты же не наобум куда-то в даль синюю ломанулся?

Я промолчал.

- Ты пойми: я всю жизнь мечтал о судьбе своего однофамильца. Ну, исследовал я кусок побережья, ну, островишко занюханый открыл. А мне большего хочется! Да, знаю я, что там, – он махнул рукой куда-то на восток. – ещё остров или острова есть. Недалеко. А за ними? А вдруг там целый континент? Огромный, как Евразия...

- Откуда ты знаешь, что там остров или острова?

- Птицы! – засмеялся Дежнёв. – Птицы летят туда с Ольвии. И оттуда летят! Не чайки какие-нибудь, а вполне себе сухопутные. Мы же здесь почти два года не только сокращали поголовье антилоп и варанов, мы и наблюдали.

Остров действительно оказался недалеко. Всего милях в сорока на восток-юго-восток от Ольвии. Экипаж «Анадыря» не видел его с вершины потухшего вулкана исключительно потому, что мешали растущие на ней деревья.

Как и на Ольвии, возле наиболее удобной для высадки бухточки мы установили каменный тур с заложенным в пустой бутылке письмом на двух языках, русском и английском: «Остров Дежнёва открыт экспедицией Семёна Дежнёва 16.05.20». Только в предыдущем письме значилось название «Ольвия» и стояла позапрошлогодняя дата, выписанная из судового журнала «Анадыря».

Более быстроходный «Анадырь» с существенно меньшим, чем у «Удачи», водоизмещением, вооружённый бермудскими парусами, и занимался исследованием береговой линии этого тоже вулканического острова. Такое парусное вооружение позволяло использовать для смены направления движения меньшую команду, чем наш люгер, поэтому на судно Дежнёва перешёл от нас лишь один матрос, а Райзман теперь нёс вахты наравне со всеми.

Локатор показывал ещё один островок юго-юго-восточнее острова Дежнёва. Мы назвали его

Привозом за птичий базар, расположившийся на скале в кабельтове от острова. И такое скопление вулканических островков позволило предположить, что мы достигли срединно-океанского подводного разлома, подобного тому, что проходит по дну Атлантики. Подтверждал такую мысль и рассказ Дежнёва о парочке землетрясений, случившихся во время «зимовки». Но пусть окончательно решают, срединно-океанский это разлом или ещё какой, специалисты по тектоническим плитам. Мы, как простые мореплаватели, береговую линию на карту нанесли, координаты в судовом журнале зафиксировали, и дальше пора двигаться.

Прибрежные воды полуострова Камчатка, 20 год, 06 месяц, 04 день, четверг, 15:00

Ох, и везёт мне на дату 8 июля!

Всего мы нашли в архипелаге, вытянувшемся с севера на юг на две сотни миль, шесть островов. Самый маленький, Привоз, примерно 4 на 6 километров, самый большой, Березань, 25 на 35. На нём-то мы и залили водой все свободные ёмкости, а в трюмах теперь болтались подвешенные копчёные антилопы ноги. Ради этого пришлось на несколько дней задержаться на острове.

Попутное тёплое течение осталось за кормой. Его восточная граница не заходила за архипелаг, и дальше нам предстояло нудно топтать через океан без его помощи.

«Анадырь» мог бы легко уйти вперёд, но Дежнёв дисциплинированно тянулся в паре кабельтовых севернее, время от времени связываясь с нами по радио. По ночам, когда яхту можно было различить лишь по ходовым огням, рулевые частенько трепались друг с другом, используя «ходи-болтайки». Откуда я об этом знаю? Да сам не раз стоял ночные вахты за штурвалом.

Погода была преимущественно хорошей. В смысле – ветер дул. Лишь пару раз попадали в зону штиля и запускали двигатели. Ну, не считая ставших уже привычными зарядок аккумуляторов дважды в сутки. Ветрячок бы какой-нибудь на корме присобачить для этого, чтобы солярку не жечь! Ну, не додумался я до этого при проектировании судна, не додумался!

Запас топлива на «Анадыре» поменьше будет, поэтому локатор Дежнёв не включал, чтобы пореже дизель заводить. Вот мы и шли по ночам вместе по принципу «зрячий незрячего ведёт». Но океан был пуст, эхолот показывал глубины далеко за километр. Лишь время от времени рыбы стаи отражались на экране «вторым дном».

Свободное время коротали настольными играми: шахматы, шашки, нарды. Если кое-кто – не будем показывать пальцем – с собственной супругой в каюте не запирались... Даже чемпионат по шахматам устроили. По весьма сложной для нашего коллектива системе: первый тур – каждый участник сыграл по партии со всеми остальными. После этого жеребьёвкой разбили участников по парам, и пошла игра «до победы» в этих парах. Победитель выходил в следующий тур. В финале, вполне ожидаемо, сошлись Иван Андреевич и Семён Маркович, показавшие в первом туре отличные результаты. Чемпионом стал Райзман, одолевши Деда в серии из пяти партий с преимуществом всего в одну победу.

Каждый день Володя Воронцов, наш штурман, при помощи секстанта производил вычисления местоположения и задавал курс судам, корректируя накопившиеся за сутки отклонения. Вчера, потыкав клавиши на калькуляторе, он удовлетворённо кивнул:

- Если ничего исключительного не произойдёт, завтра будем в точке с заданными координатами.

А когда начали рассеиваться предрассветные сумерки, моя «уоки-токи», торчащая из кармана разгрузки, прохрипела голосом Леонида Чернецкого, вахтенного с «Анадыря»:

- Кажись, земля впереди...

- С чего ты взял?

- Облако какое-то странное. Больше на столб дыма походит...

С первыми лучами солнца стало окончательно ясно, что над утренней дымкой скособочившейся шляпой поднимается столб дыма, сносимый ветром на северо-восток. А локатор на границе своей чувствительности высветил полосу, какую даёт ещё неблизкий берег. И тут я, как идиот, ликующе гаркнул во всю свою лужёную глотку:

- Земля!!!

Спустя две минуты весь экипаж был в сборе, пытаюсь, кто в бинокль, а кто невооружённым взглядом, рассмотреть эту долгожданную землю. И я восторженно тыкал пальцем в засветку на экране локатора, доказывая, что мне не почудилось.

Сам же берег обнаружился визуально лишь часа через два. Сначала чуть заметной полоской на горизонте. Потом на этой полоске стал заметен прыщик, из которого и поднимался дым, замеченный Лёней.

К полудню мы приблизились к гористому берегу на три мили, и ни у кого, кто был в курсе цели нашего плавания, уже не оставалось сомнений в том, что мы достигли восточного континента. А прыщик, возвышающийся над стеной гор и извергающий в небо клубы дыма, оказался самым настоящим вулканом.

Откуда Дед вынул свою карту, я даже предположить не могу. Но он разложил её на столе кают-компании, куда, кроме нас с ним, Наташи и Осинцева, забились ещё и Дежнёв, перешедший ради такого случая с «Анадыря», Воронцов и Райзман.

- Мы вот здесь! – ткнул Иван Андреевич пальцем в кусок побережья рядом с красной звёздочкой, которыми обычно обозначают вулканы. – Недалеко от вулкана Острая Сопка. А попасть нам надо сюда.

Все молча разглядывали карту континента, вытянувшегося с севера на юг. Оказалось, что он не так уж и мал, но отметки городов, большей частью, располагались по восточному побережью. Лишь четыре из них были отмечены в центральной части материка, а один на западном побережье. Мы же находились близ огромной дугообразной горной системы, закрывающей внутренние районы от юго-западных ветров. Судя по расцветке, это были самые высокие горы континента. Молодые, с вулканами.

Дымящей на востоке Острой Сопкой царство Гефеста не ограничивалось. По крайней мере, севернее, там, где Барьерные горы поворачивали к востоку, на побережье глубоко врезающегося в сушу залива Тихая Лагуна стояла отметка «вулкан Грозный», а на южной оконечности полуострова Камчатка (!!!) имелись надписи «вулкан Крайний» и «мыс Огненный».

Другая горная система, Становые горы, протянулась фактически через весь континент вдоль восточного побережья, расширяясь в своей северной части в Широкое нагорье. Ещё один

достаточно мощный (опять же, если судить по условным обозначениям карты) хребет с названием Подошва занимал практически весь крайний юго-восточный полуостров, далеко выдающийся в океан. Человек, придумавший названия для географических объектов этой части материка явно обладал чувством юмора: полуостров Нога, хребет Подошва, мыс Носок... И, самое главное, всё в тему! Полуостров действительно походил на ногу ниже щиколотки. Самые высокие горы располагались по подошве этой ступни, а Носок упирался в море.

Подошва, Барьерные и Становые горы охватывали почти замкнутым кольцом огромную территорию с названием пустыня Пески. В общем-то, логично: какие могут быть дожди, если любые облака и тучи ни с одной стороны не могут перевалить через высокие горы?

Севернее Тихой Лагуны, где, если не считать отметок «возвышенность», «плато», «увалы», горы начинались лишь близ восточного побережья, синими ниточками рек была изрезана вся поверхность. А далеко на севере, куда текла самая длинная река с говорящим названием Таёжная, вдоль её нижнего течения пестрели голубые штрихи, обозначавшие болота.

В верховьях нескольких рек легко читались искусственные водохранилища. Преимущественно неподалёку от городов, большинство которых было соединено железной дорогой. Не говоря уже о серых нитках дорог автомобильных.

Мы обменивались удивлёнными восклицаниями, рассматривая карту, но особое впечатление она произвела на Осинцева и Дежнёва, поскольку остальные либо в той или иной мере знали о существовании этого материка, заселённого выходцами из СССР, либо, как Наташа, догадывались.

- Блин, когда же это успели всё построить? - не выдержал капитан «Анадыря».

- С 1947 года было время... - засмеялся Дед.

- Так ведь Орден утверждает, что заселение началось только в 1973!

- Мало ли, какой бред несёт Орден! - парировал старик. - Они переход открыли в 1973 году, а мы - на 26 лет раньше...

- Не понял. «Мы» - это СССР, что ли? Почему же никто об этом не знал?

- А ты многое знал из секретных наработок советской промышленности? А уж о том, что у Союза есть своя территория вне Старой Земли, и вовсе единицы людей были осведомлены. У нас, не говоря уже о загранице, от которой это было секретом из секретов! Благодаря чему и удалось спокойно её заселить, построить города, дороги, заводы, электростанции. Орден, вон, до сих пор не знает о существовании всего этого.

- Ты, Семён, хотел большой тайны? Вот и получи её! - смеясь, вклинился в разговор я.

- Хотел-то хотел! - сокрушённо поскрёб макушку Дежнёв. - Да только опять у меня облом случился: хотел совершить какие-нибудь эпохальные географические открытия, а тут всё уже известно, исследовано и даже картографировано...

- А тебе, значит, мало открытого тобой целого архипелага и звания человека, впервые пересёкшего океан? Корона новоземельского Колумба, значит, тебе маловата? - засмеялся я, и следом за мной грохнули все присутствующие в кают-компани.

Прибрежные воды полуострова Камчатка, 20 год, 06 месяц, 06 день, суббота, 12:35

Для тех, кто не знаком с первой частью моего повествования, пожалуй, всё же стоит рассказать, кто мы, настолько отважные, что первыми пересекли целый океан на Новой Земле.

Позвольте представиться: Колесов Николай Валерьевич, судовладелец каспийского баркаса «Удача». Родился в 1969 году в городе Миасс Челябинской области, где жил до мая 1988 года, когда призвался служить в охрану жутко секретного городка, получившего позже название Межгорье. Это неподалёку от дома, вблизи от башкирского Белорецка. Потом три года служил там же прапорщиком, а после развала Союза попал под сокращение и был вынужден вернуться в Миасс, где занялся торговлей запчастями к грузовикам «Урал».

В начале июля 1996 на дороге Уфа – Белорецк, неподалёку от того самого Межгорья, посадил странного попутчика-старичка, поведавшего мне очень любопытную историю. Иван Андреевич Данилов, как оказалось, не просто знал моего покойного деда, а вместе с ним выводил технику из Порт-Артура в 1949 году. Техника выводилась в никому не известный посёлок Кузьелга в уральских горах, где располагались лагерь с заключёнными и велись какие-то непонятные засекреченные работы.

Как оказалось, техника переправлялась через созданную одним из помощников Николая Теслы установку в другой мир, являвшийся то ли иным измерением, то ли другой планетой. Большинство солдат, прибывших вместе с Иваном Андреевичем из Порт-Артура, тоже переправили в Новый Мир, но мой дед не попал в их число, поскольку в конце 1944 угодили на полгода за решётку из-за опоздания на работу. А Данилов занимался охраной суперсекретного объекта до 1959 года, пока сам не отправился «за Стену». Но с дедушкой им довелось увидеться ещё раз. После аварии на химкомбинате «Маяк» дед участвовал в ликвидации её последствий, а технику после окончания работ также через Кузьелгу забросили в Новый Мир.

В 1982 году связь между колонией СССР в Новом Мире и Союзом прервалась: кому-то из руководства проекта очень не хотелось, чтобы полученные в колонии медицинские препараты, ускоряющие регенерацию тканей и дающие омолаживающий эффект, законсервировали правление «геронтократии» в Политбюро. Последовавшие затем перемены привели к тому, что в руководстве страны и спецслужб, курировавших проект, не осталось людей, посвящённых в эту тайну. Впрочем, и в лучшие-то времена их было всего несколько человек.

Несмотря на то, что за 20 новоземельских лет в Новом Мире удалось создать достаточно мощную промышленную базу, в последующие 12-13 стал проследиваться опасная тенденция: техника и оборудование старели и выходили из строя, а многое восстановить и отремонтировалось не представлялось возможным. В первую очередь – сложные приборы и агрегаты, изготовленные с использованием электроники. Ситуацию усложняло то, что средствами радиоразведки выяснилось: Новый Мир активно колонизируется кем-то ещё. Предположительно – американцами, столкновение с которыми без поддержки со стороны метрополии могло иметь для советских переселенцев самые печальные последствия.

И тогда руководство «советской колонии», воспользовавшись законсервированной старой установкой для перехода, забросило на Старую Землю Ивана Андреевича, задачей которого было восстановление связи со Старым Миром. Так я оказался причастным к этой тайне.

Нам удалось выйти на руководство ФСБ, проявившее осторожность и решившее выяснить все обстоятельства заселения Новой Земли. Мало того, что была раскрыта сеть вербовщиков и точек перехода в Новый Мир, нас с Иваном Андреевичем привлекли к операции, в ходе которой требовалось разобраться с реалиями колонии, заселяемой международной

организацией, известной как Орден. И лишь после этого, добравшись до «советского континента», восстановить связь между колонией экс-СССР и Российской Федерацией.

Нас готовили к заброске целых три года, и незадолго до перехода я встретился с девушкой, на тот момент заканчивающей учёбу в Военном институте иностранных языков. Наш бурный роман едва не сорвал операцию, но всё завершилось благополучно: я, моя жена Наташа и Иван Андреевич, взявший для конспирации мою фамилию и проходящий по всем документам как мой двоюродный дед, перешли на Новую Землю.

За полтора года (по новоземельскому календарю) я успел легализоваться как предприниматель, а также построить судёнышко, на котором в первом же рейсе мы трое, сопровождающий груз представитель Протектората Русской Армии Семён Маркович Райзман, а также шесть членов экипажа «пропали» вместе с моим баркасом.

Появление в числе «пропавших» Райзмана было прогнозируемым. Этот человек пользовался доверием руководства Протектората, выполняя поручения по обеспечению ПРА техникой «из-за ленточки». И именно его Михаил Демидов, глава Протектората, направил своим представителем, узнав от Ивана Андреевича, с которым старик сталкивался ещё в Кузьелгаге, о существовании «советской» колонии.

Экипаж баркаса «Удача» составили бывшие моряки, специально присланные мне в помощь ФСБ. Но поскольку их заданием было выполнение моих поручений, ни один из них, включая капитана Вадима Осинцева, о нашей конечной цели не знал.

Во время плавания мы нашли остатки пропавшей два года назад экспедиции Семёна Дежнёва. Этот житель Новой Одессы, разбогатев на контрабанде, построил моторную яхту, на которой в 17 году совершил плавание на северо-запад континента. На следующий год его яхта «Анадырь» снова отправилась в плавание, из которого не вернулась. Как выяснилось, экипаж судна потерял 2/3 состава из-за болезней и несчастных случаев и был вынужден провести почти два года на открытом Дежнёвым острове посреди океана. Мы помогли людям Дежнёва отремонтировать «Анадырь», и теперь они шли вместе с нами. Сначала на восток до побережья «советского континента», а теперь на юго-восток, вдоль полуострова Камчатка.

«Удача» - сама по себе плавсредство неторопливое. Теперь же нам предстояло идти вдоль неизвестного нам побережья. Поэтому от вулкана Острая Сопка к вечеру мы продвинулись всего миль на двадцать пять, выискивая место для якорной стоянки: идти ночью в здешних водах было страшновато, несмотря на радар и эхолот. Берег изрезанный, время от времени водная гладь топорщилась драконьими клыками скал или бурунами спрятавшихся под тонким слоем воды камней.

На якорь встали в небольшой бухточке с крошечным пляжем, окружённой крутыми почти безжизненными склонами окрестных гор. И здесь впервые после встречи с экспедицией Дежнёва позволили себе по чарке вина. За то, что океан остался позади.

Ночью усилился западный ветер, но берега бухточки хорошо прикрывали нас от него, и о поднывшемся на море волнении говорил лишь зыбь, плавно качавшая суда.

Зато наутро «Удача» и «Анадырь» просто летели на юго-восток, к мысу Огненный, за которым нам предстояло поменять курс, чтобы выйти к заливу возле «пятки» полуострова Нога. У нас подходили к концу запасы питьевой воды, а заходить в залив Сухой, примыкающий к пустыне, Дед не советовал: воды в пересыхающих речках, впадающих в этот залив, могло не оказаться, и

нам всё равно пришлось бы идти к Ноге, но с ещё меньшими запасами на борту.

Вулкан Крайний после Острой Сопки не впечатлил. Ну, конусообразная гора со срезанной вершиной. Ни дыма, ни пламени... Хотя, конечно, я знал, что даже самые активные вулканы не извергаются постоянно.

- Это ты просто под пепел от него не попадал! – рассмеялся над моими разочарованиями Иван Андреевич. – Ребята, исследовавшие это побережье, не успевали палубу от пепла чистить, когда вдоль оконечности полуострова шли...

Впереди было больше двух суток в открытом море, прежде чем мы наконец-то ступим на берег континента, вдоль которого идём третий день.

Залив Великий, 20 год, 06 месяц, 14 день, воскресенье, 14:15

Контакт! Есть контакт! От винта!

Вглубь залива с неизвестным нам названием входить не стали. Судя по карте, впадающая в него речка вытекала с северного склона хребта Подошва и несколько десятков километров текла по равнине, примыкающей с юго-востока к пустыне. И хотя, по словам Ивана Андреевича, это была лесостепь, на примере экспедиции Дежнёва мы помнили, чем чревато использование воды из источников с медленно текущей водой. Чтобы залить ёмкости под питьевую воду предпочли первый же небольшой ручеёк, прыгающий по камешкам со стороны ближайших гор в самом начале залива.

Даже внешне хребет Подошва выглядел менее угрюмым и неприступным, чем Барьерные горы. Поднимаясь «слоями» от побережья к середине полуострова, составляющие его горы прятались под «шубой» леса.

После многодневного морского перехода на относительно небольшом судёнышке возникало ощущение, что почва у нас под ногами качается, как качалась всё это время палуба. Но каждый из членов обеих экспедиций не отказал себе в удовольствии высадиться на берег.

В общем-то, в этом действительно была необходимость. Наташа, наученная горьким опытом экипажа «Анадыря», перед тем, как дать разрешение набрать воду, имеющимся у неё приборами провела её экспресс-анализ. В это время я и двое матросов выдвинулись вверх по ручью в качестве дозора. Приборы показали отсутствие опасной микрофлоры, и после отмашки бытовой садовый насосик погнал по шлангу воду на судёнышки. А вы хотели, чтобы мы, как в позапрошлом веке, её бочками на шлюпке возили? Заняться нам с женой было нечем, и мы, предупредив капитана, прошлись вверх по течению.

Здесь уже бывали люди. Примерно в сотне метров от берега мы наткнулись на обложенную камнями бочажинку, явно предназначенную для того, чтобы брать воду. А в трёх метрах от ручья, также обложенное камнями, обнаружилось старое кострище. Судя по тому, что оно почти полностью заросло травой, жгли его несколько лет назад. Я покопался в нём подобранной неподалёку палкой, чтобы определить, долго ли здесь стояли люди. Слой углей и золы оказался толщиной около пяти сантиметров, что говорило о том, что либо люди стояли несколько дней, либо останавливались здесь несколько раз. Пожалуй, второе, поскольку у ближайшего дерева аккуратной стопкой лежали дрова. Нижняя пара рядов – полусгнившие, а те, что сверху, просохшие до звона. Не сушняк, подобранный в лесу, а самые настоящие наколотые поленья! И даже пеньки от срубленных когда-то лесин нашлись. Один – фактически сгнивший, а второй – едва тронутый тленом.

- Коль, а может, отдохнём здесь денёк?

Я притянул Наташу к себе.

- Устала?

- Ага! – положила она голову на моё плечо. – Если люди здесь останавливались, тут должно быть безопасно. Вон, видишь: они тут палатку окапывали...

Идею с суточным отдыхом после утомительного плавания одобрили все, и пришлось тянуть спички, чтобы выбрать вахтенных на судёнышки. А остальные радостно разбивали палатки и разделявали на шашлыки подстреленную в паре километров от стоянки то ли косулю, то ли антилопу совершенно неизвестного нам вида.

Каким бы безопасным ни казалось место, а предосторожностей никто не отменял. Территорию лагеря, отступив от палаток метров пятьдесят, оградили растяжками с гранатами РГД, а дежурным я выдал ноктовизор из собственных запасов. Вахтенному на «Удаче» тоже было строго наказано периодически обзирать берег в танковый прибор ночного видения, фару подсветки которого установили на капитанской рубке ещё при постройке баркаса.

Ночь прошла спокойно, если не считать выполнения мной данного Наташе обещания озаботиться будущим ребёнком, когда мы высадимся на «советском» континенте. Мы, вроде, и не сильно шумели, но дежуривший в то самое время Райзман как-то хитро на нас косился поутру, когда все доедали холодные шашлыки...

Мыс Носок проходили в первой половине дня. Под моторами, поскольку западные ветра возле него встречались с восточными, и паруса вели себя совершенно непредсказуемо. Теперь нам нужно было держать курс через залив Великий почти строго на север, чтобы пройти между островами Толстый и Тонкий, являющимися продолжением Птичьего полуострова. В самый южный город континента, называемый по роду занятия населения Химик, решили не заходить, поскольку нам нужно было в Советск, находящийся километрах в 800 севернее. Ну, не в сам Советск, а в соседнее с ним Рыбачье, где базировался флот: Советск, выросший недалеко от точки перехода, стоит на реке Белая, в устье которой и построили Рыбачье.

Залив действительно был крупным. Не такой, как уже известный нам Большой залив, но не меньше, чем староземельский Бенгальский.

Острова Толстый и Тонкий назывались так за свою форму. Первый овальный, почти круглый, а второй – длинный и узкий, загибающийся дугой к востоку. Мне он своей формой на карте напомнил остров Чайка на озере Тургояк близ моего родного Миасса, только увеличенный в тысячу раз. Раз уж на то пошло, то Толстый тоже выглядел раз в пятьсот увеличенным островом Веры. С натяжками, разумеется, чисто по аналогии.

В пролив, шириной около двадцати километров, входили в первой половине дня, намереваясь к вечеру добраться до мыса Селитренный. Но мы предполагаем, а обстоятельства располагают.

Не заметить ринувшийся в нашу сторону из-за острова пограничный катер было невозможно. Развив скорость около 25 узлов, он мчался нам наперерез.

- Пограничный катер «Гюрза»! – прокомментировал Осинцев, разглядывая его в бинокль. – Проект 1400. Похоже, «экспортный» вариант, строившийся для тропического климата. Стоп

машина!

Бубнение под палубой дизеля, под которым мы проходили пролив, где направление ветров было неустойчивым, замолкло. Через пару секунд после этого стал терять ход и «Анадырь». Катерок, на мачте которого развевался знакомое с детства бело-голубое полотнище с красной звездой, серпом и молотом, тоже сбавил ход, заступая нам путь. Ствол пулемёта его турельной установки, несмотря на проявленное нами миролюбие, продолжал отслеживать наше местонахождение относительно «Гюрзы».

По громкой связи последовало стандартное предупреждение:

- Лечь в дрейф и приготовиться к приёму досмотровой группы.

Старшего лейтенанта в советской форме морских пограничных сил, сопровождаемого двумя матросами-автоматчиками, встречали втроем: Осинцев, я и Иван Андреевич.

- Командир пограничного катера «Изумруд» старший лейтенант Кислицын! – козырнул офицер.
- Прошу сообщить, кто вы такие, откуда, куда и с какой целью направляетесь.

- Капитан каспийского баркаса «Удача» Осинцев, капитан-лейтенант запаса Военно-морского флота Российской Федерации. Направляемся из порта приписки Береговой, Протекторат Русской Армии, в порт Рыбачье Советской Республики. Цель – исследовательская экспедиция. С нами вместе следует яхта «Анадырь», порт приписки Новая Одесса, Московский Протекторат, судовладелец и капитан Дежнёв.

По мере преставления глаза старлея становились всё шире и шире. Следующим представлялся я:

- Судовладелец и руководитель экспедиции, майор Федеральной службы безопасности Российской Федерации Колесов.

Отрекомендовался и Дед:

- Полковник Комитета государственной безопасности Советской Республики Данилов.

Кислицын ещё несколько секунд молча стоял столбом, но потом взял себя в руки.

- Предъявите, пожалуйста, ваши личные документы и судовые документы.

Пока он листал судовые документы, пытаюсь разобраться в английском, возбуждённые матросы, с трудом сдерживаясь от обмена мнениями, многозначительно переглядывались. А потом пришла пора проверки наших Ай-Ди, вызвавших у старшего лейтенанта лёгкий шок.

- Что это?

- Наши стандартные идентификационные карты, - пояснил капитан.

Командир погранкатера непонимающе кивнул и принялся вчитываться в фамилии. И когда дело дошло до Деда, прозвучал вопрос.

- В ваших документах указано, что вы – Иван Колесов, а представились вы как Данилов. Что это значит?

- Ответ на этот вопрос, старший лейтенант, вы сможете получить в Советске на улице Маркса, 11.

В глазах старлея на секунду мелькнуло непонятное выражение, но он вернул Деду айдишку.

- Кто ещё находится на судне?

- Вы уже видели судовую роль, но если затрудняетесь в переводе с английского, могу сообщить устно, - кивнул Осинцев. - Супруга судовладельца, старший лейтенант Федеральной службы безопасности Российской Федерации Колесова, полномочный представитель Протектората Русской Армии капитан Райзман, штурман, старший лейтенант запаса ВМФ РФ Воронцов, судовой механик Старостин, а также матросы Бойко и Носов, все трое - мичманы запаса ВМФ России.

Пограничник некоторое время натужно соображал, что ему делать с такой компанией, и я ему дал подсказку.

- Товарищ старший лейтенант, я предлагаю нашим судам проследовать в вашем сопровождении к причалу пограничного пункта, чтобы вы могли связаться со своим руководством.

- Да, да. Конечно! - выдохнул старлей. - Я оставляю одного матроса у вас на борту, а после досмотра второго судна вы проследуете на пограничный пункт.

- Семён, прими досмотровую группу! - поднёс я к губам свою «ходи-болтайку» под удивлёнными взглядами матросов. - Только не залупайся.

- Принято! - недовольно буркнул в ответ Дежнёв.

Остров Тонкий, 20 год, 06 месяц, 14 день, воскресенье, 15:50

Матрос с автоматом не проронил ни слова, ни пока Кислицын досматривал «Анадырь», ни пока мы шли небольшим караваном к пограничному пункту. Хотя было заметно, что его просто разрывает от любопытства.

Зато сам старший лейтенант не скрывал эмоций. Нет, не на борту «Удачи» или «Анадыря». Мы врубили судовую рацию на сканирование, и вскоре она выдала диалог командира «Изумрудного» с берегом.

- Ну что, Лёха, готовь майорские погоны!

- Что, эков, сбежавших из Химика, взял?

- Круче, Лёша! Куда круче! Американских шпионов! Аж целых четырнадцать душ!

- Толян, ты вроде не пьяный с утра был. Чего несёшь-то?

- Отвечаю, Лёха! У них у всех американские документы. И ты бы послушал, какую пургу они несут! «Федеральная служба безопасности Российской Федерации», «ВМФ России», «Протекторат Русской Армии», «Московский Протекторат». А один, падла, представился полковником КГБ и назвал старый адрес Конторы, хотя каждый знает, что она уже три года, как переехала.

- Надеюсь, ты им всё это не вылепил?

- Ты меня совсем за идиота держишь? Вон, за кормой тащатся, как бычок на верёвочке. Так что готовь камеру для временно задержанных. И майорские погоны!

Дед, вопросительно посмотрев на меня, взял в руки микрофон.

- Эх, капитан, капитан! Никогда ты не станешь майором! Если ума не наберёшься!

- Кто это? – слышалось в динамике.

- Тот самый, кого ты падлой назвал, старлей. Повторяю отдельно, чтобы и ты, и капитан Лёха хорошенько расслышали: полковник. Комитета. Государственной. Безопасности. Советской. Республики. Да-ни-лов! Иван Николаевич. Теперь оба слушайте сюда. Мы сейчас следом за «Изумрудным» подходим к погранпункту, Толян швартуется, а «Удача» и «Анадырь» встают на якоря в сотне метров от берега. После этого ты, Лёха-капитан, садишься в шлюпку и едешь на «Удачу», где мы с тобой, ты и я, выясняем, кто кому Рабинович. Вы поняли, Толян с Лёхой? На всё это время на наших судах остаются ваши матросики, которых, в знак наших добрых намерений, мы даже разоружать не будем. Если они, конечно, рыпаться не станут.

Пару секунд в эфире стояла тишина, а потом рация снова заговорила голосом Кислицына:

- Ну и что от ваших корыт останется после того, как я всажу в них пару очередей из КПВТ?

- Нам, конечно, неплохо достанется. Только ты, Толян, подумай, что останется от твоей алюминиевой консервной банки, когда по ней разом вдарят два ДШК и наша «зушка». А поскольку ни нам, ни тебе этого не нужно, топай спокойно к погранпункту, где ты будешь терпеливо ждать, пока мы с капитаном переговорим. Ты понял?

Поскольку ответом было молчание, Дед спокойно закончил:

- Вот и ладненько! Конец связи!

Матросам как можно спокойнее объяснили, что их снимет с вахты начальник погранпоста, а до этого момента им, во избежание произвольной стрельбы, лучше будет отстегнуть магазины АКМС и спрятать их в под сумки.

- Это что? – возмутился один из них, пытаюсь перехватить оружие. – Неподчинение приказам пограничников?

Я легко отобрал у бойца автомат, отщёлкнул рожок и протянул то и другое назад.

- Это забота о твоей безопасности. Нам не хочется стрелять в своих, поэтому сделай, как тебя просят.

Демонстрация выглядела весьма убедительно, и парень, надувшись, молча наблюдал, как матросы расчехляют ДШК и ЗУ-23-2.

- Обрати внимание: патронов никто не досылает. Но если твой командир окажется идиотом... Тогда извини, я не виноват!

Пока Кислицын швартовался, а мы становились на якорь, на пирс выскочил высокий худощавый офицер, о чём-то переговоривший с командиром погранкатера. Потом он легко скользнул в ялик, на вёслах которого сидел матрос, и уселся на носу.

Взлетевшего по штурм-трапу капитана с синими просветами погонов и в фуражке с синим околышем встретил Иван Андреевич.

- Понятно. Курсант Шестаков, выпуск 26 года. Раздолбай и бабник. Не мудрено, что загораешь у... члена на бровях! – не дав сказать козырнувшему капитану ни слова, припечатал Дед. – И как только до капитана выслужился?!

Ошалевший начальник погранпоста только хлопал глазами.

- Пошли, Шестаков, покалякать надо!

- Вы же... Говорили, что вы на охоте на Срединных увалах погибли...

- Так тебя и не научили лишнего не болтать! Контрразведчик, блин!

Они разговаривали в капитанской рубке, чтобы видно было, что с капитаном всё в порядке, буквально пару минут. После этого капитан недовольно глянул на матроса, дисциплинированно мающего на баке с автоматом без магазина.

- Сафин, за мной!

- Товарищ капитан! Можно вас попросить об одолжении? Майор Колесов. Не наказывайте, пожалуйста, матросов. У них не было ни одного шанса ни против меня, ни против мичмана Стороженко из морской пехоты Черноморского флота, - извиняюще улыбнувшись, кивнул я в сторону «Анадыря».

Когда ялик отплыл, прихватив с «Анадыря» второго морячка, Иван Андреевич предупредил:

- Как только объявят отбой боевой тревоги, можно сниматься с якоря и швартоваться.

Остров Тонкий, 36 год, 32 июня, пятница, 4:35

Старший лейтенант уже перестал психовать из-за идиотского положения, в которое он влип с перехватом «американских шпионов». У него есть чёткая инструкция: все суда, не принадлежащие Советской Республике, если такие появятся, доставлять на пункт пограничной охраны, людей задерживать и передавать сотрудникам Службы госбезопасности, представители которых с недавних пор повсеместно стали начальниками погранпунктов. Инструкция имела гриф «совершенно секретно», и породила слух о том, что это как-то связано с изъятием всех коротковолновых радиостанций. Болтали, будто американцы тоже колонизируют этот Мир, и любое военное столкновение с ними весьма чревато для Республики, у которой уже несколько лет не было связи с Союзом. Впрочем, и просто Республикой-то из Автономной Республики она стала только спустя три года после закрытия Перехода. Но мало ли что болтают офицеры за рюмкой в чисто своих, офицерских компаниях?

Суда были неместными, у обоих – бело-сине-красные флаги, которые были в ходу в царское время на Старой Земле. У обоих – русские надписи дублированы английскими, чего в Советской Республике никто не делает. Документы у людей – какие-то пластиковые карточки, а не привычные бумажные книжицы. Да ещё и по-английски заполнены. Значки на них – как на американских деньгах (Кислицын в детстве много книжек перечитал, и эта информация ему где-то на глаза попадалась). Если даже закрыть глаза на тот бред, что несли оба капитана, представляясь сами и представляя членов команды, то одежда выдавала их с головой: здесь такого не носят! Какие-то пятнистые куртки, бесформенные штаны и высокие шнурованные

ботинки. Именно так в учебных пособиях военно-морского училища изображали американских солдат на Старой Земле. Ну и оружие. Частью советское, частью очень похожее на советское, а частью – откровенно иностранное. Радиотехника – вся не наша. Ну откуда, к примеру, у нас взяться персональным радиостанциям, размером с пачку сигарет?

Но Лёха Шестаков, капитан Службы госбезопасности и начальник погранпункта, после короткого разговора с этим дедком, что-то нёшим про два года назад сменивший название КГБ, рассудил иначе. И послал его на «Изумрудном» за двести с гаком миль в Химик. Причём, приказал солярку не жалеть, а лететь со скоростью 20 узлов. И это в то время, когда на остров Толстый высадились бежавшие из колонии и заключённые, захватив в порту два сейнера.

В общем-то, из-за этого ЧП старлею и пришлось мчаться в Химик: эки перебили трёх дежурных ретранслятора острова Толстый, и второй день, пока собирались баржи с бойцами охранного батальона, пограничный пункт сидел без связи с Большой Землёй. На Тонком не знали бы и этого, если бы один из дежурных не успел передать в эфир сообщение о нападении. Ещё лет семь назад эков потопили бы прямо в море, раздолбав оба корыта авиацией. Но сейчас моторесурс самолётов и вертолётов берегли, как скупердьяй копеечку. Видимо рассудили, что никуда эки с острова не денутся. За океан не сунутся – передохнут по дороге без воды и еды. Да и топлива у них не хватит на это, даже если бы полные баки имели. На крайний случай – ещё на сотню обглоданных зверьём костяков где-нибудь в южных отрогах Становых гор больше станет. Не сразу, конечно. Года через два-три последних зверьё доест... Мало ли таких бежало за три с половиной десятка лет обитания людей в этом мире? Да только выжили считанные десятки.

Ночной заход в порт – та ещё процедурная возня. А потом в портовой комендатуре выбить машину, чтобы доехать до управления СГБ. Хорошо, хоть гэбэшники нервы мотать не стали. Прочли пакет от начальника погранпункта и оперативно закрыли в глухой камерке наедине с телефонным аппаратом.

После набора номера, продиктованного Шестаковым, трубку подняли буквально после второго гудка.

- Дежурный приёмной!

- Примите телефонограмму.

- Кто у аппарата?

- Командир пограничного катера «Изумрудный» старший лейтенант Кислицын, погранпункт «остров Тонкий».

- Диктуйте! Какой гриф телефонограммы?

- «Искра».

- Вы не ошиблись?

- Никак нет! Гриф «Искра».

- Не кладите трубку!

Голос пропал, пропали и любые звуки из трубки, будто кто-то обрезал витой провод, ведущий от аппарата. Ни единого звука не было минуты три. Потом голос дежурного внезапно

произнёс:

- Соединяю!

- Алло! Говорите, Кислицын! – пробурчал на ухо сонный голос.

- Гриф «Искра»...

- Если было бы что-то другое, вас бы со мной не соединили. Диктуйте!

- Собственно, мне, кроме грифа, приказано было передать только имя – полковник Данилов, – чётко произнёс старлей.

На том конце провода несколько секунд сопели в микрофон, потом голос говорящего зазвучал чётко, без сонных ноток.

- Принято. Теперь слушай меня, капитан-лейтенант.

- Старший лейтенант, – осмелился поправить Толян.

- Я сказал – капитан-лейтенант! – жёстко отрезал ещё полминуты назад сонный собеседник. – Ты никогда не слышал о существовании грифа «Искра».

- Есть!

- Всё! Возвращайся на Тонкий. Соответствующую подписку у тебя возьмут.

В трубке запищали короткие гудки...

Выходил назад то ли старший лейтенант, то ли капитан-лейтенант Кислицын уже утром. Следом за «Изумрудным» из порта потянулись загруженные солдатами самоходные баржи, но пограничный катер набрал скорость около 20 узлов, и вскоре они скрылись где-то за кормой.

Никакого братания с бойцами пограничного поста не было. Шестаков очень быстро навёл дисциплину среди пограничников, припугнув тем, что каждого, кто сунется к нам, сверхсекретным, зашлёт в какую-то невероятную дыру. Хотя, казалось бы, где найти большую дыру, чем этот остров в океане, удалённый от ближайшей суши на сотню миль, а от города – более чем на две?

Что из себя представляет погранпункт? Причал с тремя пирсами и будочкой дневального перед ним. По одному из пирсов, тому самому, к которому швартовался «Изумрудный», толстой чёрной змеей проброшен резиновый шланг, ведущий к закопанной в землю цистерне с горючим. Небольшой бетонный плац, размеченный для строевых занятий. За ним одноэтажная казарма. С другой стороны казарменного строения – небольшая столовая. Ещё один домик – для проживания офицерского состава, всего четыре квартиры. Выше по склону – караулка. Мимо неё на вершину прибрежного холма ведёт тропинка, упирающаяся в угрюмое бетонное сооружение, на крыше которого днём вращается антенна локатора. Рядом – высокая ажурная мачта. Вся описанная территория огорожена забором из колючей проволоки. Будто снова в годы срочной службы вернулся!

Я не зря обратил внимание на то, что локатор вращался только днём. Едва стало темнеть, его антенна, просвечивающая сквозь редкие деревья на склоне, замерла. На вопрос, почему,

Шестаков пожал плечами:

- А кто среди ночи в пролив сунется?

- Если б мы к нему среди ночи подошли, я бы пошёл.

- У вас локатор, а у нас для них катастрофически не хватает электронной начинки. Они только на военных кораблях стоят, да и то используются не часто. Мы тоже ресурс экономим.

На это мне нечего было ответить, и я попросил Осинцева выставить ночную вахту.

Как говорится, инициатива наказуема исполнением. А поскольку очередность дежурств никто не отменял, мне выпало время с двух до шести ночи. «Собачья вахта», как называли это время в старину.

Честно говоря, радар я тоже включал лишь каждые двадцать минут, а не гонял его постоянно. Но то, что нужно было обнаружить – обнаружил. Две засечки на фоне острова Толстый неторопливо двигались в нашу сторону.

Первым делом, естественно, поднял Осинцева, у которого опыт работы с локаторами был побольше моего. И он подтвердил:

- Два небольших судна, предположительно 250-300 тонн водоизмещения. Двигутся к нам со скоростью около шести узлов. Примерно через 45-50 минут будут здесь.

- Поднимайте команду, Вадим Григорьевич, а я побегу будить хозяев.

Примчавшись на пирс, Шестаков, вызванный дневальным, уткнулся в экран радара. Убедившись в нашей правоте, он погнал бойца поднимать в ружьё пограничный пост.

- Свет нигде не зажигать! – скомандовал он, а потом крикнул вдогонку. – Мою жену с ребёнком отправь в радиоцентр! И пусть не копаются! Что делать собираетесь, товарищи офицеры?

- Во-первых, услышать от вас, кто это может быть.

- Беглые заключённые, – недовольно поморщился капитан. – Несколько дней назад подняли бунт в колонии на окраине Химика, прорвались в порт и захватили два сейнера. Той же ночью ушли в море. Пока зачистили территорию порта, они успели оторваться. Два дня назад захватили ретранслятор на острове Толстый, где дежурили штатские. Из-за чего мне и пришлось не связываться с берегом по радио, а отправить Кислицына на «Изумрудном». Видимо, заметили, что катер ушёл в сторону города, и решили к нам наведаться.

- И что им тут могло понадобиться?

- Оружие, топливо, еда...

- У вас план обороны поста имеется на случай нападения с моря?

- Да какой там план! – с досадой махнул рукой Шестаков. – Никто ни о чём подобном даже не думал! Обычно, если случались подобные бунты, заключённые уходили в горы, в леса. Это первый случай, когда они суда захватили. Да ещё и на остров напали!

- Оборону-то в казарме и радиоцентре хоть сумеете занять?

- Ну, радиочентр как раз и строили по типовому проекту, позволяющему держать в нём бой. Шесть бойцов там, остальных в казарме размещу, будем через окна отстреливаться.

- Тогда мы снимаемся с якоря и отходим метров на двести вдоль берега. Чтобы под ваш огонь не попасть, а когда они попытаются высадиться и пойти в атаку, ударить им во фланг и тыл. Ещё бы знать, какое у них оружие...

- На сейнерах точно было по паре пулемётов. Обычно на них ставят СГМБ или ПКМБ. На Толстом захватили ещё один ручной пулемёт и три автомата. Сколько и чего с собой из зоны принесли и у охраны порта отняли, только им известно.

- Понятно. Тогда бегите в казарму, а мы отваливаем от пирса: им минут пятнадцать идти осталось!

«Анадырь», не защищённый бронёй из железного граба, мы поставили чуть подальше: пусть бьют по тем, кто на берег выскочит. А сами, подсветив пространство перед пирсами фарой танкового прибора ночного видения, приготовились ударить перед швартовкой.

- Сейнеры РС-300 типа «Маневренный», проект 388, - узнал силуэты Осинцев. - Водоизмещение до 318 тонн. Бойко, по рубке и носу первого. Носов, тебе второй сейнер. Вы, Николай Валерьевич, со своим прибором ночного видения, постарайтесь подавить пулемёты.

Первая стальная громадина уже ползёт вдоль пирса, и тут на него с палубы судна, возвышающейся над досками причала метра на полтора, посыпались люди с оружием в руках.

- Огонь! - скомандовал Вадим Григорьевич, и ночь раскололась грохотом выстрелов.

Рубка первого сейнера расцвела вспышками разрывов 23-мм снарядов. На берегу посыпались выбитые стёкла казармы, тоже озарившиеся вспышками выстрелов. Железом по железу заскрипел о причал второй сейнер, прикрывшись тушей первого.

По корпусу «Удачи» сыпанул горох пулемётной очереди с кормы рыболовного судна, и я ответил двумя трёхпатронными сериями из своего АК-103. Пулемёт на несколько секунд смолк, возле него мелькнули тени, и снова на его дульном срезе вспыхнули жёлтые цветы выстрелов. Взрыв ВОГ-25 заставил его замолчать. А носовой пулемёт продолжал бить по окнам казармы. Подавить этот пулемёт я не успел, его накрыла очередь из «зущки».

Хуже было то, что второй сейнер оказался полностью скрыт за корпусом ближнего к нам, и атакующие, накопившись на пирсе, рванулись в сторону казармы. Одни стреляли на ходу из автоматов, а вторые бежали с какими-то огоньками в руках. Вот один из них споткнулся, сражённый пулей, и вокруг упавшего вспыхнуло пламя. Ещё один мгновенно превратился в живой факел, но всё понятно стало, лишь когда бутылки с горящими фитилями полетели в сторону казармы.

Это был кошмар: горели люди на плацу, горящая жидкость стекала по стенам казармы, полыхало внутри неё. Разлетались брызги крови при попадании в людей свинца. Особенно страшно было видеть, что происходило при стрельбе из ДШК, пули которого в буквальном смысле того слова отрывали руки и ноги.

Где-то в литературе попадалось выражение «упоеание боем». То есть восторг, наслаждение им. Чем, бл...дь, наслаждаться и восхищаться? Криками боли, тяжёлым запахом крови, горячей плоти и, простите, человеческого говна? Не надо морщиться от слов правды! Когда пуля в живот попадает, наружу летят брызги вовсе не духов «Ландыш»! Да и нередко организм,

умирая, пытается избавиться от лишних жидкостей и... более густых субстанций. Каким же психом и моральным уродом быть, чтобы балдеть от всего этого?!

Чёрт! Дофилософствовался! Кто-то с сейнера резанул нам по фальшборту, и десятисантиметровая щепка, отбитая пулей от кромки доски, пробила насквозь правую щеку. В воду её! Хорошо, не в лоб или в бровь: кровь глаза не заливает! А ту, что в рот течёт, выплюнуть можно. Туда, где только что вспыхивали огоньки выстрелов, летит граната из подствольника. Только почему взрывов два и не один?

- Я тебе что сказал? Не высовываться из каюты! - рявкнул я на Наташу, прячущуюся за мачту.
- А ну, быстро вниз!

Опять стреляют с сейнера. Чёрт, туда бы очередь из ДШК влепить! Чего он, кстати, молчит?

Возле пулемёта тёмным кулём лежит Носов, а с пулемётной лентой уже возится Райзман, которому тоже приказано было оставаться в каюте. Я достреливаю трёхпатронными очередями второй магазин, чтобы позволить Семёну Марковичу вставить ленту, и басовитое «бу-бу-бу-бу» разносит в клочья стальной борт сейнера в том месте, где укрывался стрелок.

Пальбы уже почти не слышно, но что это за металлический визг? Второй сейнер, почти не пострадавший от нашего огня, отползает от пирса задним ходом. Сейчас покажется кормовой пулемёт, установленный на надстройке за ходовой рубкой...

Один за другим в район дымовой трубы ложится пара ВОГов.

- Бойко, Семён Маркович! Огонь по ходовой рубке! Разнесите её, чтобы они уйти не смогли!

ДШК и «зушка» в три ствола дырявят ходовую рубку решившего сбежать сейнера, а я забрасываю ВОГаи надстройку для входа в нижние помещения, на которой сверху установлен носовой пулемёт.

Всё. Закончились ленты и у ЗУ-23-2, и у ДШК. На сейнере, продолжающем пятиться задом, несколько очагов пожара. С него уже никто не стреляет. Пожалуй, бой закончен, осталось провести зачистку. Но для начала - разобраться, что у нас с потерями...

Остров Тонкий, 36 год, 32 июня, пятница, 10:05

- Не дёргайся!

- Так больно же!

- А когда попало - не больно было?

- Когда попало - не очень. А когда спиртовым тампоном протирать начала - да.

Выглядел я, конечно, первостатейным зомби: морда и шея до самого ворота в кровящи из пробитой щеки. Губы и подбородок - тоже красные от сплёвываемой крови. Камуфляж - в бурых пятнах. Но досталось мне гораздо меньше, чем, скажем, Носову с простреленным плечом или Осинцеву с оторванными двумя фалангами среднего пальца левой руки. Матрос сейчас без сознания: похоже, пулей раздробило кость. А капитан, лицо которого ещё и выбитыми стёклами рубки поцарапало, только морщится и пытается шутить:

- Во, блин, ранение! Теперь даже «фак» никому не покажешь, смех один получится!

Наташа, перебинтовав наскоро Носова и Вадима Григорьевича, залепила мою дыру в щеке пластырем.

- Нам на берег пора, Вадим Григорьевич!

- Тогда, Николай Валерьевич, поднимайте якоря, будем этого монстра обходить.

Он кивнул на качающийся у пирса сейнер.

Пока «Удача» самым малым ходом обходила судно, захваченное заключёнными, я связался с Дежнёвым. У него был один погибший, но Семён пообещал прикрыть нас с Наташей, когда мы на зачистку выдвинемся.

Вблизи картина ночного побоища, освещённая редкими фонарями, полыхающим пожаром и начинающимся рассветом, выглядела ещё более ужасающе. Раненых среди нападавших было немного, и я, воспользовавшись опытом американских копов, быстро стягивал руки пластмассовыми стяжками каждому, кто подавал хоть какие-то признаки жизни, пока Наташа контролировала окрестности.

Из двенадцати человек, державших оборону в казарме, в живых осталось четверо: раненый в грудь и обгоревший Шестаков, а также три пограничника. Они успели выбраться сами и вынести Алексея. Но каждый требует перевязки, кто руки, кто ноги. Так что прихваченные нами бинты и пару шприц-тюбиков обезболивающего из неприкосновенного запаса мы тут же использовали.

- Николай, осторожнее! – заговорила голосом Ивана Андреевича рация в кармане бронежилета. – Какое-то движение вверх по склону. Выше караульного помещения. Мне плохо видно.

Я надвинул на глаза ноктовизор, и сразу всё стало ясно. Двое пытались раздвинуть колючую проволоку, чтобы вырваться с территории погранпункта.

- Поднять руки! Выходить по одному! – рявкнул я.

Люди замерли, но выполнять приказ не спешили. Тогда я всадил трёхпатронную очередь в землю в метре от них.

- Я сказал: поднять руки и выходить!

Вместо этого оба припали к земле, и трижды рявкнул ПМ.

Ах, вы ж суки! Стрелок уткнулся лицом в землю, получив в лоб не менее одной пули.

- Один из двоих готов! – громко прокомментировал я и обратился ко второму. – У тебя остался последний шанс остаться в живых. На счёт «три» стреляю. Раз!

- Я сдаюсь!

Жилистый парень, высоко подняв руки, спустился по тропинке. Закинув автомат за спину, я принялся охлопывать его в поисках припрятанного оружия. И поздно отреагировал на заточку, мгновенно оказавшуюся в руке урки. Впрочем, ему тоже не повезло: пытаюсь воткнуть её мне в печень, он не ожидал, что острый упрётся в пластину бронежилета.

Уже лёжа разбитым лицом вниз, уркаган скрипел зубами и орал:

- Ты, сука краснопёрая пожалел меня? Да е...ал я такую жалость! Чтоб ты сам сдох на урановых рудниках, где я теперь гнить буду!

Наташа подошла ко мне и негромко спросила:

- Может, действительно лучше его пристрелить?

- Ты его жалеешь? А эта мразь жалела 18-19-летних пацанов, которых заживо жгла? Только в одном случае соглашусь на то, чтобы этот урод сейчас же умер: если сгорит также, как горели мальчишки, в которых он зажигательную смесь кидал. Или так, или пусть сдыхает от радиации! Но на рудниках он хоть какую-то пользу стране принесёт!

Хотя на сейнере и обнаружилось трое живых и невредимых уроков, они даже не пытались сопротивляться, будучи полностью подавленными провалом своей попытки захватить пункт пограничного контроля. Просто прятались в самых труднодоступных закоулках судна, пока их оттуда не выволокла сводная команда матросов «Удачи» и «Анадыря».

Второй сейнер мы догонять не стали. Даже если на нём кто-то остался в живых, управлять судном было уже невозможно из-за разнесённой в хлам рубки. А поскольку его курс немного отклонялся влево, рано или поздно оно всё равно уткнётся в сушу. Если не в остров Толстый, то в Птичий полуостров, если не в него, то, одолев залив, в сам континент.

Командование погранпунктом, вместо находящегося без сознания Шестакова, принял на себя лейтенант Дючков, начальник радиоузла. До этого бетонного сооружения нападавшие так и не добрались, и теперь четверо из шестерых его подчинённых стаскивали убитых в одну кучу рядом с причалом. А Наташа и жена Шестакова возились с ранеными, размещёнными в доме офицерского состава. В то время как экипажи обоих экспедиционных судов занимались ликвидацией повреждений, полученных во время боя.

Самым большим из этих повреждений стала разбитая антенна нашего локатора. Остальное – перебитые леера, выбитые стёкла и иллюминаторы, пулевые отверстия в корпусе «Анадыря», не защищённого «деревянной бронёй», были сущими пустяками. Хотя и требовавшими некоторой возни.

Всё это продолжалось до тех пор, пока из радицентра, стоящего на вершине холма, не примчался солдат и что-то не доложил лейтенанту. А буквально через пять минут в воздухе появился гидросамолёт с красными звёздами на крыльях, описавший над пограничным пунктом восьмёрку. После чего летающая лодка, в которой Осинцев узнал американскую «Каталину», эксплуатирующуюся по всему миру с конца 1930-х, пошла на посадку.

Остров Тонкий, 36 год, 32 июня, пятница, 12:25

Появление высокого начальства в отдалённом крошечном гарнизоне – всегда большой шухер. И чем начальство выше, а гарнизон мельче, тем шухер грандиознее. А уж если буквально за несколько часов до визита в военной части случилось грандиозное ЧП, которое никак невозможно скрыть... Можете себе представить, в каком состоянии был лейтенант, принявший на себя командование погранпунктом «Остров Тонкий». Причём, лейтенант, надевший офицерские погоны чуть больше года назад.

О том, что начальство очень, очень большое, дал понять солдатик, направленный на пирс для

швартовки медленно подходящей к причалу «Каталины». На вопрос, кто бы это мог быть, он, нервно теребя пряжку ремня, только дёрнул плечом:

- Если самолёт послали, то боюсь даже представить!

А Дючков, во всю прыть примчавшийся по ещё не отмытым от крови доскам пирса, сделал зверскую рожу и несколько раз типа незаметно махнул кистью руки: мол, бегом скройтесь с глаз долой, граждане посторонние!

Первыми на причал через открывшийся проём в борту самолёта выскочили три мордоворота, вооружённые довольно потёртыми «ксюхами», АК-74У, технично оттеснившие в сторонку и солдатика, едва успевшего примотать швартовый конец к кнехту, и лейтенанта. Просканировав окружающее пространство, старший тройки вернулся к люку и молча кивнул.

То, как вытянулась физиономия Дюčkова, говорило очень о многом, хотя все были в цивильном. Старший из четвѐрки вышедших на пирс начальников прервал собравшегося рапортовать лейтенанта.

- Потом поприветствуешь! Просто сам представься.

- Начальник радиоузла лейтенант Дючков. Временно исполняю обязанности командира погранпункта.

- А что с Шестаковым?

- Тяжело ранен в грудь. Без сознания во временном медпункте.

- Что тут случилось, мы примерно поняли, рассмотрев с воздуха. Потери большие? И отчего казарма сгорела?

- Забросали бутылками с зажигательной смесью. Погибших двенадцать, включая одного у... этих, - не нашѐлся, как назвать нас, лейтенант. - И лейтенанта Саакяна. Раненых семеро: четверо у нас, трое у них. Капитан Шестаков и... матрос с «Удачи» - тяжело. У солдат и Шестакова - серьёзные ожоги.

- А у этих? - ткнуло начальство пальцем в сейнер.

- Нашли убитыми шестьдесят восемь. Возможно, ещё кто-нибудь всплывѐт из упавших в воду, если его к тому времени не сожрут. Живых одиннадцать. Из них раненых семеро, но неизвестно, сколько из них выживет: у четверых очень серьёзные ранения, двое не прожили и часа после того, как им помощь оказали. Сколько убитых, раненых и невредимых на втором сейнере, не известно.

- Я правильно понял, что гости тоже в бою участвовали?

- Да если бы не они, товарищ генерал, тут бы никто не уцелел! - эмоционально выпалил Дючков. - Разрешите обратиться? Как вы узнали, что у нас здесь случилось? У нас же связи с Большой Землѐй до сих пор нет!

Та-ак! Генерал, значит! При трёх миллионах населения суммарная численность армии, милиции и спецслужб вряд ли превышает шестьдесят тысяч человек. Просто потому, что в мирное время содержать больше 2% от этого количества людей в погонах - очень, очень накладно! 5% - на случай войны, 10% - максимально допустимый мобилизационный потенциал,

после которого следует задница в экономике в течение пары лет. Значит, не больше трёх дивизий во всей армии. Но скорее всего, максимальная армейская единица – бригада, которыми обычно полковники командуют. Министр обороны, что ли?

- С воздуха увидели, лейтенант! Пролетали мимо и увидели! Занимайся пока своими делами, мы потом тебя разыщем. Подожди! Сейчас тебе штурман отдаст аварийную аптечку со спецпрепаратами ускоренной регенерации тканей, вколете их тяжёлым. ...А я сказал – отдаст! – рыкнул он на командира экипажа, пытавшегося через форточку что-то сказать про инструкции.

Проконтролировав передачу аптечки, генерал повернулся в сторону Деда, иронично взирающего на прибывших. Чёрт, когда же наш дедуля успел побриться? Единственный среди нас без щетины! Впрочем, мне с моей дыркой в щеке минимум неделю небритым ходить. Если никакой заразы в рану не занёс...

- Может, какую-нибудь доску нам кинешь, Андреич? Не корячиться же нам через борт!

Повинуясь кивку Осинцева, Бойко бросил на пирс сходни.

Нет, не министр обороны, а начальник Службы госбезопасности. По совокупности курируемых вопросов, пожалуй, это больше соответствовало французской должности префекта: политическая полиция, частично – внутренние дела, борьба с опасной преступностью... По совместительству – первый заместитель председателя Совета Министров, отвечающий за промышленный комплекс оборонного назначения. При таком перечне задач и полномочий трудно сказать, кто в государстве реальное первое лицо, он или премьер!

А с ним вместе – министр науки и образования, начальник номерной лаборатории, как именуется здесь Точка Перехода, и первый помощник председателя Верховного Совета. Органа не столько законодательного, сколько представительского, как стало понятно позже.

Дальше взаимных представлений дело не пошло: просто обстановка была не та. Максим Георгиевич Воздвиженский, как звали генерала, минут на десять удалился с Иваном Андреевичем в кают-компанию, а мы с Вадимом Григорьевичем остались на растерзание учёных, у которых загорелись глаза при виде нашего оборудования. А вскоре вернулись полковник с генералом, и Воздвиженский принялся командовать.

В результате его распоряжений шесть пассажирских кресел из гидросамолёта перекочевали на борт «Удачи». Вместо них в салон летающей лодки, переделанной из морского разведчика в пассажирский борт (я с удивлением узнал от Осинцева, что «Каталина» не только поступала в СССР по ленд-лизу, но и до 1940 года недолго выпускалась у нас по лицензии), погрузили носилки с четырьмя ранеными, находящимися в бессознательном состоянии, мичмана Носова, троих пограничников, оборонявших казарму и жену Шестакова с ребёнком.

- Павел Васильевич, - обратился генерал к помощнику спикера парламента. - Я попрошу лететь и вас. Помогите, пожалуйста, организовать инфраструктуру для наших гостей. И свяжитесь с воздуха с десантом, что идёт на Толстый: пусть одна баржа сразу сюда направляется на пополнение гарнизона.

- Самолёт за вами присылать после того, как раненых в Химик доставим?

- Не в Химик, а в Советск. В Химике после этого бунта и так больницы переполнены. Нет, не

надо нам самолёт присылать. Мы дождёмся баржи и своим ходом на «Удаче» и «Анадыре» дотопаем в Рыбацкое. Это три дня их хода, а впереди выходные. Не помрут без меня, если я один рабочий день прогуляю! Зато время сэкономлю на то, чтобы разобраться с проблемой Переходов, американской колонией и тем, что теперь вместе СССР в Старом Мире.

- А разве...

- Ага! Нету больше Союза, есть только его обломки, пребывающие в состоянии «дикого капитализма», а некоторые даже и воюющие друг с другом. Благо, ещё Россия в прежних границах сохранилась! Но и та зачастую под американскую дудку пляшет...

Помощник спикера явно пребывал от услышанного в шоке.

- Вот я и хочу определиться, что нам придётся у себя менять, чтобы правители этой «новой России» согласились иметь дела с нами, «гэбистской диктатурой», как они подобных нам называют.

И вроде бы недолго Иван Андреевич со своим старым соратником разговаривал, а столько успел вывалить!

- Думаете, Максим Георгиевич, что-то придётся менять?

- Не что-то, а очень многое! Иначе нас просто оставят в изоляции ещё лет на двадцать. А там, глядишь, и американцы сюда доберутся... Всё, Павел Васильевич! Пора борт отправлять!

«Каталина» вырулила на простор, натужно заревела моторами, разогналась и, набирая высоту, пошла в сторону Химики перехватывать баржи с десантом.

Холодный океан, 5 миль северо-восточнее мыса Селитренный, 36 год, 34 июня, воскресенье, 11:10

«Изумрудный» появился у острова около полудня.

Командир «Каталины» связался и с ним, кратко описав, что случилось на погранпункте этой ночью, и поэтому Кислицын летел остаток пути на максимально возможной скорости. Каково же было его удивление, когда командира катера на причале встречал Воздвиженский.

- А, Кислицын прибыл!

- Так точно, товарищ генерал! Командир пограничного катера «Изумрудный», старший лейтенант Кислицын!

- Сколько раз тебе можно повторять? Не старший лейтенант, а капитан-лейтенант!

- Виноват, товарищ генерал, но приказа о присвоении звания я ещё не видел.

- А моё слово для тебя уже ничего не значит? Подписан твой приказ! Можешь звёздочки цеплять! Иди, принимай временное командование пограничным пунктом у лейтенанта Дючкова. Завтра утром сюда подойдёт баржа с десантом в качестве усиления, займётесь восстановлением казармы. А пока вместе с Дючковым организуйте горячее питание и ночлег для остатков гарнизона и... задержанных беглецов. На меня и наших гостей не рассчитывайте: нас они уже поставили на довольствие.

Щёку мне всё-таки разбарабанило, и Наташе, вымотавшейся с ранеными, пришлось прямо на палубе, чтобы света было побольше, снова обрабатывать мне рану и колоть антибиотики. А потом Воздвиженский, быстро перехвативший руководство нашей экспедицией, прогнал нас обоих поспать хотя бы часа три.

Свою охрану генерал определил на «Анадырь», где снова осталось четыре члена экипажа, «заведующего» Точкой Перехода загнал в кубрик улетевшего в Советск Носова, а сам вместе с министром занял кают-компанию. Не самое удобное место для сна, но куда деваться: мой баркас изначально проектировался под шесть человек экипаж и четырёх пассажиров.

Он успевал всё: терзать нас вопросами, подгонять Кислицына и Дючкова с организацией быта на разгромленном пограничном посту, лично опрашивать (не допрашивать, а именно опрашивать) уцелевших во время бойни заключённых, совещаться со своими спутниками. Иногда даже покушать успевал. А ночью – периодически контролировать судовые вахты и караульных на берегу.

Кстати, ресурс радара (в эту ночь – точно!) больше не сэкономили. Нашего судового, отремонтированного совместными усилиями механика, министра науки и заведующего Лабораторией-Переходом, тоже. Ну и, понятное дело, приближающуюся самоходную баржу с десантом, заметили издали. Стационарный радар, стоявший намного выше, раньше, мы позже.

Мою дырявую щёку уже не дёргала боль, но обрабатывать рану всё равно было нужно, и встречу пополнения я пропустил, так как хитрющая Наталья усадила меня спиной к причалу. Якобы для того, чтобы солнце ей подсвечивало...

Поскольку в планах Воздвиженского значилось через три дня прибыть в Рыбачье, в море вышли уже спустя час после высадки десанта. Пока строго на норд, чтобы по радио связаться с десантом, высадившемся на северном берегу острова Толстый. Ну а потом можно будет повернуть чуть восточнее, чтобы обогнуть мыс Селитренный: благо, юго-восточный ветер позволял идти таким курсом с нашим парусным вооружением.

В настоящий шок «туземцев» вверг мой ноутбук на базе «Пентиум-3» с тактовой частотой 1 гигагерц, выписанный со Старой Земли вместе с электронным оборудованием для «Удачи». На нём я продемонстрировал ряд справочников бронетехники и вооружений. Самым современным компьютером, что имелся в распоряжении колонии, была какая-то неизвестная мне «Электроника-60», работающая с перфолентой и монохромным дисплеем. Для чуть более серьёзных расчётов – «Электроника-100» с вводом-выводом на электрической печатной машинке «Консул», занимавшая помещение, площадью не менее 10 квадратных метров. Ну а то, что мой ноут ещё и позволял работать без подключения к электросети почти два часа, вообще выглядело чудом в глазах этих людей. Информацию о том, что на аппарате можно ещё и просматривать фильмы, запас которых у меня хранился в каюте, я попридержал на потом: нам и без кино хватило листания электронных справочников.

Прервались только для связи с десантом, уже зачистившим сейнер, уткнувшийся кормой в берег. Теперь солдаты прочёсывали остров. Командир десанта доложил, что работу ретранслятора восстановят за день-два. А Воздвиженский распорядился направить ещё одну баржу на Тонкий, чтобы забрать оттуда захваченных в плен беглых заключённых.

Мыс Селитренный назван так из-за многометровых залежей превратившегося в селитру птичьего помёта. Нечто подобное имелось на острове Науру в Тихом океане Старой Земли.

Только здесь это ценное сырьё вывозилось не кораблями за границу, а грузовиками на завод в Химике, производящий удобрения. И взрывчатку. Возможно, когда-нибудь карьер достигнет и побережья, но пока на пятидесятиметровом утёсе стоял маяк, одновременно служивший наблюдательной точкой, контролирующей близлежащие воды.

Мы шли от берега всего в полтора миль, и не могли не заметить вспышек светового телеграфа на башне маяка. Штурман Воронцов быстро перевёл нам чередование точек тире в общепонятные буквы и цифры: «Частота 41 и 5 срочно важно». А потом удивлённо пригласил в рубку Воздвиженского. Тот, сняв наушники после разговора с берегом, очень задумался.

Осинцев, приняв на борт охранников генерала с «Анадыря», направил баркас к небольшой бухте, врезавшейся в берег миль в пяти к северо-западу от оконечности мыса. И по тому, что он попросил мой бронжилет и предложил поменяться пистолетами – свой «генеральский» ПСМ на мой АПБ – я понял, что дело серьёзное.

- Может, пулемётом прикрыть?

- Твоим ДШК? – скептически поднял бровь Максим Георгиевич. – Ты бы ещё шестидюймовую гаубицу предложил!

- У меня есть более лёгкий, «Печенег».

- А это что за зверь?

- Модернизированный «Калашников» под винтовочный патрон и с возможностью установки оптического прицела.

- Ну, тогда ставь свой прицел. Но учти: никакой стрельбы, если мы стрелять не начнём или по нам стрелять не начнут!

Впрочем, всё прошло без осложнений. Три человека, приехавшие на потрёпанном открытом УАЗ-469, уже ждали генерала на берегу. Один из них, с погонами подполковника, отвёл Воздвиженского в сторону, и они разговаривали минут десять. Причём, по позе и жестике «префекта» было видно, что он весьма раздражён. Потом Максим Георгиевич принялся отдавать какие-то распоряжения. Переговорщики ещё несколько минут что-то обсуждали, а затем подполковник козырнул, махнул рукой своим сопровождающим, и троица укатила. А генерал и охранники, погрузившись на нашу резиновую лодку, пошли в сторону покачивающегося на волне баркаса.

Холодный океан, 36 год, 35 июня, понедельник, 8:25

Ну, вот я и узнал, что такое дворцовые интриги во времена СССР!

Поднявшись на борт по шторм-трапу, Воздвиженский первым делом поинтересовался у Осинцева:

- Капитан, с какой максимальной скоростью мы сейчас сможем идти курсом на восток?

- Если под парусом, то от силы 2-3 узла: наше парусное вооружение не позволяет нормально ходить под острым углом к ветру. Если на северо-восток, то при таком ветре узлов шесть выжмем.

- Нет, нам нужно строго на восток!
- Тогда под мотором шесть узлов спокойно сделаем.
- Я человек сухопутный. Сколько это в километрах в час будет?
- Примерно одиннадцать.
- А быстрее никак?
- Если очень уж спешить...
- Очень спешить!
- ...то километров тринадцать-четырнадцать в час. Но двигатель масло жрать начнёт.
- На сколько дней такого хода у нас хватит топлива и масла.

Вадим Григорьевич на пару секунд задумался.

- Недели на три-четыре. На «Анадыре» запас поменьше, но они и под парусом за нами поспеют даже при таком ветре.
- Тогда вперед! Колесов, свяжись с Дежнёвым: пусть делают, что хотят, но от нас не отставать! Всё уходим! На всех парах! И пусть радар всё время крутится. Связь между судами – только через карманные рации.
- Что-то случилось?
- Случилось. Потом расскажу. А пока мне надо с Иваном Андреевичем покалякать.

Это «потом» растянулось до следующего утра. Полковник с генералом закрылись в кают-компании на несколько часов, после чего разбежались, но оба ходили с таким видом, что расспрашивать их, в чём дело, смельчаков не нашлось. Тем не менее, за ужином Воздвиженский сообщил, что завтра в 8:00 ждёт весь экипаж, кроме штурвального и моториста, на палубе.

Но поскольку проблемы высокого местного начальства ещё не стали нашими проблемами, а мне опять выпала «собачья вахта», мы с Наташей в кои-то веке отправились спать в одно время. Я уже приготовился к отбою, а она, приняв душ, всё торчала в закутке, по недоразумению именуемом «сантехнический блок». В конце концов, я не выдержал и заглянул в полуоткрытую дверь. Моя ненаглядная, стоя вполоборота, разглядывала себя в крошечное настенное зеркало.

- Налюбоваться не можешь? – съехидничал я.

Наташья вздохнула и развернулась на выход.

- Да всё представляю, как я буду выглядеть с огромным животом. Кошмарно, наверное!
- Ты у меня всегда будешь красавицей! Даже с животом! – чмокнул я её в щёчку.
- Ага! – снова вздохнула она. – И будем мы с тобой гулять по тихим улочкам какого-нибудь

небольшого городка: я, такая из себя красавица, и ты, чудовище!

Наташа тихонько коснулась пальцами моей заклеенной пластырем раны на лице. На мои попытки сдержать смех она надула губки, и мне пришлось рассказать ей историю, связанную с красавицей и чудовищем.

Я уже как-то вспоминал, что перебравшись в Москву, каждый год обязательно старался вырваться в Миасс. А поскольку в такие приезды частенько встречался со старыми друзьями, в одной из компаний меня познакомили с необычной парочкой. Молодых женщин. Нет, вы неправильно поняли. Ориентация у них была нормальная.

Первая, довольно неглупая и симпатичная, была замужем и имела свой бизнес. Звали её Лена, но она почему-то предпочитала, чтобы её называли Лесей. При этом ею крутила, как хотела, вторая барышня, тоже Елена. Кто-то её звал Леной, кто-то Элен. В конце концов, устаканилось то, что её стали называть совмещённым именем – ЛенЭлен. Представьте себе мелкую, кривоногую, прыщавую и страшную, аки смерть, брюнетку.

Ну да, встречаются женщины, которых природа не наградила привлекательностью. И, как ни удивительно, обычно такие находят себе неплохих мужиков, живут с ними счастливо всю жизнь. Чем они их берут? Да прежде всего, характером: добротой, лаской, умом, талантом... ЛенЭлен не повезло и с этим. Пережив несчастный то ли брак, то ли роман, она окончательно озлобилась, видя в мужиках исключительно либо кошелёк, либо, если не знала ничего о содержимом их карманов или очередная жертва была занята, тело, обязанное удовлетворить её похоть.

Свои природные недостатки ЛенЭлен пыталась компенсировать нарядами. Благо, её работа позволяла менять их достаточно часто: трудилась она приёмщицей в ломбарде рядом с местным значным заведением, которое не единожды поменяло название, но с самой постройки было известно миассцам как «Поганка». Так окрестили архитектурный изыск в виде круглого ресторанного зала, опирающегося на значительно меньшее по диаметру основание-цоколь.

Одевалась ЛенЭлен дорого и богато, но совершенно безвкусно. Так обычно наряжаются провинциальные цыганки-попрошайки, когда не на «работе»: каждая вещь сама по себе хороша, а вот надетые вместе – просто кошмар какой-то! Даже её подруга-бизнесумен Леся носила вещи поскромнее, но просто несравнимо более стильные.

Всё это предпринималось труженицей ломбарда с единственной целью: подчеркнуть то, что ей хронически не хватает мужика. Своей озабоченности она не просто не стеснялась, она ею бахвалилась, открыто рассказывая, кто, когда, на какой машине возил её в лес или на пляж «отдохнуть», с кем она уже договорилась об этом. А поскольку этому ничтожеству для самоутверждения было мало того, что некоторые мужики ценили её как безотказную давалку, ЛенЭлен сколотила вокруг себя целую компанию молодых небедных девиц и женщин, готовых поддакивать каждой благоглупости, сказанной своей предводительницей.

Чем она их привлекла? Возможностью покупать неплохие драгоценности, принятые ушлой приёмщицей за бесценок в обход кассы. Девочки радостно «шестерили» перед «благодетельницей» за право первыми примчаться за дорогой безделушкой, а также узнать от ЛенЭлен, какие продукты и напитки с подошедшим к концу сроком реализации в соседнем с ломбардом супермаркете будут распродаваться со скидкой. Ну как же управляющая, тоже пользующаяся услугами приёмщицы ювелирных обносков, могла отказать ей в такой малости, как информация о распродаже залежалого товара?

Я попал в эту компанию, «заседавшую» в «Поганке», совершенно случайно, придя вместе с другом. Разумеется, увидев новое «мясо», ещё и приехавшее из Москвы, ЛенЭлен сделала стойку. Но пронюхав, что прибыл я всего-навсего на «уазике» (откуда ей было знать, что и УАЗ не простой, и в Москве моего возвращения ждёт «Хонда-Аккорд», не говоря уже о растущей фирме?), пить не собираюсь, поскольку за рулём, а после «Поганки» еду к родственникам, одарила меня презрительным взглядом и принялась рассказывать, на какой крутой тачке её возили в лес на прошлой неделе.

Пара моих язвительных комментариев вызвала настоящую бурю возмущения со стороны хора подпевал. Помимо всеобщего осуждения звучали и попытки успокоить «оскорблённую»:

- Ленка, не обращай внимания, он просто завидует твоим парням!
- Напьются тут всякие, а потом хороших людей обижают!
- Ты с твоими перспективами, Ленусик, можешь с высокой колокольни чихать на таких!

Но больше всего меня удивила Леся, о которой я задолго до этого слышал от её бывшей институтской преподавательницы, что она – «умненькая девочка, умница». Леся, громче всех защищавшая глупость своей подружки, едва ли не из трусов выпрыгивала от восторга, когда ЛенЭлен в завершение «беседы» «наградила» меня презрительной фразой:

- Да такие, как ты, должны драть на одно моё имя!

Ну, да! Всё остальное в ней ничего, кроме импотенции, у уважающего себя мужика не вызовет!

Секрет дружбы «красавицы и чудовища», как я прозвал эту парочку, раскрылся мне где-то через год. Она растаяла ровно в тот день, когда о художествах ЛенЭлен с «левыми» сделками прознал хозяин сети ломбардов и вышиб её с волчьим билетом. Растаяла, как и дружба с прочими дамочками-«шестёрками».

- Это называется «полезная скотинка». Очень даже жизненно! – подтвердила Наташа. – Совершенно как в тосте про настоящую женскую дружбу.

- Это в каком же?

- Есть такой! Во время страшного наводнения плывёт Черепаха по затопленному лесу и видит, на тонкой веточке примостилась Змея. Вода всё поднимается, и веточка вот-вот скроется под водой. Взмолилась Змея: «Черепаха, прояви милосердие! Отвези меня на своей спине на берег». Сжалилась Черепаха, Змея улеглась ей на спину, и они поплыли к берегу. Лежит Змея и думает: «Укусить бы её, да ведь она умрёт, и вместе с ней я утону». В это время Черепаха тоже думает: «Утопить бы её, да когда я нырять буду, она меня успеет укусить, и я тоже умру». Так давайте же выпьем за настоящую женскую дружбу!

Наташа подумала ещё немного.

- Знаешь, Коль, я так рада, что нас с Софи никакая взаимная выгода не связывала. Найдётся ли у меня на новом месте ещё такая подруга, с которой мы будем дружить просто как люди, а не из-за того, что кто-то из нас кому-нибудь нужен?

- А это уж, родная, как мы того с тобой захотим! – чмокнул я жену и отправился отсыпаться перед «собачьей вахтой».

Утреннее собрание на палубе меня озадачило.

Наш заход в бухту возле мыса Селитренный был вызван событиями в Советске, начавшимися после прилёта помощника спикера в столицу и доклада своему шефу. Нет, не о нападении беглых заключённых на пограничный пункт. Это, конечно, было ЧП. И нападение, и сам массовый побег: предыдущий был зафиксирован лет пять назад. Но такие явления уже случались раньше, а вот прибытие посланцев с другого континента и из другого мира ломало уже сложившуюся систему. Да, медленно деградирующую из-за своей изоляции. Да, далёкую от идеала и, возможно, устаревшую. Но такую привычную. А слова Воздвиженского о том, что в Советской Республике придётся многое менять, чтобы хоть как-то вписаться в новые реалии, вызвали настоящую панику среди некоторых высокопоставленных лиц. В первую очередь – у местного «всесоюзного старосты», спикера парламента, даже внешне похожего на Михаила Ивановича Калинина.

Следует отметить, что ещё в 20 году, когда стало окончательно ясно, что колония осталась без связи с Большой Землёй, вышел запрет на партийную деятельность. КПСС расформировывалась под предлогом того, что «мы здесь все коммунисты». При этом никаких новых партий не создавалось.

Такой шаг в направлении деполитизации позволил убить сразу двух зайцев: во-первых, формирующееся на базе колониальной администрации государство избежало политического раскола по линии идеологических разногласий. Не было структур для борьбы за власть. А во-вторых, жёсткие идеологические догмы не довели над управленцами при принятии важных решений. Благодаря чему снова удалось вернуться к частной собственности в форме артелей, производственных кооперативов и «надомников», как это было до хрущёвского самодурства, запретившего то, что успешно работало при Сталине.

Не было никакой приватизации, а-ля чубайсовская! Создал собственным трудом производственные мощности – владей ими. Но рта на то, чем государство владеет, не раскрывай. Трудовое соглашение с наёмными работниками обязательно, нарушения работодателем трудового законодательства, правил охраны труда, санитарных и прочих обязательных норм карается национализацией предприятия или его части. Люди, которые помнили, как регулировалась деятельность артелей и кооперативов в сталинские времена, ещё были живы, так что затруднений такой возврат к прекрасно зарекомендовавшей себя системе прошёл спокойно. Зато государство избавилось от необходимости планировать, кто сколько трусов и лифчиков пошьёт, сапог и тапочек стачает.

В СССР партия, кроме политического руководства, выполняла ещё и контрольную функцию над административным руководством и руководством предприятий. Теперь этим занимались советы ветеранов. Нет, не те собрания фронтовиков и отставных военных, к каким мы привыкли, а что-то вроде общественных советников руководителей соответствующего уровня. Например, на предприятии в такой совет ветеранов входили вышедшие на заслуженный отдых начальники цехов, производств и служб. То есть люди компетентные, обладающие огромным практическим опытом и прекрасно знакомые с нуждами и возможностями производства.

Отказом от партийного руководства всем, чем можно, удалось избавиться и от такого явления, как номенклатура, когда бездарного руководителя перетаскивали с одной руководящей должности на другую лишь потому, что он однажды на такую попал.

Ещё одно немаловажное дело, за которое лично я его инициатору поставил бы прижизненный памятник – полное уравнивание в правах рабочих, служащих и крестьян. Поскольку продовольственная безопасность все предыдущие годы висела на волоске, крестьян

стимулировали тем, что уравнивали их в зарплатах и пенсиях с высококвалифицированными рабочими. И исчезла ситуация, когда бабуся, проработавшая в колхозе 50 лет по 10-12 часов в сутки, получала пенсию меньше, чем какая-нибудь уборщица на полставки, едва наработавшая стаж. А молодые люди с удовольствием шли выращивать хлеб, овощи и фрукты, доить коров и пасти коней.

Как это всё работало с точки зрения экономики, не имею ни малейшего представления. Но работало!

И вот является в столицу из командировки помощник председателя Верховного Совета и докладывает своему шефу: не шутят источники, вернулся-таки заброшенный «за Стену» несколько лет назад полковник-пенсионер Данилов. Да не один вернулся, а с людьми, представляющими и бывшую метрополию, и «американский» мир, что весьма широко развернулся на соседнем континенте. И теперь придётся Советской Республике меняться под этот мир. А задумался над такими переменами никто иной как человек, и без того обладающий самыми большими в стране полномочиями и самой большой властью. Появился раздражитель, способный повлечь великие потрясения.

Как предотвратить эти потрясения? Ответ подсказал министр внутренних дел: избавиться от раздражителя, ведь нет человека – нет проблемы. Ну да, приходили два судёнышка из-за океана. Этого не скроешь, поскольку уже десятки людей в курсе. Но истинной целью этих засланцев был шпионаж в пользу «американцев». Козни коварных врагов разоблачил героический человек, первый заместитель главы правительства и руководитель Службы госбезопасности Максим Георгиевич Воздвиженский, светлая ему память, ценой собственной жизни спасший Родину от происков супостатов. Некролог, портрет в траурной рамке, биография героя прилагаются. Вместе с описанием эпического сражения, развернувшегося в водах Рыбацкого залива, за освобождение захваченных вражинами в плен министра науки и начальника секретной лаборатории.

Разумеется, это мой вольный пересказ того, что доложил Воздвиженскому подполковник во время их встречи на берегу моря. Нас должны были дожидаться милях в двадцати от морской базы и попросту потопить парой залпов корабельных орудий. Что называется, концы в воду...

Поскольку соваться в Рыбачье нам было нельзя, генерал принял решение исчезнуть в океане. Для чего мы и ломались на предельной скорости подальше от берега. Поскольку хватятся нас лишь завтра, требовалось уйти как можно дальше, чтобы выиграть время, пока будут вестись поиски. Хотя бы на тысячу километров. А потом объявиться там, где нас не ждут недоброжелатели, но есть немало людей, на которых Воздвиженский может положиться.

Зачем так далеко уходить в океан? Подумайте сами, как будут вестись поиски. Сначала сунутся выяснять, на каком из наблюдательных пунктов восточного побережья нас видели, и в каком направлении мы шли после прохождения этой точки. В журнале наблюдений поста на мысе Селитренном есть запись (подполковник это гарантировал): тогда-то появились со стороны острова Толстый, во столько-то прошли маяк на таком-то удалении от берега, далее проследовали под парусами курсом на север и в такое-то время скрылись из виду. Примерная скорость 6 узлов рассчитывается достаточно легко, и высчитывается время, когда мы должны были прийти в залив Рыбацкий.

Что после этого делают поисковики? Высылают по предполагаемому маршруту корабли. На всякий случай (исходя из расчётного времени нашего отсутствия и допустимой возможности того, что мы заблудились) – ещё и на север. Когда поиски не приносят результата, в воздух

поднимается «Каталина» с дальностью полёта 4000 км. Она снова пролетает от Рыбачьего до мыса Селитренный в поисках нас на береговой линии либо наших обломков и пятен топлива на поверхности моря. За день она успевает проверить береговую линию от Селитренного до Целинников. Потом начинает барражировать над океаном, уходя всё дальше от берега. Пока у заговорщиков не кончится терпение. А к этому времени мы успеваем пройти на тысячу вёрст к востоку, а оттуда неизвестное расстояние на север. Как говорится, ищи-свищи в океане!

Устье реки Студёная, 36 год, 7 июля, четверг, 12:05

Десять дней в открытом море...

Зато наговорились - вволю! Откуда, вы думаете, я столько о Советской Республике знаю, толком и не побывав в ней? Да я за шесть лет (староземельских, разумеется) знакомства с Иваном Андреевичем столько о ней не узнал, сколько за эту декаду! Хотя Деда понять можно: кто знает, утечёт через меня информация, которую он не хочет озвучивать нашим кураторам, не утечёт? Не специально утечёт, случайно. В конторе ведь тоже не дураки работают, умеют разговор в нужное русло завести...

Часть из того, что я из наших разговоров вынес, мне, конечно, диковатым кажется. Отвык, чёрт возьми, за время «свободы и демократии»! Хотя вспоминаю, что это существовало и раньше, и успокаиваюсь. Например, огромные проблемы с приобретением личного транспорта. Ну откуда, скажите, ему здесь браться в достаточных количествах? Конечно, до 1982 года «Жигули», «Москвичи», «Волги» и «Запорожцы» сюда неплохо шли. На душу населения их значилось даже больше, чем в самой богатой советской республике, Грузии. Надо же было людей, навсегда от дома оторванных, чем-то стимулировать! Но поток иссяк, а людям на чём-то нужно ездить. Первое время выходили из положения тем, что до последнего поддерживали работоспособность уже существующего автопарка. Запустили производство некоторых наиболее ходовых запчастей. А с появлением артелей кооператоры освоили и некоторые другие детали. Теперь вот подумывали о том, чтобы производить какую-нибудь собственную простенькую автотележку. Хотя бы на техническом уровне «401-го» «Москвича». Хотя бы по 500 штук в год.

Разсобачился я на Новой Земле и с отсутствием какой-либо регистрации личного оружия. Здесь оно не возбранялось, но вся эта морока с регистрацией стволов и обязательным занесением в картотеку характерных следов на отстрелянных гильзах и пулях... Да и разрешение на автоматическое оружие получить было достаточно геморройно.

Или, скажем, централизованное ценообразование. Если установлено, что булка хлеба стоит 20 копеек, ты хоть лбом об стену убейся, но дороже продать не имеешь права. Придумал ты какой-то супер-пупер вкусный рецепт хлеба - докажи, что твои затраты при этом выросли на 3 копейки, тогда тебе разрешат продавать его за 24. Но с обязательным указанием на ценнике, что это не просто хлеб белый, а белый с пудрой горного ореха. Но при этом изволь не менее половины продукции хлебопекарни печь по классической рецептуре, чтобы не происходило вымывания «социальной» продукции более дорогими товарами.

Для создания промышленных мощностей изначально закладывалось развитое производство стройматериалов. И после резкого сокращения объёмов промышленного строительства перепрофилировали эти заводы и комбинаты на жилищное строительство, в результате чего добились 100% обеспеченности людей жильём. Не только в многоквартирных домах. Те, кто хотел индивидуальную хатынку, могли за свои деньги построить себе и дом: никаких запретов и ограничений, кроме архитектурных!

Много чего узнал и по истории освоения континента.

Советск возник как военный городок, прикрывающий Точку Перехода. Выбросило первую группу исследователей в южных предгорьях Старых гор, ответвления Становых гор. Тех, что тянутся с севера на юг практически через весь континент. В том месте, где сходятся две горные системы, в древнейшие времена образовалось Широкое нагорье с беспорядочно разбросанными разнонаправленными горными хребтами. Видимо, более поздние горообразовательные процессы наложились на древнейшие, в результате чего получился этакий хаос, протяжённостью с севера на юг чуть ли не на 1000 вёрст, а с запада на восток – от 300 до 700 километров.

Сама по себе Точка Перехода оказалась весьма неудобной для поселения: ближайший ручеёк едва мог обеспечить водой сотни четыре человек, да и лес, пригодный для строительства жилья и отопления, рос далековато. Зато километрах в сорока южнее сливались две горные реки, а их берега были богаты не только лесом, но и глиной, которую быстро приспособили для производства кирпича. Ещё южнее нашли известняк. Из него позже, когда вблизи Рыбацкого залива обнаружили запасы газа, стали производить цемент.

Так и получилось: Лаборатория № 1, как окрестили Точку Перехода, так и осталась в стороне от города, со временем ставшего административным центром, ключевым транспортным узлом, центром электротехнического и энергетического машиностроения, а также главной базой производства стройматериалов. И всё освоение континента шло уже из Советска.

Поскольку время для СССР было достаточно суровое, руководство проекта поставило задачу как можно скорее сделать колонию полезной для страны. И вскоре километрах в 400 южнее нашли богатое месторождение урана, а западнее, на противоположных от Советска склонах Становых гор, по долинам рек обнаружили рассыпное золото. Как оказалось, им были богаты все речушки, текущие на запад с Широкого нагорья. А шлихи аллювиальных отложений речушки Лебедушка, стекающей с Центрального плато, принесли урожай мелких алмазов. Позже вокруг рубленной избушки геологов, зазимовавших в тех краях, вырос городок Избенка, жители которого разрабатывали обнаруженную всего в десятке километров от него алмазоносную грубку.

В первый десяток лет геологи вообще поработали на славу, найдя и запасы угля, пригодные к разработке открытым способом, и магнитного железняка. Вокруг этих месторождений и выросли Угледар и Магнитка. На побережье Великого залива, близ месторождений нефти, газа, селитры и бокситов основали город Химик. Позднее началась добыча меди, никеля, титана и марганца в верховьях крупного притока самой протяжённой реки континента, Таёжной, стекающего с северо-западных склонов Широкого нагорья.

Первое время 80% продовольствия поступало со Старой Земли или, как называли её здешние обитатели, Большой Земли. И лишь после освоения куска лесостепи в северной части восточного побережья, из-за характерной береговой линии именуемого Лукоморьем, удалось получить прекрасные урожая пшеницы. В результате Лукоморье стало главной житницей страны, река, вдоль которой тянулись поля, – рекой Хлебной, а административный центр региона – городом Целинники.

Это вовсе не значит, что в Целинниках сосредоточилось лишь сельскохозяйственное производство. Ремонтные предприятия, обслуживающие тракторы, комбайны и прочее сельхозоборудование, со временем превратились в, как это теперь модно называть на Старой Земле, машиностроительный кластер. Также не значит, что Магнитка и Угледар не

производили ничего, кроме стали и угля.

Примерно та же история приключилась с городом Рыбачье: начинался как рыбацье поселение, после открытия залежей газа здесь поселились газодобытчики, а судоремонтные верфи и мастерские по ремонту бурового оборудования выросли до мелкосерийного моторостроительного производства и завода по изготовлению оборудования для нефтяной, газовой и химической отраслей. Здесь базировались военные корабли республики и основная часть рыболовецкого флота.

Самым маленьким городом на континенте являлось Приволье, где изначально поселились отбывшие причитавшийся им срок заключённые. Кто-то занялся разведением овощей на левом берегу Лебедушки, кто-то рыбачил на самой реке, а кто-то охотился в тайге на правом. Со временем там возникло производство овощных консервов, а после продолжения до этого городка железнодорожной ветки от Избенки – ещё и деревообработка.

И чтобы завершить рассказ о городах Советской Республики, следует упомянуть о поселении Пост на берегу Тёплого океана. Городом его назвать было нельзя, поскольку жило в нём от силы три тысячи человек. Но здесь последние лет семь базировались два малых сторожевых корабля, барражировавших вдоль побережья на юг до залива Тихая Лагуна и на север до Северного полуострова. Дабы, при случае, прикрыть континент от возможной высадки «американцев».

Если говорить о численности населения в городах СР, то она меня тоже поразила после Земли Лишних. Полумиллионный Советск не имел равных на планете. Магнитка и Химик, каждый по 300 тысяч жителей и мощнейшей промышленностью, легко переплёвывали Нью-Рино. Верхоречье – 160 тысяч, Целинники – 140 тысяч. Порто-Франко со своими неполными тремя сотнями даже близко не мог сравниться со стотысячным Рыбачьим. Как и Кадиз с близким по специализации Угледаром, где также живёт 100 человек. Примерно такая же численность населения в Избенке. Уран немногим меньше, здесь живёт 80 тысяч человек, ну и завершает список пятидесятитысячное Приволье.

Все города континента, за исключением крайней западной точки, Поста, соединяются друг с другом железной дорогой. Причём ветку Верхоречье – Избенка проложили уже после закрытия Перехода, а однокорейку Избенка – Приволье и вовсе запустили в эксплуатацию в то время, когда мы с Дедом жили в Москве.

В отличие от колонии Ордена, здесь серьёзное внимание уделили автодорогам, хотя транспорта по ним бегало, пожалуй, на порядок меньше. Все города были соединены грейдерными шоссе, а от Химика до Магнитки и вовсе можно было добраться по асфальтированной трассе. Причём, длина дорог с асфальтовым покрытием продолжала расти. Этому способствует не только наличие нефтеперерабатывающих мощностей, но и менее разительная, чем на континенте Ордена, разница между сезонами. Хотя как оценивать. Кто-то скажет «способствует», а кто-то посчитает, что мешает...

Здесь не было столь ярко выраженных сухого и мокрого сезонов. Климат в Загорье как называют центральную и западную часть континента, скорее, походит на германский. С ноября становится прохладно, дождливо, а в период с середины декабря по конец января может выпасть снег. Там сильно сказывается влияние тёплого течения: тучи с осадками, окончательно выпадающими на западных склонах Барьерных и Становых гор, а также Широкого нагорья, всегда идут с запада. В том числе – и летом. Лишь незначительная их часть добирается до Советска, перевалив через пониженную часть Становых гор неподалёку от столицы.

Но самое «веселье» начинается, когда с юго-востока, из экваториальной зоны, к восточному побережью приходят тайфуны. Хотя основная их часть, приблизившись к побережью на 200-300 километров, поворачивает на 90 градусов и растворяется где-то в северо-восточных районах Холодного океана, иногда случается, что центр тайфуна добирается до Становых гор или Широкого нагорья. И тогда дождь льёт ничуть не слабее, чем в Порто-Франко в разгар мокрого сезона, а ураганные ветры валят деревья и заборы, сносят крыши с домов. Хорошо, что это продолжается всего 2-3 дня, а не 2-3 месяца.

Сезон тайфунов длится с середины мая по конец октября. Но это вовсе не значит, что они идут один за другим. Обычно за месяц в среднем приходит один-два таких урагана, хотя Иван Андреевич вспоминал, как лет пятнадцать назад в сентябре они наведывались пять раз. А перед этим целых полтора месяца стояла идеальная погода.

Вот и сейчас Максим Георгиевич по четыре раза на дню бегал в рубку, чтобы проверить, не начало ли падать атмосферное давление. По его словам, последний тайфун был зафиксирован более 20 дней назад, и его центр повернул на северо-восток всего в ста пятидесяти километрах от мыса Нос. При этом в Советске сила ветра достигала 15 метров в секунду, а на побережье полуострова доходила до тридцати пяти. После этого мне стало понятно, почему на погранпункте острова Тонкий все здания, включая будочку дежурного по причалу, были из кирпича, а не из более удобных для подобных сооружений деревянных щитов.

То ли Воздвиженский накликал, то ли так сложилось, но начало падения атмосферного давления мы зафиксировали на следующий день после того, как поменяли курс с северного на восточный. Устойчивый ветер, дующий с юго-востока, начал слабеть, а через пару часов установился полный штиль. И небольшая волна превратилась в зыбь.

Неприятная штука, я вам скажу! Баркас качает с борта на борт, и уже через полчаса качки Наташа ходила зелёная, а министр науки и вовсе залёг в каюте. Я пока держался, но тоже не скажу, что испытывал счастье от такого развлечения.

Генерал тут же дал команду нестись к берегу даже быстрее, чем мы уходили от него, когда стало известно о планах нашей ликвидации. Командовать-то он может, сколько угодно, а вот исполнить его команду, когда дизель и так молотит на максимальных оборотах... Но вскорости такой шанс появился в виде несильного (пока ещё!) восточного ветра, и Осинцев приказал поставить паруса в помощь мотору. Ближе к вечеру лаг показал, что мы поставили рекорд, разогнав «Удачу» до невиданных доселе девяти с половиной узлов.

Хуже было с «Анадырем»: его бермудские паруса плохо приспособлены для движения по ветру (или фордевинг, как говорят моряки). Поэтому Дежнёв лавировал на бакштагах (или шёл под небольшим углом к ветру, если перевести на человеческий язык) до тех пор, пока направление ветра не поменялось с восточного на восток-северо-восток (на два румба, как сказали бы мореманы).

Если вы, вычитав где-нибудь, что скорость ветров урагана достигает 150-200 километров в час, думаете, будто бы и сам тайфун движется с такой скоростью, то глубоко ошибаетесь. Тайфун, как и смерч, движется достаточно медленно, всего 15-20 километров в час. Но воздух, вращающийся вокруг его центра, действительно разгоняется до бешеных скоростей. При этом в северном полушарии он закручивается против часовой стрелки, а в южном – по часовой стрелке. И смена ветра показывала, что мы пока всего лишь попали на краешек зоны влияния тайфуна. Сам же этот гигантский воздушный волчок, нередко превышающий 800 километров в диаметре, двигался нам наперерез где-то далеко на юго-западе. Именно там под вечер на

горизонте появились перистые облака - первые предвестники будущего урагана.

По расчётам Воронцова, за прошедшие сутки мы одолели почти пятьсот километров в сторону берега. При этом тайфун, в приближении которого уже никто не сомневался, стал ближе к нашему курсу километров на двести. Подтверждало это и усиление ветра, позволившее отказаться от мотора. Мы и без двигателя шли с максимальной «паспортной» скоростью в семь с половиной узлов. И если ураган, как обычно при приближении к континенту, сменит направление с движения с северо-западного на северное, а потом и на северо-восточное, то мы можем успеть проскочить у него «под носом» и укрыться в устье реки Студёная, чтобы переждать тропический шторм.

Ночь и утро оказались самыми сложными. Ветер ещё усилился, а вместе с ним усилилось и волнение. Теперь передвигаться по палубе «Удачи» без страхового линя было просто опасно, поскольку её время от времени окатывало при прохождении самых больших волн. Ну а про крены на судёнышке с довольно плоским дном до сих пор без ужаса вспоминать не могу... Шли мы, правда, только под стакселем, помогая ему мотором, поскольку люгер, игравший роль основного паруса, мог нам просто сломать мачту. Но, кажется, успевали перебежать дорогу урагану!

Что это именно так, стало ясно утром, когда ветер стал чуть тише, а сплошная пелена облаков маячила ближе к корме, к левой раковине, если использовать морскую терминологию. А на экране радара появилась тонкая полоска берега.

Согласно морским правилам, нам бы не ломиться, как лось во время гона, к берегу, а наоборот, драпать от него со всех ног. Но не на наших судёнышках, предназначенных для тихих вод Большого залива Земли Лишних. В ситуации с тайфуном спасти нас могло лишь устье реки, на что и рассчитывал Воздвиженский. Три-четыре километра вверх по Студёной, и какая-нибудь излучина нас защитит от океанских штормовых волн и ураганного ветра.

Как мы ни старались забирать правее, чтобы компенсировать снос судов северо-западным ветром, временами переходившим в северный, к побережью мы вышли миль на шесть южнее устья Студёной, и Воронцов скорректировал курс, ориентируясь по маяку, возвышавшемуся на прибрежном холме. И тут же послышалось предупреждение штурвального:

- На радаре отметка! Десять миль на зюйд.

Помчавшийся в рубку Осинцев уточнил:

- Скорость около 20 узлов. Судя по всему, примерно 200 тонн водоизмещения. Почему раньше не доложили?

- Отметка с береговой линией сливалась. Только что стало возможно различить...

Разглядеть, что это, в бинокль с такого расстояния было тоже невозможно. Прикидки Воронцова показали, что мы войдём в устье раньше, чем пограничный сторожевой катер, как предположил генерал, достигнет нас. Если, конечно, не добавит хода...

Добавил. После того, как мы «отморозились» и проигнорировали попытки связаться с нами по радио. Но нам до устья, вход в которое был помечен бакенами на воде и створными знаками на берегу, оставалось чуть больше полумили, а ПСКР - три мили.

- Стрелять не начнёт? - озаботился капитан. - У него дальность стрельбы артаutomата - две с

половиной мили.

- Ему за это голову снимут! – фыркнул Воздвиженский. – Но на всякий случай надо бы ответить. Мол, остановиться не можем, спасаемся от шторма, течь в трюме, есть опасность затопления. Ну, и рация барахлит...

Пока Вадим Григорьевич изображал перебои в работе радиостанции, Дежнёв на моторе проскочил в реку, а следом за ним в протоку, сужавшуюся впереди метров до семидесяти, шмыгнули и мы. А ПСКР, видимо решив, что никуда мы с подводной лодки не денемся, снова сбросил ход до двадцати узлов и двинулся дальше на север, уходя от шторма. Скорее всего, в порт Целинников.

- Можно считать, сегодня к вечеру в Советске уже будут знать, что мы здесь.

- Плохо ты о нас думаешь, Колесов! Не к вечеру, а минут через пять. На маяке телефон, и в управлении СГБ Магнитки уже шухер стоит из-за того, что неизвестные суда в реку вошли...

Устье реки Студёная, 36 год, 7 июля, четверг, 17:30

И разверзлись хляби небесные...

Но это потом. А сначала был мат в эфире от Сени Дежнёва, у которого дизелёк зачихал, высасывая последние капли солярки со дна топливного бака. «Анадырь» он на плёс выбросил, а следом и мы приткнулись. Чтобы заняться знакомой с детства игрой «тянем-потянем». Бойко, служивший на Тихоокеанском флоте, подсказал: при прохождении тайфуна нередко случается подъём воды в устьях рек. Да и дождики наблюдаются нехиленькие, из-за которых реки вздуваются, как тесто в квашне. Поэтому и крутили кабестаны всей толпой, чтобы подальше на песок вытянуть и яхту, и баркас. А потом ещё и канаты бегали крепить к прибрежным деревьям.

Едва отдышались, Воздвиженский потребовал связаться с маяком на той частоте, что ПСКР вёл с ним радиообмен. Связались, и потопали мы впятером – генерал, я и трое его охранников – в сторону маяка...

Топать в бронеке три километра в горку при всё усиливающемся ветре (вовремя, похоже, мы в реку заскочили!) – то ещё удовольствие. Но генералу было НАДО, и ничего не попишешь! Мог бы он и со своими архаровцами прогуляться, да я сам напросился: никогда до сих пор на маяке бывать не доводилось.

В общем-то, ничего особенного: башня как башня. Только сверху нашлапка с кучей окошек из стеклопакетов и тонких стальных перемычек между ними. А посередине – солидная такая, полукиловаттная, лампа за синим стеклом, питаемая от специального генератора. Но сейчас она выключена: за каким хреном топливо жечь, если днём легче здание маяка заметить, чем свет от него? Ещё запомнился ветер, воющий в вентиляционных отверстиях над лампой...

Это на самом верху. А этажом ниже – комнатка с топчаном и служебное помещение, где нас дежурная смена принимала. После опознания, поскольку из газет, доставленных ещё в понедельник, зрители уже знали про героическую гибель в жестокой схватке с врагами Отечества главы СГБ и сопровождающих его лиц.

Почему герой оказался жив, несмотря на официальное информационное сообщение, смена маяка спрашивать не стала, дабы не нарваться на то, что знать не положено. Выставили генералу на стол пожелтевший от времени телефонный аппарат «VEF» и повели меня с двумя

охранниками на экскурсию на верхнюю площадку маяка, загружая абсолютно ненужной никому из нас информацией о том, какова высота сооружения и на каком расстоянии от берега виден этот гипертрофированный ночник.

Судя по выражению лица Воздвиженского, по телефону он поговорил удачно. И теперь, оставив одного бойца с «уоки-токи» на маяке для наблюдения за окрестностями, собирался в обратный путь.

- Вы только аккуратнее: мы, когда на смену ехали, километрах в десяти леопарда видели, - предупредил один из зрителей. - Они, конечно, сейчас тоже пытаются куда-нибудь спрятаться, но лучше поберечься.

Леопарда? В этом мире всё шиворот навыворот! И местный леопард - вовсе не из кошачьих, как мне объясняли. Пожалуй, внешне ближе к гиенам, с которыми я уже пересекался. Только морда покороче, да тело поменьше. Как мне Дед пояснил, этакий полутораметровый ротвейлер-переросток на куриных лапах и с крысиным хвостом. Общего с леопардом - только короткая шерсть в жёлто-коричневых пятнах. Бить его лучше издалека, поскольку бегаёт не хуже страуса, и прыжок на шесть метров для него - просто пустяк.

От Магнитки до нас - километров двести. То есть реально доползти на БТР-70 (а новее техники здесь просто быть не может) - часов пять. Пусть даже час при таком ветре мы топали наши три километра, и то в запасе четыре часа остаётся. А то жрать хочется - не слабее, чем этому самому леопарду.

Присмотрелся, кстати, я к зрителям. Ну, откровенно мужики не выглядят напуганными визитом местного предводителя «кровавой гэбни». Да, удивлены. Да, насторожены были в первое время, пока окончательно не убедились, что он - вовсе не самозванец. Возмутились, когда узнали, что в газетах дезинформация была опубликована. Один даже совершенно искренне возмутился:

- Да что они, охерели, что ли?!

Больше на мой «прикид» и оружие с подозрением поглядывали, чем перед Воздвиженским трепетали. Да и генерал с них связь с Управлением СГБ не требовал, а просил. И чтобы охранника оставить разрешение попросил, а не приказал. Пожалуй, не всё тут так просто с этой кажущейся «диктатурой».

Мы в реку входили при уже надвигающейся облачности, а теперь и вовсе всё небо затянуто облаками. Того и гляди - дождь пойдёт. А мне в такую погоду лежать в прибрежных кустах с «Валом», доставшимся в качестве трофея от убитого Наташей бандита Боровка, и АК-103 с подствольником. Вот и пригодился мой зелёный лесной камуфляж, в котором я ленточку переходил!

Надо же было похвастаться генералу, что у меня бесшумное оружие есть, когда он планировал встречу с начальником Управления СГБ Магнитки! Вот и валяйся теперь в воняющей соляной одежде (пришлось штаны окропить, так как Дед подсказал - леопарды на дух не выносят резкого запаха горячего), рискуя вымокнуть, когда дождь хлынет!

Встречу Воздвиженский планировал по всем правилам засады: снайпер Иван Андреевич в стороне от дороги, по которой должны гости пожаловать, я с бесшумным оружием позади

места, где колонна из Магнитки должна остановиться, Наташа с «Печенегом», и Бойко со своим «калашом» и десятком гранат... Как объяснил генерал, доверие доверием, а лучше перебдеть, чем недобдеть. А поскольку вышли мы на дорогу, ведущую к маяку, заранее, я уже минут сорок землю грею. Благо, из-за ветрюгана никакая кровососущая живность не летает, а то возле реки обычно её немало водится. Ага! Три щелчка по «ходи-болтайке». Едут!

Ого! Целых три «бэтра», сопровождающих УАЗ-469 с натянутым тентом. Два – то ли БТР-70, то ли поздние версии «шестидесятки» – издали не разберёшь, а один – точно БТР-60 первых модификаций, ещё с единственным СГМБ на турели вместо башенки.

Старший охраны Воздвиженского вышел на дорогу, когда последний бронетранспортёр поравнялся со мной, и колонна, прокатившись вперёд ещё метров пятьдесят, встала. Удачно получилось! Все на виду: и подполковник в фуражке с синим околышком, вышедший из «уазика», и пулемётчик на «шестидесятке», и командиры машин, повысовывавшие головы в люки.

Охранник с полковником знакомы – вон, руки друг другу пожали, перекинулись парой фраз, и подполковник махнул рукой, подзывая кого-то. Ага! Капитан. Чёрные петлицы, фуражка с чёрным околышком. Переговорили и двинулись: полковник с охранником к кустам, а капитан к бронетранспортёрам. Ветрище, чёрт бы его побрал! Даже команд не слышно, которые капитан отдаёт. Да, нелегко сейчас, наверное, товарищам офицерам: если фуражку рукой не придерживать – её наверняка унесёт к чертям собачьим!

Вполне понятно, что именно капитан скомандовал: солдатиков из машин выпустил размяться да травку окропить! Обнадёживает, что у автоматов рожки не пристёгнуты. Будем надеяться, и у пулемётов ленты не заправлены. Кстати, один из двух БТР-70 – без десанта, только два члена экипажа. Для нас его гнали, что ли?

Пока высокое начальство разговоры разговаривает, бойцы, опорожнив мочевые пузыри, принялись заправлять машины из канистр, извлекаемых из десантного отделения. Оно и правильно! На обратный путь топлива в баках может и не хватить при здешних-то расстояниях.

Долго разговаривают начальники, минут двадцать уже. А тут бойца из ближайшего мне «бэтра», похоже, приспичило. То на свой живот сержанту показывает, то на ближайшие кусты. Видно, что командир отделения недоволен, и по жестикующей понятно: не намерен он нюхать то, что у солдатика наружу просится. А вот в мою сторону рукой показывать не следовало бы!

У бойца, похоже, крепко живот скрутило, даже не осмотрелся, на корточки присаживаясь. Пилотку на землю, автомат на неё. А на лице такое выражение облегчения, что мне самому за парня порадоваться хочется. Или бумажку подать: благо в трёх метрах от него лежу...

И тут в кармане начинает щёлкать рация: два щелчка подряд, пауза, ещё два щелчка.

Вот эти щелчки бойцу весь кайф и обломали! Представьте себе картинку: поворачивает он голову в сторону посторонних звуков и видит мою ехидно ухмыляющуюся морду с коростой на правой щеке, размалёванную камуфляжными полосами краски.

- Заканчивай спокойно! Всё уже в порядке... Да не тянись ты к автомату! Он у тебя всё равно разряженный. Ещё равновесие потеряешь!

- Ты кто?

- Какая тебе разница? Заканчивай и пошли – мне команда пришла, что можно выходить. А если

без тебя выйду, пацаны могут неправильно отреагировать.

Так и топали к бронетранспортёрам: ошалевший боец со своим калашниковским «веслом» за спиной и я со «сто третьим» на груди и «Валом» на плече. А со стороны ближайшего пригорка – Дед с СВД в руках.

Спустя полчаса прибывший пустым БТР, под бронёй которого теперь не осталось ни одного свободного сиденья, катился под струями хлынувшего ливня в сторону Магнитки.

Магнитка, 36 год, 7 июля, четверг, 25:20

Добрый вечер, мои дорогие земляки.

Я думаю, вы практически все удивлены тому факту, что человек, несколько дней назад объявленный героически погибшим на своём посту, обращается к вам по радио. Спешу вас заверить, что я жив, здоров, нахожусь в Магнитке, где многие меня помнят ещё по тем временам, когда наш комбинат только-только осваивал выпуск железнодорожных рельсов для строительства ветки в Целинники. Здесь, в нашей с вами Магнитке, я жил и работал много лет, пока меня не назначили заместителем главы Службы Госбезопасности. Тогда – ещё Комитета Госбезопасности.

А погиб я лишь в фантазиях нескольких подлых людей, к сожалению, занимающих весьма и весьма высокие посты в Советской Республике. Мне тяжело об этом говорить, поскольку многих из них считал своими друзьями и соратниками.

Да, меня целых тринадцать дней не было в Советске. В ночь на 32 июня мы вместе с министром по науке и образованию и начальником Лаборатории № 1, которые тоже объявлены погибшими, но на самом деле живы и здоровы, были вынуждены вылететь из Советска по чрезвычайному делу, о котором я поведаю вам чуть позже. Но на обратном пути мы узнали, что нам нельзя возвращаться в Советск, поскольку нас по дороге к нему просто убьют из-за новостей, которые мы вам везём. И нам пришлось добираться сюда, в Магнитку, долгим окольным путём.

Что это за новости такие, из-за которых кое-кто посчитал, что можно убить заместителя главы правительства и начальника Службы Госбезопасности?

Ещё лет пять назад нам стало ясно, что без помощи с Большой Земли мы скатываемся к технологическому уровню, с которого начинался СССР. Да чего рассказывать? Вы сами прекрасно помните, как мы были вынуждены отказаться от телевидения, как превращались в бесполезные куски металла и пластмассы магнитофоны и радиоприёмники, новейшие станки с числовым программным обеспечением, как перестали летать рейсовые самолёты между нашими городами, а ремонт автомобилей превратился в трудноразрешимую проблему. А тут ещё и обнаружилось, что мы не одни на этой планете, и заселяют её, помимо нас, наши давние враги, которые портили Советскому Союзу жизнь ещё со времени окончания Великой Отечественной войны.

Мне известно, что слухи об этом ходили по Советской Республике, хотя мы официально не подтверждали эту информацию, чтобы не создавать паники. Вместо этого сделали всё, чтобы нас не обнаружили, поскольку была высока вероятность, того что нас просто вкатают в каменный век. Только за то, что мы – СОВЕТСКАЯ Республика.

Надеяться на помощь мы могли только на нашу родную страну, с которой у нас прервалась связь за девять лет до этого. Все наши попытки восстановить Переход были безуспешными, но

четыре года назад нам всё же удалось благополучно переправить на Большую Землю нашего посланца. И он вернулся! Вернулся не один. Именно встретить этого человека и его спутников мы летали на край земли, на остров Тонкий.

Известия, которые привезли эти люди, вызывают противоречивые чувства. С одной стороны, у нас появилась надежда. А с другой... Мир за годы нашей вынужденной изоляции поменялся кардинально. Нет больше великой станы, из которой сюда пришли вы или ваши отцы. Но в границах РСФСР сохранилась страна с названием Российская Федерация, которая пережила колоссальную социальную катастрофу, стала значительно слабее и отказалась не только от социалистического пути, но и от статуса социально-ориентированного государства. Новая Россия, так и не преодолевшая последствий политического и экономического кризиса, с трудом справляется с давлением мирового гегемона - США. По сути, её поставили на колени, заставив через предателей во власти разоружиться, уничтожить часть своей промышленности, ограбили её население и государственную казну. И лишь в последние три-четыре года, по календарю Старой Земли, наметились робкие шаги по пути к возрождению.

Из-за всех этих катаклизмов о нас просто забыли, ведь ТАМ о существовании колонии СССР на Новой Земле знали считанные люди, которые вначале не хотели раскрывать эту тайну предателям Родины, а потом, к сожалению, уже не могли её поведать тем, кто начал возрождение державы. Но нашему посланнику удалось убедить влиятельных людей из лежащей в руинах постсоветской России, заинтересованных в восстановлении её могущества, в том, что Советская Республика в состоянии помочь ей встать с колен. Как когда-то помогла СССР, лежащему в руинах после самой кровавой в истории человечества войны.

Но мир за это время изменился кардинально. Он ушёл далеко вперёд в технических и технологических вопросах. И чтобы нам суметь его догнать, нам нужно многое изменить в нашей жизни. Очень многое!

Вот эти мои слова о необходимости изменений и перепугали тех, кто привык к медленному, но такому спокойному угасанию. Они решили, что на их век более или менее уютной жизни хватит, а от возмутителей их спокойствия проще избавиться, спрятав концы в воду. Причём, в буквальном смысле этого слова. Избавиться от нас, погасить последний лучик надежды на ваше лучшее будущее, а может быть - и на спасение от ужасной участи тогда, когда весть о нашем существовании дойдёт до тех, кто думает, что единолично владеет этим миром.

А теперь я хочу попросить вас оставаться благоразумными. То, что я рассказал вам сейчас и то, что вы прочтаете завтра утром в городской газете, слишком серьёзно, чтобы делать скоропалительные выводы и принимать импульсивные решения. Сохраняйте спокойствие. Заговор уже сорван, хотя заговорщики всё ещё на свободе. Мне уже удалось связаться со всеми начальниками управлений Службы государственной безопасности в городах Советской Республики и поставить их в известность о случившемся. Фактически все они правильно поняли ситуацию и сейчас предпринимают меры по поддержанию нормальной жизнедеятельности государства.

Заговор сорван. Я и люди, от которых зависит возможность восстановления наших отношений с Большой Землёй, сейчас в безопасности, нам ничего не угрожает. Всё будет хорошо!

Воздвиженский замолчал, а диктор, который должен повторить, что это была за речь, ещё несколько секунд заворожено глядел на генерала. Потом, заметив за стеклом яростную жестикуляцию и жуткие гримасы режиссёра, спохватился и оттарабанил в микрофон:

- Вы слушали экстренное заявление первого заместителя председателя Совета Министров, начальника Службы Государственной Безопасности Советской Республики, генерала Воздвиженского. Экстренное заявление будет повторно передано во всем трём каналам проводного радио в 27:00, в полночь и в 6:00, а также опубликовано утром 8 июля в экстренном выпуске городской газеты.

Блин, и тут 8 июля! Эта дата меня просто преследует!

Дорога до города заняла у нас пять часов. Грунтовка размокла от ливня, вслед за фронтом которого мы двигались почти сотню километров, но ни больших луж, ни разлившихся ручейков ещё не наблюдалось. А потом нам удалось и вовсе обогнать дождевые тучи.

Впереди мчался «уазик» с полковником и капитаном, за ним шёл БТР-70 с солдатами, далее мы, а замыкал колонну «шестидесятый» БТР.

Наташу быстро укачало внутри боевой машины, ещё и попахивавшей бензином из недавно опустошённых канистр. Впрочем, наш с Дедом камуфляж тоже пованивал соляжкой. И мне пришлось договариваться с сержантом, чтобы он уступил супруге командирское место, с которого хоть дорогу через переднее стекло видно.

Пару раз за этим стеклом мелькнули крыши деревенских домов, но что собой представляла местная пастораль, я так и не разглядел. Разве что «пятой точкой» почувствовал, как после первой же деревни просёлок сменился грейдированной дорогой.

В Магнитку въезжали уже в сумерках, перемахнув Студёную по железнодорожно-автомобильному мосту. За мостом нас ждал ещё один БТР, пристроившийся следом за «уазиком», и наша чуть выросшая колонна рванула в центр города по широким, хорошо освещённым улицам.

Нас завезли во двор местного управления СГБ, и лишь когда железные ворота закрылись, разрешили покинуть «бэтр».

Споро спустившись на землю, я еле успел остановить Наташу:

- Не прыгай!

Она недоумённо замерла на верхней бронеплите бронетранспортёра.

- А что такое? Тут же не высоко.

- Все те, кто ноги себе переломал, спрыгивая с брони, так же думали! От неподвижности и вибраций мышцы ног теряют тонус. Просто аккуратно спустись по скобам, целее будешь.

Пока мы приводили себя в порядок после дороги, высокое «гэбистское» начальство, включая Ивана Андреевича, министр и начальник лаборатории удалились в кабинет начальника управления. Нас же – меня, Наташу, Райзмана и охранников Воздвиженского – оставили в приёмной, где дежурные офицеры быстро организовали «шведский стол». Часть продуктов с него и приличных размеров кофейник перекочевали в кабинет.

Приёмная создавала ощущение, будто я вернулся в 1980-е. Такие в то время были у всех руководителей городского масштаба: стол секретаря с несколькими телефонами на нём и на тумбочке, небольшой столик, на котором посетитель может перебрать принесённые с собой

бумаги, с десятков деревянных «полумягких» стульев, шкаф для верхней одежды и несколько полок под скоросшиватели и милые картонные папки с завязками. Мебель довольно новая. Видимо, уже здешнего производства. И сейф в углу! Угрюмый железный ящик с двумя дверками, в которых прорезаны замочные скважины. Гарантирую, что на полузакрашенном при многократных «обновлениях» шильдике, красующемся на боковой стенке значится что-нибудь вроде «Новозадрисненский завод металлоизделий, 1951 г.»!

Начальство явилось пред наши очи минут через сорок.

- Семён Маркович, капитан Ахметов займётся вашим размещением. Мы с вами вернёмся к нашими делами чуть позже. А вы, товарищи Колесовы, едете со мной! – распорядился генерал.
- Подкрепиться вы подкрепились, а теперь придётся немного поработать. Примерно до утра...

Во внутреннем дворе стало всего два бронетранспортёра с солдатами, зато прибавился старенький микроавтобус РАФ, при виде которого у меня аж в носу зашевелилось от ностальгического умиления. Нас загрузили именно в него, и колонна, вырвав на городскую улицу, снова куда-то помчалась. Как оказалось, к городской радиостудии, располагавшейся в трёх кварталах.

Поздние прохожие с удивлением наблюдали, как из подъехавших к небольшому особнячку бронетранспортёров посыпались солдаты с автоматами, часть из которых вслед за подполковником направились внутрь дома, а остальные оцепили особняк по кругу.

А спустя минут десять, когда мы уже успели размять затёкшие конечности, на крыльце появился подполковник, приглашая нас и двух газетчиков, кутивших на крыльце ещё до нашего приезда, в студию.

Магнитка, 36 год, 8 июля, пятница, 13:25

Пятничный выпуск газеты «Огни Магнитки» удался на славу! Первая полоса – заявление Воздвиженского с фотографией в студии городского радио. Вторая – совместное обращение председателей горисполкома и горсовета, примчавшихся в радиостудию после окончания эфира (генерал и подполковник Носиевич намеренно не ставили их в известность о происходящем). Третья – краткая историко-политическая справка Ивана Андреевича о том, что произошло на Большой Земле после 1982 года. А «на сладкое» – рассказ министра науки Аркадия Леонидовича Бергмана о некоторых научных достижениях Старого Мира и фотография самого министра на фоне моего раскрытого ноутбука с картинкой взлетающей системы «Энергия-Буран» на экране. Источник информации Бергмана, разумеется, те самые справочники, которые мы ему демонстрировали ещё на баркасе. Наши с Наташей физиономии и лицо Григория Никитича Васенко, начальника Лаборатории № 1, решено было пока не демонстрировать, но интервью для радио я дал. Не сумев ответить лишь на один вопрос, «Какие впечатления от Советской Республики». Просто потому, что я ещё толком ничего не видел.

Воздвиженский после эфира быстро исчез вместе с Носиевичем и «отцами города», пообещав прислать за оставшимися машину. А мы, как он и обещал, пахали практически до утра, помогая журналистам корректировать тесты и уточняя сказанное Дедом и Бергманом.

Разумеется, мы были в центре внимания всех, оказавшихся в студии. Людей интересовал вопрос, как ТАМ жизнь. Там – это на Большой Земле. Про «орденской» континент, конечно, тоже спрашивали, но куда меньше. Случались все эти расспросы нечасто, когда у кого-то появлялась свободная минутка или мы, не выдержав духоты, выходили на крыльцо подышать

свежим воздухом и полюбоваться на ночной город, заливаемый дождём.

Около часа ночи умчались в свою редакцию журналисты готовить к печати номер. К половине третьего, напившись в очередной раз кофе и «заморив червячка», расправились с записью моего интервью. А ближе к трём нас, валящихся с ног, всё на том же потрёпанном «рафике» отвезли в гостиницу, где уже лежали по комнатам наши вещи, прихваченные с «Удачи».

Что собой представляет гостиница «Магнитка»? Доводилось когда-нибудь бывать в гостиничном квартале в районе метро «ВДНХ»? Корпуса отелей «Золотой колос», «Ярославская», «ВВЦ» на улице Ярославской, если их построить не из силикатного кирпича, а из красного, будут один в один. Четырёхэтажное здание «сталинского» вида: высокие потолки, широкие окна. Пара кроватей, кресло, стол с настольной лампой и стулом, пара простеньких бра над кроватями, тумбочки и санузел с «сидячей» ванной. Трёхпрограммный радиоприёмник производства Советского электротехнического завода и старый телефон с дисковым номеронабирателем. Из стенки торчит кабель телевизионной антенны, но телевизора нет. Впрочем, их здесь в живых просто не осталось.

На стенах достаточно свежие обои. Белые простыни на ощупь вроде бы льняные, но структура волокон какая-то непривычная. Как потом разъяснили, из какого-то местного растения. Подушки, набитые не пером и не ватой, а шерстью. Судя по крошечной этикетке, вшитой в шов, изготовлены два года назад в Привольном. Полотенца простенькие, из той же ткани, что и простыни с наволочкой. На удивление, прекрасно впитывают влагу. И в дополнение ко всему – советская классика, серая туалетная бумага, от которой я уже давным-давно отвык. Причём, явно не под нас подстраивались, поскольку рулончик отматывали предыдущие жильцы.

Быстро под душ и спать! Пистолеты на тумбочки, хоть и двое автоматчиков остались дежурить в фойе возле рабочего места горничной, одетой в гостиничную униформу женщины лет сорока пяти.

Выспаться вволю нам не дали: в десять утра зазвонил телефон.

- Николай Валерьевич, прошу прощения, что разбудил. Капитан Самойлов, городское управление СГБ. В двенадцать часов в здании горсовета будет проходить совещание административно-хозяйственного актива города. Председатели горисполкома и горсовета просят вас с Натальей Викторовной прибыть. Машину с охраной я пришлю к 11:30 к гостинице.

- Партхозактив, что ли? – с трудом припомнил я давно забытое слово.

- Пока у нас партия существовала, это называлось партхозактивом, а теперь – административно-хозяйственный актив: руководители крупных городских предприятий, профсоюзные руководители, руководители советов ветеранов предприятий, депутаты горсовета, председатели сельских советов...

- А охрана-то зачем?

- Приказ генерала Воздвиженского. Хотя дела в Советске и Рыбачьем идут неплохо, ещё возможны попытки покушения на вас. Пока ситуация не нормализовалась, приказано вас охранять. Можете и своё оружие взять.

- А кто в охране?

- Солдаты городского батальона самообороны. Те, что вас вчера доставили в город.

- Тогда точно нужно взять своё оружие!

- Вы так низко оцениваете этих бойцов? Батальон Магнитки – второй по качеству подготовки среди подразделений Республики!

- Капитан, мы как-нибудь вернёмся к этому вопросу. Вы лучше подскажите, где мы можем перекусить до начала этого... актива?

- На первом этаже гостиницы работает столовая. Там довольно недорого кормят.

- Недорого – это хорошо! Там принимают наличные эку или можно расплатиться идентификационной картой?

Капитан оказался не идиотом и иронию понял.

- Прошу прощения, я не сообразил, что у вас нет наших денег. Я решу этот вопрос.

Действительно ли было недорого в этой столовой, поскольку масштаба цен и покупательной способности населения я не знал. Но стереотип позднесоветской столовки сработал, и я шёл на завтрак в предвкушении чего-нибудь малосъедобного. И был приятно удивлён тем, что пища оказалась очень даже на высоте.

Ну, про новоземельский кофе вы в курсе. К нему предлагалась свежая выпечка с замечательной хрустящей корочкой: булочки, ватрушки, разнообразные пирожки. Ломти белого и ржаного хлеба, отрезанные от круглой ковриги, можно было просто есть, а можно намазать маслом. Мы с Наташей подозрительно покосились на его цвет, отдающий зеленью, но я взял попробовать, увидев, что Дед с Васенко, спустившиеся в столовую немного раньше нас, лопали бутерброды с ним с огромным удовольствием. Как оказалось, это какой-то местный сорт, особо ценимый во всей Советской Республике.

Салаты – советская классика, подкорректированная новоземельской спецификой: из свежей капусты, огурцы с помидорами и зеленью, какие-то местные травы, тёртая морковка с каким-то местным корнеплодом, посыпанная ореховой крошкой. Из первых блюд – куриная лапша, традиционный для гостиниц бульон с половинкой яйца и овощной супчик. И моя слабость – окрошка на хлебном квасе! Далее предлагалась тоже традиционная глазунья с очень приличной на вкус ветчиной, классические отварные сосиски, которых я не пробовал с самой Москвы, обжаренные ломтики варёной колбасы, котлеты паровые, три сорта рыбы, отварной и жареной, картофельное пюре, макароны, рис, отварные овощи. А ещё – компот из свежих фруктов, сто лет не виданный мной кисель, кипячёное молоко и четыре разновидности травяных чаёв.

Если тут во всех столовых так кормят на завтрак, то жить здесь можно!

Наконец-то мы разглядели Магнитку при дневном свете.

Даже по староземельским меркам – довольно крупный город. Металлургические предприятия – на северо-западной окраине, ближе к Широкому нагорью. На стрелке при впадении реки Каменки в Студёную – небольшой порт. Вверх по Студёной можно подняться на речных кораблицах до ближайших порогов ещё километров на сорок выше стрелки и километров на двадцать пять выше окраины города. А вот вниз плыть – хоть до самого океана. Но сегодня никто не рискует: тайфун, чёрт бы его подрал. На западе – ещё какие-то предприятия и высокие бетонные трубы ТЭЦ.

Главная улица, проспект Metallургов, широченная, с тенистой аллеей посредине. Наверняка по ней любят гулять старички и молодые мамы с колясками, а на лавочках, расставленных через каждые метров пятьдесят, целоваться по вечерам молодёжь. Вдоль тротуаров тоже насажены деревья. Дома на ней в центре – двух или трёхэтажные. Такие, как у нас в Миассе в начале проспекта Автозаводцев или в Магнитогорске на проспекте Ленина в районе театра оперы и балета. Дальше от центра – четырёх и пятиэтажные.

Машин на улицах не просто мало. Если судить по московским меркам, то можно сказать, что их вообще нет. За время недолгого переезда от гостиницы к горсовету их попало всего 4-5. Да с десятков припарковано у обочин. Зато пару раз обогнали автобусы – неубиваемые, привычные с детства «Икарусы». А на параллельной улице, когда мы проезжали перекрёсток, мелькнул старенький трамвай.

Первые этажи домов заняты магазинами, мастерскими и прочими инфраструктурными заведениями. За пять минут, пока мы ехали в «уазике-буханке» до горсовета, мелькнули вывески: «Парикмахерская», «Сберкасса», «Ремонт обуви», «Ателье». Даже «Ювелирная мастерская» имеется! А это уже показатель того, что свободные деньги у людей водятся.

Вышли из машины и словно окунулись в прошлое. Посреди клумбы перед массивным зданием, отделанным по цоколю грубо отёсанным гранитом – памятник Ленину. Бетонный, одной рукой указующий в сторону речного порта, а в другой сжимающий кепку. На ум сразу пришла байка про то, как после реставрации такого же памятника у Ильича одна кепка оказалась на голове, а вторая – в руке. Входные двери в здание горсовета охраняют две чугунные скульптуры металлургов. Только кумачовых транспарантов «Слава КПСС» или «Партия наш рулевой» для полной иллюзии возврата в 1970-е не хватает.

Нашу четвёрку сопровождают два бойца с автоматами. Один из них – тот самый, с которым мы в кустиках на берегу Студёной встретились. При весьма пикантных обстоятельствах. Увидев, кого придётся охранять, парень аж покраснел от смущения, но я ободряюще похлопал его по плечу и заговорщицки подмигнул.

- Всё нормально!

Теперь мы быстро шагали по коридорам административного здания, не обращая внимания на людей, тоже тянувшихся в сторону зала заседаний.

Чёрт, ну точно на машине времени прокатились! Зал человек на триста, огромный стол президиума, накрытый бесконечным куском красной материи. От середины стола нам уже машет председатель горисполкома, крепкий мужчина лет пятидесяти, зазывая на сцену.

Чтобы не маяться с автоматами под столом, отдаём их под охрану солдатикам, которым быстренько организовали пару стульев за кулисами.

- С оружием не баловаться! – предупреждаю я старого знакомого. – Знаю, что любопытно, но лучше я сам потом расскажу и покажу, что к чему, чем вы случайно бабахнете.

Председатель горисполкома не стал подробно описывать предысторию, поскольку все уже и радио послушали, и экстренный выпуск «Огней Магнитки» прочли. А кто не успел – дочитывали уже в зале. Он просто обрисовал положение на данный момент.

Силовики и администрация Магнитки, Угледара, Целинников, Химика, Урана, Золотого,

Верхоречья и Избенки однозначно осудили заговор и требовали отстранения председателя Верховного Совета и министра внутренних дел, заваривших всю эту кашу. Руководители Приволья ещё не определились, хотя местное Управление СГБ уже установило контроль над батальоном самообороны. С местным УВД, которому министр уделял особое внимание, шли переговоры. В Рыбачьем «безопасники» вели переговоры с командующим ВМФ, который оказался причастен. На полдень был назначен его телефонный разговор с Воздвиженским.

Сложнее всего была ситуация в Советске, где не только УВД, но и руководитель УСГБ, назначенный и. о. главы ведомства, поддержали заговорщиков. Информацию о возвращении Воздвиженского и заговоре в руководстве страны они заблокировали, хотя из телефонных разговоров с друзьями и родственниками, живущими в Магнитке, она уже достигла населения, и теперь, как пламя, расплзалась по городу.

«Гэбэшникам» удалось организовать передачу по телефонным линиям записи обращения генерала, и теперь она транслировалась во всех городах, кроме Советска. Типография «Огней Магнитки» продолжала печатать экстренный номер, и дополнительный тираж уже ушёл в Угледар и Целинники, готовился к отправке грузовик с газетами для Верхоречья, Избенки и Золотого, который пойдёт Северной дорогой в объезд Советска. К вечеру такой же рейс должен будет уйти, в обход столицы, на Рыбачье, Уран и Химик.

Никаких аплодисментов на это выступление не последовало. Ситуация была чрезвычайная, подобного на памяти всех присутствующих ещё не случалось, и всем было тревожно. Но без «Фомы Неверующего» из числа городских депутатов не обошлось. Им оказался высокий седоватый мужчина в очках.

- Депутат Злой, шестой округ. То, что вы нам рассказали, Юрий Владимирович, интересно. Как и опубликованное в вашей газете.

- В нашей газете, Антон Григорьевич, в общегородской! - поправил председательствующий.

- Это не моя газета, не наша, а именно ваша, поскольку вот тут, в подзаголовке, указано: «Официальный орган городского исполнительного комитета и городского совета», - ткнул пальцем в шапку газеты депутат. - Неподконтрольной вам прессы ни в городе, ни в республике не существует! Поэтому мы, простые люди, не можем доверять тому, что опубликовано здесь. Мы не можем быть уверены в том, что всё это - не очередная мистификация спецслужб, рвущихся к власти, чтобы установить тотальный контроль над каждым человеком. Ведь посмотрите, что у нас творится: некий глава политической полиции отстранённый от должности законной властью - надо ещё выяснить, за что именно - теперь пытается эту власть свергнуть! А от нас требуется поддержать его, чтобы посадить себе на шею нового тирана!

- Депутат Злой! - рявкнул председатель горсовета. - Мы здесь собрались не для того, чтобы внимать вашим разглагольствованиям о свободе слова и правах человека, которые вы почерпнули в молодости, слушая вражеские «голоса». Попробуйте чётко сформулировать, что вы хотите спросить, добавить или предложить. Кроме того, насколько я помню, вы всегда выступали с критикой власти. Какой бы они ни была. Так чего же вы сейчас взелись?

- Настоящий интеллигент не имеет права не критиковать власть! - гордо задрал подбородок Злой, и собравшиеся неодобрительно загудели. - Никто так и не предоставил доказательств того, что опубликованное в газете соответствует действительности.

- Что именно вам должны доказать? - угрюмо глянул Дед на депутата.

- Всё! Каждое слово! И если вы хоть что-то не сумеете доказать, то всё остальное тоже можно

выбросить на помойку, потому что это будет доказательством того, что вы даже фальшивки не можете нормально сфабриковать.

Вот тебе, мля, и диктатура! Да тут сахаровщиной и «межрегиональной депутатской группой» за версту несёт!

Однако депутата заставила надолго замолчать Наташа.

- Господин Злой, я хочу вам вручить вещественное доказательство того, что мы прибыли не откуда-нибудь из лесов на реке Таёжной, где кровожадные «гэбисты» готовили тайную операцию по захвату власти, а с Большой Земли. Можете себе на память оставить, у меня ещё много. Знаете ли, самое надёжное средство, чтобы автоматный ствол от пыли защитить. Товарищи, передайте, пожалуйста, господину Злому!

Презерватив в яркой упаковке медленно двинулся по рядам, а когда достиг адресата, депутат задвинул очки на темечко и принялся близоруко разглядывать надписи на подарке.

Остальных поднимавшихся больше всего интересовали перспективы возобновления отношений с Большой Землёй и трудности, которые могут возникнуть.

- В первую очередь - информационная, - сообщил я. - Сейчас ТАМ компьютер проник во все сферы жизни. Это управление оборудованием, транспортом, производственными процессами, проектирование и испытание техники. Вся связь перешла на компьютеризированное оборудование. Фактически каждый человек в крупном городе имеет персональный беспроводной телефон размером, меньше этой рации. И этот телефон содержит внутри себя микрокомпьютер, который, связываясь с компьютером базовой станции, может пересылать другому абоненту не только речевой сигнал, но и картинки. Домашние настольные и переносные компьютеры, подсоединённые к компьютерной сети, способны обмениваться друг с другом текстами, фотографиями, рисунками и даже видео, если компьютеры снабжены портативными видеокамерами.

- Вы, наверное, хотели сказать «переносные блоки компьютеров»?

Я расстегнул сумку с ноутбуком, включил его и развернул экраном к залу.

- Я хотел сказать именно «переносные компьютеры». Вот такие устройства, которые работают в миллионы раз быстрее, чем те, что есть в здешних научных центрах. Им больше не нужны стопки перфокарт, рулоны перфоленты и бобины магнитной ленты. Вся информация хранится либо внутри компьютера, либо на оптических дисках, записываемых и считываемых при помощи лазерного луча, - я ткнул на кнопочку открывания считывателя сидиромов и покрутил в руках забытый в нём компакт-диск.

Наташа откинула крышечку болтающейся у неё на шее цифровой «мыльницы» и протянула мне флешку.

- Либо вот на таких электронных картах памяти, используемых также в фотоаппаратах вместо фотоплёнки. Вот на эту карту входит около трёхсот фотографий хорошего качества. Компьютер подключается к цветному печатающему устройству, и не нужно никакой маеты с проявлением плёнок, фонарями, химикатами для фотобумаги. Ну а во внутренней памяти такого компьютера можно сохранить десятки тысяч томов книг, тысячи песен, десятки кинофильмов.

Я проделал несколько манипуляций с тачпадом, и по экрану ноутбука поскакали на конях Боярский с товарищами, распевая песню «Порадуемся на своём веку», едва слышимую через

крошечные динамики даже в притихшем зале. Скачущие на экране мушкетёры и еле слышная песня произвели эффект, куда больший, чем все прочие разговоры. И когда с места вскочил Злой, потрясая упаковкой презерватива, на него все смотрели, как на идиота.

- Я так и знал, что всё фальсифицировано! Вот здесь и здесь – разные шрифты. А тут указана дата 08.2003, хотя на Большой Земле сейчас только 2002 год. Я сохраню это как улику для обращения в суд!

- Антон Григорьевич, на подаренном вам презервативе указан срок годности. Вы лучше не храните его, а во избежание нежелательных последствий постарайтесь использовать по назначению до названного срока! – под хохот зала, не знавшего, что именно было вручено депутату, посоветовала Наташа.

- Смех смехом, – снова заговорил я, когда последние волны хохота умолкли, а красный, как рак, правдоискатель умчался в фойе. – Но первая проблема, что встанет при возобновлении связи, это проблема совместимости информации, сложность её переноса на привычные вам носители и использования в дальнейшем.

Магнитка, 36 год, 8 июля, пятница, 14:15

В продолжении разговора принять участие не удалось. Из-за кулисы вышел человек, негромко переговорил с предисполкома. Тот кивнул, и человек принялся шёпотом что-то рассказывать Деду и Васенко. Иван Андреевич подал нам с Наташей знак: сворачиваемся и уходим. А Юрий Владимирович, прервав очередного выступающего сообщил:

- Товарищи, прошу прощения, но наши гости вынуждены нас покинуть. Генерал Воздвиженский срочно хочет их видеть. Но мы пока продолжим без них: ситуация нам уже ясна, и я призываю вас высказывать свои предложения о том, что город может сделать для того, чтобы успешно и наиболее эффективно вписаться в близкие перемены.

И снова мы вшестером мчимся по залитому дождём асфальту в выдавшей виды «буханке»... Руководитель СГБ ждёт нас в расположении городского батальона самообороны.

Я был жутко удивлён, когда узнал, что такие мотострелковые батальоны, дислоцированные в каждом из городов, являются самыми крупными армейскими подразделениями. По одному на город, кроме Советска, где расквартированы два батальона. Существует ещё несколько специализированных частей: связисты, танкисты, артиллеристы, сапёры, железнодорожники, автомобилисты. Комплектование армии производится по смешанному принципу: рядовой состав – призывники, а специалисты и командиры отделений, экипажей, расчётов служат по контракту.

Особняком стоят военно-морские силы и авиаэскадрилья, моторесурс самолётов в которой берегут, как зеницу ока. Есть войска приписанные к Службе Госбезопасности – пограничная охрана и два Особых батальона охраны, Северный и Южный. Южный базируется в столице и охраняет особо важные объекты в Золотом, Советске, Рыбачьем, Уране и Химике, а также на прилегающих к ним территориях. Таких объектов, как, например, ГЭС и химические заводы. Штаб Северного располагается в Верхоречье, а зона ответственности батальона – вся остальная территория. Правда, в обоих батальонах реально подготовленных бойцов – лишь по одной роте. Все прочие – обычная вохра, хоть состав батальонов и укомплектован исключительно сверхсрочниками. Ещё один батальон имеется у МВД. Его три роты охраняют три зоны с заключёнными – в Химике, Уране и Привольном.

Воздвиженский ждал нас в штабе, в кабинете командира батальона майора Кирикарова, невысокого плотно сбитого мужчины с практически лысой головой и умным пронизательным взглядом.

- Хотел бы сообщить вам последние новости, поступившие из Советска. Телефонная связь со столицей заблокирована после того, как в Советске стали распространяться новости о нас. С одной стороны, это даже хорошо, поскольку прекратилась утечка информация о наших шагах. Правда, с отключением связи они поздно спохватились, поскольку, как вы знаете, моё выступление и интервью Колесова уже транслируется по радиосетям всех городов, за исключением столицы. Но и в столице информационная блокада неполная, поскольку они не могут заблокировать всю междугородную связь. Советск уже гудит. Мои люди передают, что оба батальона самообороны подняты по тревоге и патрулируют столицу, чтобы не допустить стихийных протестов.

Все мои попытки связаться с заговорщиками сегодня ночью и утром результатов не дали. Надежда на возможность переговоров с командующим флотом ещё не потеряна, но ситуация в Рыбачьем непростая. Моряки, до которых довели суть произошедшего, прекрасно осознают, что он отдавал преступные приказы, но из-за верности морскому братству за ним готовы идти некоторые экипажи. К счастью, только из числа тех кораблей, что базируются в Рыбачьем. В Целинниках, Химике и Посту чекисты сумели перетянуть экипажи кораблей на нашу сторону.

Как мне предали по радио, заговорщики в панике, поскольку час от часу доверия к ним становится всё меньше и меньше. Они не могут официально опровергнуть нашу информацию, поскольку эта их ложь «ловленная», легко проверяемая. Постановления о моей отставке не существует, поскольку я «погиб». Но раз я жив и не отправлен в отставку, я имею право отдавать приказы. Принять постановление об отставке сейчас – значит признаться в своей лжи и нашей правоте. А это вызовет такой ураган недовольства, который их просто рассеет по ветру. Поэтому они выбрали самый простой вариант: молчать, несмотря ни на что.

Но вызвал я вас не для того, чтобы рассказать, как плохи дела у заговорщиков. Ещё хуже они у нас. Не скажу, кто именно, но мне сообщили, что эта четвёрка – председатель Верховного Совета, глава правительства, начальник столичного Управления СГБ и министр внутренних дел приняли решение уничтожить аппаратуру Перехода.

- Да они сума сошли! – выкрикнул Васенко.

- Тем не менее, Григорий Никитич! Решено направить в Лабораторию № 1 группу сапёров, которая должна заминировать все помещения и оборудование и взорвать их. Мне, правда, удалось через... Это не важно! Удалось связаться с командиром роты охраны и передать ему приказ не допускать никого на территорию Лабораторию без твоего или моего личного присутствия. Он запросил письменный приказ и гарантии того, что приказ отдал именно я. Гарантии я дал прямо во время разговора, напомнив пару эпизодов, о которых никто, кроме нас двоих, знать не может, а сегодня к вечеру ему доставят и письменный приказ. Но роту на усиленный режим охраны он уже перевёл.

- Ну, слава богу! – выдохнул начальник Лаборатории.

- Не торопись. В столице тоже сидят не дураки, а те, кого я учил! Планом предусмотрено, что если сапёрам не удастся беспрепятственно войти на объект, то взять его штурмом после артиллерийского удара. Если и это не поможет, то разнести сооружения артиллерийским огнём. Для чего планируется применить две установки «Град» и шесть гаубиц Д-30, а для попытки штурма использовать по роте батальонов самообороны Советска при поддержке

бронетранспортёров.

- Идиоты! Только пацанов положат! Там же минные поля на подходах! Хорошо, если половина мин от старости не сработает. Но остальные-то посекут их за милую душу! Сколько зверья на тех минах уже подорвалось!

- Вот и мне не хочется, чтобы мальчишки гибли из-за бараньего упрямства четверых моральных уродов! Но как их остановить, я просто не могу придумать.

- Максим Георгиевич, есть какая-нибудь возможность не подпустить артиллерию на расстояние выстрела? Ну, заблокировать её где-нибудь...

- Это ты у Васенко спрашивай. Он те места, как свои пять пальцев знает!

Начальник Лаборатории развернулся ко мне.

- Сложно. Очень сложно. Объект находится всего в тридцати пяти километрах от города. Какова дальность выстрела из гаубицы и «Града»?

- Максимальная – 15 и 20 километров соответственно.

- То есть на полдороге от Советска. Будем считать, что с максимальной дальности они стрелять не будут, чтобы уменьшить разброс, а постараются подъехать поближе. Есть там пара узких мест...

- Им даже с нескольких километров понадобится корректировщик: там местность холмистая, и стрелять придётся с закрытых позиций, - подал голос комбат.

- То есть надо будет перехватить корректировщиков! - ухватился за мысль Воздвиженский. - Засада, минирование дороги, а на конечном этапе – корректировщики. Уже во что-то складывается! Где бы только людей для этого взять? Призывников туда не пошлешь: сами убьются и дело завалят.

- Найдём людей! - заверил Кирикар. - Немного, не больше десятка. Но с ними разговаривать придётся! Впрочем, я беру это на себя. Остаётся решить, как этих людей доставить в нужное место...

Генерал поморщился, и по нему было видно, что от сердца отрывает.

- А это я беру уже на себя.

Дорога Советск - Лаборатория № 1, 36 год, 9 июля, суббота, 13:50

Надо меньше пить! Меньше пить надо! Пить надо меньше!

Хотя, если откровенно, не в питье дело, а в гиподинамии. Привык, панимаишь, то за рулём, то самолётом, то на кораблях! Вот и приходится теперь всякую ритмичную чушь про себя повторять во время бега по пересечённой местности.

Генерал, когда говорил о том, что решит вопрос, как доставить группу в окрестности Точки Перехода, не соврал. «Каталину», что прилетала на Тонкий, всё-таки выслали на поиск наших судов в океане. С приближением тайфуна она села на аэродроме Угледара. С командиром

экипажа у Воздвиженского уже была договорённость о переброске руководителя СГБ в Золотое, где завтра к вечеру должны были собраться руководители городов Загорья, как называли здесь западную часть континента. Теперь всё приходилось переигрывать.

Не подвёл и Кирикарров, «засадным полком» которого оказались ветераны Афганской войны. Как оказалось, Павел Стиллианович юным «летёхой» успел повоевать «за речкой», а после ранения его забросили сюда, в Новый Мир. И ни он, ни бойцы, также оказавшиеся теперь не «за речкой», а «за Стеной», до моего появления здесь не знали, чем закончилась та война. Но боевое братство сохранили. И на зов побратима откликнулись все двенадцать, живших в Магнитке. Серьёзные сорокалетние мужики, каждый из которых и дерево успел посадить, и дом построить, и сына воспитать.

Слушали майора молча, лишь время от времени поглядывая на нас с Наташей и Воздвиженского. Вопрос был один:

- Ты-то, Стиллианыч, идёшь?

- Иду! – отрезал Кирикарров, который до того и не помышлял об участии в операции.

- Тогда нет вопросов.

- Зато есть ограничения, - вступил в разговор генерал. – Гидросамолёт может взять не больше 12 человек. Минус два человека – я и мой начальник охраны: мы летим дальше. Васенко идёт с вами, и это не обсуждается. Двое оставшихся моих охранников – тоже. Их задача, кроме помощи вам, охранять Григория Никитича. Плюс майор Кирикарров. Обязательно нужны подрывники, снайперы и артиллерийский корректировщик.

Мужики переглянулись, и один из них, массивный, с жёстким выражением изуродованного шрамами лица, ответил.

- Нет среди нас артиллеристов. Водители есть, танкисты, механики по обслуживанию вертолётов, а артиллеристов нет. Четверо из десантуры, ДШБ. Но Фрол недавно операцию перенёс, он отпадает. Отпадает я сказал! – рыкнул он на товарища, пытавшегося возразить. – Двоих из мотопехов можно было бы взять, но у тебя, Ара, жена опять рожать собирается, ты тоже не идёшь. То есть от нас – четверо, если не считать Джавдета.

- Кого? – удивился Воздвиженский.

- Меня! – ткнул себя пальцем в грудь майор. – Кстати, могу артиллериста подсказать. Капитан Ахметов у Носиевича во время срочной служил в арtpолку. Командиром гаубичного расчёта. Если согласится – получится девять человек.

- Десять. Я десятый. И за стрелка сойду, и с минно-подрывным делом знаком.

- А я? – встрепелась следом за мной Наташа.

- Не в этот раз, любимая!

Она на меня, разумеется, обиделась. Но, оставшись наедине, я объяснил, почему она остаётся.

- Просто подумай о ребёнке.

- О каком ребёнке? Ещё неизвестно, когда он у нас будет и будет ли вообще!

- У тебя когда должны были начаться месячные?

- А причём тут это? – фыркнула благоверная.

- Так когда?

- Десять дней назад...

- И ты мне будешь что-то рассказывать? Всё, солнышко, закончились твои стрельбы и беготня по буеракам без крайней необходимости! Теперь нам тебя и нашего будущего ребёнка нужно беречь, холить и лелеять.

- Главное – себя сбереги! – уткнулась Наташа носом куда-то мне за ухо.

На её бронежилет я посягать не стал, а вот автомат, АПБ и рацию изъяс. Как и у Деда. Полтора десятка ВОГ-25 к трём автоматам, конечно, погоды не сделают, но с ними лучше, чем без них.

Перелёт на «Каталине» я, пожалуй, всю жизнь вспоминать буду. Просто не забывайте, что ещё сутки назад Магнитку зацепил краешек тайфуна. Пусть он сейчас и уходил куда-то на северо-восток, но дождь и ветер никто так и выключил. Ну да, когда подошли к Старым горам и вырвались из дождей, стало намного легче. Но посадка на узкое, изрядно потрёпанное шоссе с глубокими кюветами, в наступающих сумерках при наличии бокового ветерка так бодрит!

Посадка, молниеносная выгрузка. Развернуть самолёт на месте и помахать ему рукой, когда он описывает над нами круг перед тем, как уйти в сторону Золотого. Теперь рюкзаки на спину и прочь от дороги. А потом разбегаемся: Васенко с двумя охранниками в сторону Точки Перехода, до которой им всего километров пять, а мы – к Советску. Надо меньше пить! Меньше пить надо! Пить надо меньше!

Ахметов, подсвечивая фонариком, на бегу сверяется с картой.

- Стоп!

- Что случилось, Татарин?

Это – не обидное прозвище, это позывной. Есть у нас в группе Джавдет, он же майор Кирикарлов и наш командир. Есть Сармат – тот самый десантник с угрюмым лицом, «подрихтованным» шрамами. Его друг Якут, такой же мускулистый и рослый. Я представился кличкой своего дедушки, данной ему на зоне в 1944 году – Колун. Мотопеха, взятого в качестве снайпера, знают как Рыжего. Может, и был он когда-то рыжим, но теперь, скорее, Лысый. Ещё один бывший десантник – Помор. И действительно похож: под метр девяносто, светловолосый и голубоглазый, с картинным лицом жителя русского Севера.

- Я, как артиллерист, позицию для обстрела лаборатории выбрал бы здесь, – сделал широкое движение рукой Ахметов. – Практически ровная площадка, удобный съезд с дороги. Да и рассеяние на таком расстоянии ещё невысокое. Пометить бы как-нибудь...

Помор молча развернулся и побежал в сторону кустов. Через минут пять вернулся с трёхметровым стволиком деревца, у которого ветки остались только на самой верхушке. «Маяк» воткнули в землю, а для верности привалили основание камнями. И снова вперёд! Надо меньше пить! Меньше пить надо! Пить надо меньше!

Шоссе справа от нас. В паре сотен метров от него – железнодорожные пути. Пока окончательно не стемнело, мы бежали в полукилometре от дороги, а теперь вернулись на неё: ночь, если кто-то и будет ехать, то свет от фар увидим издаleка.

Ага! Вот и мостик, о котором говорил Васенко. Ручеёк, журчащий где-то внизу, плёвенький, но течёт он по дну оврага. Если рвануть мост, то задержим артиллерию надолго: без автокрана о ремонте нечего даже думать. Либо пока не проложат объезд. Ближайшее удобное для переправы место (и это тоже со слов начальника лаборатории) – в полукилometре выше по течению. Из «Градов», конечно, и отсюда можно достать цели, но не из гаубиц. Теперь надо добраться до той самой дорожной выемки в пригорке. Надо меньше пить! Меньше пить надо! Пить надо меньше!

- С дороги!

С северо-запада кто-то едет. Мы рассредоточились, и тут ожила «ходи-болтайка» в кармашке разгрузки Кирикарова.

- Джавдет Чёрному.

- Джавдет на связи.

- Встречайте своих. Где вас искать?

- От моста единичка.

- В каком состоянии мост?

- Проезжайте без опаски. Ждём. Я встречу.

Это уже из категории максимально доступного. Васенко мог выкроить кого-то из своих резервов, а могло и не получиться. Но подмога, высланная им, будет очень даже кстати, если дело дойдёт до прямого огневого контакта. Пока же наша задача – максимально задержать вывод на огневую позицию артиллерии, способной разрушить оборудование Точки Перехода. А в идеале – вовсе не допустить открытия огня из орудий и людских потерь.

Первую засаду устроили в той самой выемке, о которой рассказывал Григорий Никитич. Не то, чтобы засаду, поскольку взвод солдат при поддержке пары бронетранспортёров сметёт нас со склонов горюшки ни счёт «три», если мы там окопаемся. Скорее, демонстрацию намерений. Для этого не пожалели радиовзрывателя, приводившего в действие заряд из цепочки миномётных мин, вкопанных по гребню выемки. Задача Серого, как мы называли второго охранника Воздвиженского, была просто нажать кнопку на пластмассовой коробочке, после взрыва спуститься на обратную сторону железнодорожной насыпи и «сделать ноги».

Как он потом рассказывал, колонна из четырёх бронетранспортёров и десятка грузовиков, возглавляемая «бардаком», тормознулась возле жердины, установленной нами поперёк дороги на двух кольях-рогульках. К ней мы прикрепили стандартную табличку «Осторожно, мины!». В люк вылез какой-то офицер, подумал несколько секунд, осматривая окрестности, и БРДМ тронулся вперёд, сбивая «шлагбаум». А через две секунды рвануло на гребне выемки.

Никто и не ждал, что нам таким незначительным количеством взрывчатки удастся перегородить проезд. Офицер успел нырнуть в люк до того момента, когда камешки от взрыва начали стучать по броне. А спустя полминуты два бронетранспортёра попытались обойти

выемку по склону горы, но тоже встали, уперевшись в такие же таблички, предупреждающие о минах.

Возле моста колонна появилась только три часа спустя, когда Серый успел отдохнуть, добежав до нашего замаскированного укрытия. И снова упёрлась в похожую конструкцию с предупреждением. На этот раз на рожон никто не полез, а из Зил-130 вылезли два бойца с миноискателями и двинулись к мосту. Уже через пять минут они нашли первый заряд, заложенный перед въездом на мост. Ещё минут пять ползали вокруг него, пока не убедились, что он установлен на неизвлекаемость.

Старший, торчащий из люка «бардака», выслушав доклад, принялся что-то орать и махать руками. Пока шла перебранка, я, аккуратно высунувшись из-за железнодорожного полотна, неспешно опустошил почти весь двадцатипатронный магазин «Вала». По две пули в двигатель каждой машины, кроме одной. Один из двух оставшихся в магазине патронов я разрядил в бензобак Зил-157, водитель которого только что выбросил в окошко окурки. Полыхнуло секунд через пять, когда лужица вытекающего бензина подобралась к дымящемуся «бычку». Ещё две секунды, и пылает уже сама машина.

По-моему, излишне рассказывать про поднявшуюся панику. Особенно – если учесть, что через две машины от горящего «стописятседьмого» – два «стотридцатых», загруженные взрывчаткой для подрыва Точки Перехода.

Солдатики выскакивали из машин и ломались от них подальше, не обращая внимания на предупредительные таблички о минировании. Разумеется, двое или трое нарвались на наши имитации растяжек: гранатные запалы, обвязанные четырьмя надрезанными до пороха взрывпакетами.

Кто-то попытался отъехать от пылающего грузовика, но завести двигателя удалось лишь двоим: шестнадцатиграммовая пуля СП-6 с сердечником из высокоуглеродистой стали при попадании в чугунный блок цилиндров просто раскалывала его, вышибая осколки внутрь мотора. Один из Зил-130 даже сумел отъехать назад метра три, пока не заглох. Теперь уже насовсем.

Только когда самый то ли смелый, то ли упёртый, сунулся открывать боковину капота, чтобы разобраться в причине нежелания мотора заводиться, до него дошло, что неизвестно откуда взявшиеся дырки в боковинах – это следы от пуль. Ещё немного суеты и воплей, и два бронетранспортёра поползли с шоссе к железной дороге. Но тут же встали, поскольку по эту сторону дороги минирование было уже более серьёзным: гранаты РГД с выдернутыми чеками, заложенные под стволы сушняка, «беспорядочно» разбросанного вдоль дороги, так, что при наезде на них освобождался спусковой рычаг. Но к моменту, когда рванули РГД, я уже перебирался через ручеёк чуть ниже железнодорожного моста.

Вскоре я уже плюхнулся в окопчик, где в обнимку с подрывной машинкой наблюдал за происходящим на дороге Помор.

Каждый опытный водитель знает, что хорошая машина горит не дольше пяти минут. Вот и остов Зил-157 уже лишь дымился. Командир колонны бегал вдоль машин, пытаясь навести хоть какой-то порядок в рядах своих подчинённых, деморализованных потерей автотранспорта и ожогами, полученными тремя товарищами. Сапёры прочёсывали с миноискателями территорию, прилегающую к шоссе.

- Ну что, блокируем их там? – спросил Помор, когда заметил, что я уже отдышался. – Вроде никого не должно зацепить.

- Тогда давай!

Рвануло хорошо! Две рухнувшие в результате взрыва средние мостовые балки гарантировали, что по мосту теперь уже никто не проедет.

Разлетающиеся куски асфальта и бетона, похоже, кого-то зацепили. Сквозь толпу мечущихся солдатиков тащат двоих в сторону БТР. Начальник колонны, уже без фуражки, командует погрузкой их и обожжённых. А потом «бэтр» разворачивается на дороге и уходит в сторону города.

И снова мы бежим вдоль железной дороги в направлении Точки Перехода. Бежать уже не так далеко, с километр. Там за холмом нас ждёт «Урал» с солдатами и основная часть нашей группы. Надо меньше пить! Меньше пить надо! Пить надо меньше!

Окрестности дороги Советск - Лаборатория № 1, 36 год, 9 июля, суббота, 18:30

На склоне холма, обращённом к оврагу с ручейком, - тоже наш наблюдательный пункт. Рассматривать происходящее с километровой дистанции не очень-то удобно, но возможно.

После ухода БТР с ранеными и взрыва моста сапёры всё-таки закончили разминирование придорожной полосы. Группа солдат побрела вверх по ручейку в поисках переправы. Удобное место для неё всего в полукилометре от моста. Посыльный помчался на доклад, и вскоре «бардак» пошёл разведывать брод.

Блин, ну ничему их жизнь не учит! Сначала мы увидели столб воды и грязи, взметнувшийся над кустами, и лишь через несколько секунд донёсся грохот заложенного Помором «сюрприза». Поздно, конечно, сапёрам туда бежать, поскольку больше там ничего нет, но пусть побегают. Как говорил армейский сержант, заставивший гонористого бойца подметать плац ломиком, «мне не нужно, чтобы было чисто, мне нужно, чтобы ты зае*ался!» Интересно, а у них есть трос, чтобы оттащить с брода БРДМ с оторванным колесом?

Ещё один бронетранспортёр ушёл с ранеными в сторону столицы. А на броне сейчас возятся солдаты, заваливая яму, образовавшуюся в результате взрыва. Можно сказать, оба берега ручья они контролируют. А вот соваться дальше им пока смысла нет. Оставшиеся до Лаборатории 17 километров они, конечно, за четыре часа пешком одолеют. Но что такое полторы сотни усталых, перепуганных солдат против обороняющейся из дзотов, траншей и стрелковых ячеек роты? Если учесть, что для атаки им придётся ломиться не через наши «игрушечные», а сквозь самые настоящие минные поля. При поддержке всего двух бронетранспортёров и под пулемётно-миномётным огнём. Нет, без использования тяжёлой техники и артиллерии уже не обойдётся!

Выделенные для разрушения Точки Перехода два «Града» и шесть Д-30 - это практически всё, что есть в распоряжении заговорщиков. Танковая рота базируется на реке Красной, неподалёку от Урана, и «наши» уже взяли её под контроль. Есть в районе полуострова Нос склады длительного хранения, где и артиллерии немало, и танки стоят, и БМП. Но их сначала надо расконсервировать и сюда доставить, а время работает на нас. Если чего-то и ждать от противника, так это подкрепления из числа оставшихся в городе двух батальонов самообороны на бронетранспортёрах. Пожалуй, пора попытаться выйти на связь с их командиром: а вдруг удастся его образумить?

- Буря-два, Буря-три. Как слышите? Приём.

- Буря-два. Слышу хорошо.

- Буря-три. Приём нормальный.

- На связи Вымпел. Я вас тоже отлично слышу. Позовите к рации Бурю-один.

Именно под этим позывным распоряжался по рации тот самый офицер, что командует колонной

- Вымпел, вы из какого подразделения?

- Боец, а ты не обнаглел, задавать такие вопросы?

- Вымпел, мне нужно доложить майору, кто именно его вызывает.

Значит, майор. Вряд ли кому-то из командиров батальона поручили такое грязное дело. Скорее уж эсгэбэшник.

- Так и доложи: спецгруппа с позывным Вымпел.

- Есть.

В бинокль хорошо было видно, как офицер без фуражки, но со свежеперевязанной головой, вскарабкался на БТР-70 с бортовым номером 112.

- Вымпел Буре-один.

- Вымпел на связи.

- Вымпел, кто вы и где находитесь?

- Спецгруппа «Вымпел». Заместитель командира группы, майор Федеральной службы безопасности Российской Федерации Колесов. Нахожусь в пределах прямой видимости от вашего... временного лагеря.

- Что ты несёшь? Какой ещё Федерации? Какой ещё Федеральной службы?

- Не ори, майор! Есть такая страна на Старой Земле, называется Российская Федерация, столица - город-герой Москва. Если учил в школе историю, то должен помнить о Москве и Российской Советской Федеративной Социалистической Республике. Теперь эта страна называется Российская Федерация или просто Россия. А одна из спецслужб России, являющаяся наследницей Комитета государственной безопасности, теперь называется Федеральная служба безопасности. И я, майор Колесов, направлен руководством ФСБ сюда, в Советскую Республику, для возобновления отношений между нашими странами.

- Что за бред? Это невозможно! Переход между мирами закрылся больше полутора десятков лет назад!

- Майор, пошли пару бойцов вдоль железнодорожных путей напротив колонны подбитых мной машин, и они принесут тебе девятнадцать гильз от использованных мной патронов. Почитай, что на их донышках написано. Там нет мин, даю тебе слово офицера.

- Не тяни резину, Колесов. Что тебе нужно?

- Мне нужно, чтобы ты не лез к Лаборатории.

- Ну, так попытайся нас остановить! – заржал командир колонны.
- Так ведь уже остановил! Сколько времени ты стоишь на месте? И ведь самое серьёзное, с чем ты столкнулся, была мина с ослабленным зарядом, на которой ты «бардак» угробил.
- Как остановились, так и дальше пойдём!
- С двумя оставшимися бронетранспортёрами и сотней перепуганных пацанов? Остановись, майор. На подходах к Лаборатории будут уже не пукалки из взрывпакетов, что мы заложили, чтобы не убивать мальчишек, а реальные минные поля. Правда, твои бэтры до них не доедут. Так что ребятам придётся идти на мины под пулемётным огнём без какой-либо поддержки. Не лезь к Лаборатории, и не будет на твоих руках крови твоих же солдат!
- На твоих руках – уже их кровь. Девять человек я уже отправил в госпиталь! И не надо меня пугать! Если бы ты хоть что-то мог, ты бы не прятался, а уже давно воевал. Слышишь, псевдо-майор?
- Не хами! У нас с тобой разные задачи. Твоя задача – любой ценой разрушить Лабораторию, чтобы не допустить восстановления связи Республики с Большой Землёй. Добиться, чтобы Советская Республика без этой связи деградировала до уровня девятнадцатого века. Моя – не допустить разрушения и по возможности минимизировать потери. Ты расслышал? По возможности. И если бы мне нужно было уничтожить вас всех, я бы не по двигателям стрелял, а выпустил бы очередь из автомата в один из «сто тридцатых», гружённых взрывчаткой. Кстати, ещё не поздно...
- Что не поздно?
- Один из Зил-130 со взрывчаткой расстрелять. Поэтому я тебе и говорю: не суйся к Лаборатории, а сиди там, где сидишь. Конец связи!

Татарин, внимательно слушавший наш разговор, признал моего собеседника:

- Майор Симоненко, центральный аппарат СГБ... Смотри-ка! Всё-таки послал он бойцов на насыпь к твоей лёжке!
- Пусть сходят! Заодно и газетку читают.
- Какую газетку?
- «Огни Магнитки», пятничный спецвыпуск, - улыбнулся я. - Я думаю, бойцам будет интересно ознакомиться...

Капитан понимающе кивнул:

- Разумно! И как я до такого не додумался? У тебя ещё эти газеты есть?
- Штук пять экземпляров оставалось...
- Жаль! Было бы хотя бы с полсотни... Чёрт! Дождался-таки Симоненко подкрепления. Джавдет, давай-ка перебросим «Урал» в холмы. Задницей чую, они сейчас ломанутся вдоль дороги! Если убрать не успеем, его из КПВТ даже за два километра сожгут. А нам бэтээры остановить нечем.

На шоссе действительно появилась ещё одна колонна. Кроме бронетранспортёров и тентованных армейских грузовиков, в бинокль были видны знакомые силуэты «Градов». Но колонна встала, не доехав до машин, неподвижных после моей диверсии: Симоненко поднял в эфире подлинную истерику, прислушавшись к моему предупреждению о возможности подрыва грузовиков со взрывчаткой. Вместо того чтобы двигаться по шоссе, колонна сползла с асфальта, рассредоточилась и потянулась по перелескам в сторону ручья, не приближаясь к дороге ближе, чем на пару сотен метров. А майор помчался к переправе, возле которой и встретился с командирами прибывшего подкрепления.

Это уже была солидная сила: пара БРДМ-2, три БТР-60 и пять «семидесятых», включая пару оставшихся при Симоненко, два «Града», шесть гаубиц и до трёх рот пехоты. Если напорются на нас, то куда только наши клочки полетят!

Пока шло офицерское совещание, от железнодорожной насыпи притопали бойцы, ползавшие вокруг моей лёжки в поисках отстрелянных гильз. По тому, что офицеры теперь что-то усердно разглядывали, я понял: гильзы пошли по рукам. Давайте, давайте, мужички! Вам, как профессионалам, они много чего расскажут! А вот и газетка кому-то в руки попала!

Симоненко тут же попытался её спрятать, но на него, похоже, наехали только что прибывшие. Газету майор всё-таки отобрал, однако, выступление Воздвиженского офицеры прочесть успели, и теперь эсгэбэшник яростно размахивал руками, что-то им доказывая.

Накачка вроде бы закончилась, и офицеры разошлись по подразделениям. А вскоре маленькая колонна в составе двух бронетранспортёров и одной БРДМ одолела брод и выползла на шоссе. Следом за ними потянулась «безлошадная» пехота, оставив возле подбитых грузовиков целый взвод. Видимо, для охраны.

Дозорная группа через пять минут доложила, что дорога свободна, и к переправе двинулась оставшаяся техника. Теперь настало время для работы капитана Ахметова.

Свиста первой мины из-за работающих двигателей никто не услышал. Да и на её разрыв не сразу отреагировали. А спустя пятнадцать секунд (после двух корректировок Татарина), передовой «Град» получил свою россыпь осколков и заглох. Ещё шесть мин, и пылают уже обе БМ-21. Что, собственно, и требовалось сделать.

Водитель транспортной машины, перевозящей боекомплект для «Градов», поступил абсолютно правильно: врубил заднюю передачу и попытался отъехать подальше от разрывов 82-мм мин. При этом врезался задком в прицепленную к Зил-157 гаубицу. Но ракеты и свою жизнь спас.

Народ разбегается от горящих пусковых установок в разные стороны, ожидая начала взрывов боекомплекта, хотя «Грады» ради безопасности не заряжают ракетами во время марша. Но кто об этом думает в тот момент, когда обе грозные установки охвачены пламенем? Мины уже давно прекратили рваться, поскольку наш боекомплект тоже не бесконечен, а уцелевшие машины продолжают расползаться подальше друг от друга.

Что творится сейчас в эфире, мне просто не воспроизвести: ор, мат, вопли Симоненко, пытающегося навести порядок и остановить беглецов. Откликнулся и развед-дозор, готовый вернуться и помочь огнём. Кого они атаковать собираются? Миномёт, скорее всего, уже забросили в наш «Урал», и тот уходит подальше от позиции, с которой вёл обстрел переправы.

Вношу свою лепту в сумятицу, заорав в микрофон паническим голосом, что стоящие на шоссе грузовики обстреливают из пулемёта из-за железной дороги.

- Всем в укрытие! Там несколько тонн взрывчатки! Сейчас рванёт!

Два БТР, выскочив на автодорогу, разносят в хлам рельсы и шпалы: видно, кому-то после моих слов действительно померещилось какое-то движение на железнодорожной насыпи. Бедлам!

Неприятно, что появились первые убитые. Их четверо, сложенных в рядок на полянке и накрытых куском брезента. Ещё семерых забинтованных грузят в освобождённый от снарядных ящиков кузов «стопятьдесятседьмого», чтобы отвезти в город. Того самого, к которому была прицеплена гаубица, повреждённая машиной, перевозившей градовские ракеты.

Рота, перебравшаяся через ручей и повзводно топающая в горку по шоссе, тоже рассыпалась. Молодцы командиры! Нет лучшей цели для миномёта, чем плотный пехотный строй. Хотя это они в военном училище усвоили! Но что делать дальше – двигаться вперёд или возвращаться – они не знают. Может, помочь им принять решение? Радистов со станциями Р-105 на загорбке хорошо в бинокль видно. Как там фамилия ротного?

- Пехота, мать вашу! Леухина мне! Срочно!

Через минуту в динамике «ходи-болтайки» слышен запыхавшийся голос:

- Пассат-два-один на связи!

Понятно с ними. «Буря» это броня, «Пассат» – пехота. Интересно, какие позывные будут у артиллерии?

- Леухин, чего твои бойцы разбрелись? Ты что, не видишь, что творится? Нас из-за железнодорожной насыпи обстреливают! Разверни роту в цепь и прочеши каждый кустик на ближайших холмах за железной дорогой.

- Есть! Чей это приказ?

- Ты что, Леухин, совсем нюх потерял? Уже командиров не узнаёшь? Буря-один на связи! Вперёд, я сказал! И частоту связи поменяй на 38,5: в этом бардаке с тобой связаться невозможно!

- Есть перейти на запасную частоту!

- Конец связи!

Думаю, когда Симоненко обратит внимание, что пехота исчезла, он обрадуется такому сюрпризу. Страна непуганых идиотов, блин! Вот что значит армия без потенциального противника: никому даже в голову не пришло, что кто-нибудь может отдавать ложные приказы по радио. Хотя кто-то из них про карточки кодированных сообщений слышал?

- Ну, ты и нахал! – восхищённо качает головой Ахметов. – Что дальше будем делать? Ещё здесь поторчим или будем к нашим уходить?

- А давай поторчим! Надо же выяснить, что Симоненко предпримет.

Как я и предвидел, майор далеко не сразу заметил исчезновение роты пехотинцев. Ему было просто не до неё: «Грады» сгорели перед самым бродом, и их требовалось утащить в сторону, чтобы освободить путь на другой берег. Этим он и озаботился после того, как отправил в город

грузовик с убитыми и ранеными. И лишь после того, как обе обгоревших БМ-21 оттащили в сторону, занялся переправой уцелевшего воинства на правый берег ручья. А поскольку всё-таки опасался нового миномётного обстрела, то решил очистить ближайшие холмы от корректировщиков, ведь было ясно, что миномётчики работали с закрытой позиции. Тут бы ему и пригодилась пехота Леухина, которой на месте не оказалось, и на вызовы по радио рота не откликнулась. Да и не могла откликнуться после моего приказа поменять частоту!

Рота сейчас штурмовала очередной холм уже на левом берегу ручья, поскольку я её успел перенаправить туда после «зачистки» правого берега. Фигурки солдат, движущихся цепью в сторону Советска, мелькали временами сквозь кусты, но надо было знать, где их высматривать...

Однако и нам пора было «делать ноги»! Сил у Симоненко вполне достаточно, чтобы прочесать окрестности и без роты Леухина, а попадать «под замес» нам с Татаринцом и Помором не очень-то хотелось. Поэтому, оставив ещё один номер «Огней Магнитки» в нашем окопчике, и двинулись по кустам в сторону гребня холма.

Окрестности Лаборатории № 1, 36 год, 10 июля, воскресенье, 03:15

Ночь коротка, спят облака ...

Мы вовремя ушли от ручья. Симоненко хоть и задержался, дожидаясь, пока вернётся намотавшая несколько километров по пересечённой местности рота Леухина, но намерений обезопасить себя от наших диверсий не бросил. И первым делом послал людей прочесать наш холм.

Нашлись не только наши окопчики, но и позиция миномётчиков, где мужики, не заморачиваясь, бросили пустые ящики из-под мин. Вот по следу «Урала» два бэтэера и кинулись вдогонку. Прямо от миномётной позиции. И кисло пришлось бы нашим, не установи они в узком месте мину. Итог – ещё двое раненых и вышедший из строя бронетранспортёр. А ещё отучили кое-кого гоняться за нами.

В итоге до примеченной Ахметовым площадки колонна Симоненко добралась лишь к вечеру. Об обстреле Точки Перехода уже речи не шло, поскольку надо было организовать огневую позицию, выставить охранение, выслать корректировщиков огня. Да и солдаты с ног валились без еды.

Пока мы с Татаринцом и Помором отсыпались, вернулись Сармат, Якут и Рыжий, слегка пошалившие возле оставленных на дороге подбитых машин. Просто уволокли командира взвода, который после непродолжительной душевной беседы организовал выгрузку взрывчатки из грузовиков в укромное место, усадил, сколько мог, людей внутрь и на броню известного уже мне бронетранспортёра с бортовым номером 112 и отправил вместе с диверсантами к нашей, заранее обозначенной, точке сбора. Вторым рейсом Якут привёз оставшихся.

Когда мы проснулись, Кирикарров уже беседовал с капитаном Леухиным. Его выманил за линию оцепления этот самый командир взвода по фамилии Невраев.

- А вот и тот самый «майор Симоненко», который тебя по холмам гонял! Познакомься, Николай, с командиром роты, которого ты крупно подставил.

Леухин, крепко сбитый мужчина моего возраста, среднего роста, с квадратным лицом, с любопытством покосился на мой камуфляж и непривычное ему оружие.

- С майором всё верно, а вот фамилия моя Колесов. Надеюсь, не обиделся за то, что я тебя с твоими людьми только вымотал, а не на какое-нибудь минное поле отправил? – протянул я руку.

- Почти нет, - улыбнулся капитан, пожимая её. - Но если бы ты мне попался после того, как я взбучку от настоящего Симоненко получил, убил бы на месте!

- Майор – тот самый посланец с Большой Земли, о котором вам Симоненко запрещает даже упоминать.

- И как там теперь?

- По-разному. Что-то лучше, что-то хуже, чем здесь. Тебе газетку давали читать? Там полковник Данилов давал историко-политический обзор того, что произошло после закрытия Перехода.

- Речь генерала мы прочитали, но Симоненко сказал, что это фальшивка. Офицеры сомневаются, не знают чему верить.

- И даже мои гильзы не убедили?

- Гильзы тоже можно подделать...

- Ну, тогда вот тебе последний патрон из магазина, который я расстрелял по вашим грузовикам. Вот из этой машинки, - похлопал я по болтающемуся на боку «Валу». – Если и это не убедит, то могу дать посмотреть рацию, через которую я тебе команды отдавал.

Леухин долго вертел в руках приборчик, разглядывая его при свете луны.

- Да я-то верю после разговора с Кирикаровым. Я его как честного человека знаю, он врать не будет. Просто интересно...

- Павел Стиллианович, ты уже о чём-то договорился с капитаном?

- Договорился. Ты говорил, что у тебя несколько газет оставалось? Отдал бы парочку Виталию, пусть с мужиками почитают.

Я достал из кармана разгрузки оставшиеся четыре экземпляра.

Когда Сармат ушёл проводить Леухина, я задал Джавдету вопрос, который меня беспокоил уже вторую ночь.

- Слушай, пока я на «американском» континенте жил, усвоил правило: если высунуться ночью на природу, то с вероятностью 90% тебя кто-нибудь сожрёт. Здесь мы вторую ночь по лесам-полям бегаем, и всё нормально. Это отчего?

- В основном потому, что в здешних краях зверьё повыбили. Хотя, говорят, и изначально было не очень-то опасно. Хищников не так уж много было, да и оно быстро сообразило, что с людьми лучше не связываться. В Загорье, там, где тайга, сколько угодно случаев, когда люди даже днём погибают. А здесь и в Лукоморье всё намного лучше. У нас даже в последние годы туристы появились. Сам понимаешь, было бы это смертельно опасно, никто бы не стал по местным горам и лесам шляться.

Какие бы договорённости ни существовали у Джавдета с Леухиным, обезопасить Точку Перехода от разрушения следовало. Именно поэтому Чёрный, Якут и Серый отправились к месту, куда ещё в сумерках ушла пара артиллеристов-корректировщиков под охраной пятерых солдат. На вид – не каких-нибудь призывников, а натасканных спецов-контрактников. Задача у нашей тройки была предельно простая: нейтрализовать охрану и захватить корректировщиков.

Ага, простая! Подкрасться к замаскировавшейся вооружённой охране и бесшумно снять её. Желательно – без трупов. После чего скрутить и артиллеристов. Впрочем, чем мог, тем я им помог, отдав свой ноктовизор.

Прибор привёл Чёрного, обычно сдержанного и даже флегматичного, в восторг. На радостях он даже подбил камешком любопытную кроликоподобную зверушку, разглядывавшую нас из-под куста. Сопровождал диверсантов Татарин, на которого, если дело всё-таки дойдёт до артобстрела, ляжет задача так корректировать огонь, чтобы ни одно здание Лаборатории не пострадало.

Нам пришлось ждать полтора часа, пока Якут с Чёрным привели пятерых связанных солдат и одного из корректировщиков, забрав назад пятёрку бойцов из взвода Невраева.

До рассвета оставалось чуть больше часа, пришло и наше время действовать.

На часового вышли целенаправленно. Обменявшись паролем и отзывом, которые сообщил Джавдету Леухин, и прошли в лагерь, где в заранее обусловленном месте опознали с капитаном. Тот повёл нас к палатке Симоненко.

Я с ноктовизором и «Валом» остался на подстраховке, а Сармат и Рыжий заняли исходные позиции.

- Товарищ майор! Товарищ майор!

- Кто там ещё?

- Дежурный офицер. Товарищ майор, наблюдатель-корректировщик просит вас срочно к рации. У них там, в Лаборатории, что-то непонятное происходит.

- Сейчас иду! – недовольно пробурчал эсгэбэшник.

Спустя секунд пятнадцать его голова появилась в проёме палатки. Что делать дальше, Рыжий с Сарматом прекрасно знали. Я лишь следил, чтобы их тихая возня не имела более громкого продолжения. Например, в виде автоматной стрельбы.

А вот выносить бессознательного Симоненко из лагеря пришлось в обход постов. И таким же манером немного позже, вместе с Кирикаровым, возвращаться в штабную палатку, где Леухин уже должен был собрать всех офицеров.

Окрестности Лаборатории № 1, 36 год, 10 июля, воскресенье, 11:30

Если основная масса офицеров спокойно отнеслась к нашему с Кирикаровым появлению в лагере войск, направленных для уничтожения Точки Перехода, то ротный, потерявший ранеными и обожжёнными восемь человек, и командир батареи, люди которого погибли при миномётном обстреле, восприняли наш приход как личное оскорбление. И именно они громче и яростнее всех выступали против выхода сводного отряда из подчинения Советску.

Что хорошо, никто их собравшихся не возражал, что разрушение Лаборатории № 1 является преступлением.

- Но мы офицеры, военные, и значит, должны выполнять приказы командования, а не оспаривать их.

- Капитан, а какой вы приказ хотите выполнять? Как вам его сформулировал человек, пославший вашу батарею сюда? – флегматично спросил Джавдет.

- Поддержать огнём пехоту во время штурма укрепленных позиций. Если прикажет командир тактической группы, уничтожить обозначенные им здания и сооружения.

- Товарищи офицеры, у кого-либо из вас есть приказ о штурме каких-либо укрепленных позиций? Нет такого приказа? Значит, одна задача перед вами, капитан, уже не стоит. Командир группы указывал вам, какие здания и сооружения вы должны уничтожить?

- Нет, - помявшись, выдал из себя командир батареи. – Но это не значит, что он его не отдаст!

- Как раз значит! Майор Симоненко, который был командиром вашей тактической группы, в настоящее время арестован спецподразделением Службы госбезопасности за отдачу преступных приказов, поведших к человеческим жертвам. Что в Уставе написано о том, кто принимает командование подразделением в случае невозможности командира исполнять свои обязанности? Напоминаю: старший по званию, если нет приказа о назначении кого-либо другого. Насколько мне известно, Симоненко не отдавал такого приказа. Или у кого-нибудь есть другие сведения?

Офицеры молчали, переглядываясь.

- Среди присутствующих четыре лейтенанта, пять старших лейтенантов, четыре капитана. Если считать нас с Колесовым, то два майора. Правда, Колесов не состоит на службе в Советской Республике, он к нам только прикомандирован от Федеральной Службы безопасности Российской Федерации, но добровольно, как союзник нашего государства, помогает нам сохранить Точку Перехода для народа Республики. Какие будут предложения по кандидатуре командира?

- Но ваше подразделение, товарищ майор, не входит в состав тактической группы! – подал голос и строптивый ротный, невольно выразив то, что вертелось на языке у других.

- Если нет возражений против её вхождения, то готов ввести её.

Офицеры зашумели, и Леухин выразил мнение если не всех, то подавляющего большинства:

- Нет возражений!

- Тогда, как старший по званию, принимаю командование группой на себя. Первым своим приказом назначаю заместителей командира, поскольку майор Симоненко, насколько мне известно, таких назначений не делал. Первый заместитель – капитан Леухин. По докладам моих подчинённых, он проявил себя грамотным командиром как во время столкновений у переправы, так и при прочёсывании местности. А выводы из того, как не нужно действовать в условиях возможной радиоборьбы, надеюсь, он уже сделал.

Дружный смех заставил капитана покраснеть, но он встал с места и отчеканил:

- Есть.

- Вам, Виталий Игоревич, проработать ваши ошибки поможет мой помощник по особым поручениям майор Колесов. Сам дурил людей, пусть сам и подсказывает, как от таких дурилок обезопаситься.

- Есть.

- Заместитель по вопросам безопасности – капитан Ахметов. Он сейчас находится на артиллерийском наблюдательном пункте. Вместо ваших наблюдателей-корректировщиков, капитан Кузнецов.

Офицеры снова зашумели. На этот раз удивлённо.

- Вы же, капитан Кузнецов, назначаетесь моим заместителем по артиллерии.

- Есть. Разрешите вопрос?

- Да, капитан.

- А что с моими людьми с наблюдательного пункта?

- С ними всё в порядке. Отдыхают. Кое-кто чуть помят, но не настолько, чтобы не мог нести службу. Как только закончим совещание, майор Колесов свяжется с лагерем моей группы, и их вам доставят. Пароли и отзывы, чтобы пройти посты, наши люди знают.

Товарищи офицеры, на этом с назначениями закончим. Подъём личного состава – через час. В 7:00 общее построение. Часовых к построению снять, пусть стоят в общем строю. Во время построения сообщу о наших дальнейших действиях.

Симоненко, от греха подальше, отвезли в Лабораторию, где сдали под охрану людям Васенко. Сопровождавший его Ахметов вернулся какой-то загадочный. Я в это время выпустил на перекур из штабной палатки радистов, которым вдалбливал азы безопасности радиосвязи. На мой вопрос, как там дела, Татарин лишь махнул рукой:

- Потом расскажу!

И умчался в сторону маячащего возле артпозиции Кирикарова.

Продолжить занятия не удалось, поскольку Джавдет снова собирал своих заместителей и командиров рот. Тем не менее, составить переговорную таблицу мои подопечные успели, и теперь отправились рисовать её на карточках, отныне обязательных для каждой радиостанции.

Новости, привезённые Ахметовым, оказались весьма неплохими. Во-первых, флот полностью вышел из подчинения заговорщиков, а его командующий, чтобы избежать позора, застрелился в своём кабинете. Во-вторых, группа сотрудников СГБ захватила в Советске радиоцентр и запустила трансляцию по всем трём каналам проводного вещания заявления Воздвиженского, моего интервью и обращения участников ночного совещания в Золотом. В ответ на это министр внутренних дел организовал штурм радиоцентра, возле которого разгорелся настоящий бой. В-третьих, жители Советска вышли на митинг к зданию Верховного Совета с требованием отставки его председателя, главы правительства и министра внутренних дел. На момент разговора Ахметова с Воздвиженским генерал собирался поездом выезжать в Советск в

сопровождении сводного батальона Верхоречья и Золотого. Нам следовало, переправив артиллерию на охраняемую территорию Лаборатории, выдвигаться к окраинам Советска. Любое движение в сторону Точки Перехода, как по шоссе, так и по железной дороге, немедленно пресекать, транспорт и людей задерживать.

Советск, 36 год, 10 июля, воскресенье, 14:10

«Безлошадную» роту Леухина пересадили на вернувшиеся от Васенко артиллерийские тягачи. Наша группа, громко названная мной «Вымпел» (афганцам название очень польстило, и они теперь тешили своё самолюбие тем, что вроде бы тоже причастны к знаменитому спецназу, участвовавшему в штурме дворца Амина), с позволения Кирикорова «отжала» БТР с номером 112. Оставив, правда, прежнего механика-водителя и пополнив экипаж парой бойцов, сопровождавших корректировщика: Якуту с Сарматом они понравились, и десантники замолвили за них передо мной словечко. И я теперь командовал этой группой, поскольку Джавдет с Татаринцом, как командир тактической группы и особист, ехали на паре БРДМ.

Тупо напролом, как это делал Симоненко, мы уже не пёрли. Всё было по правилам: передовой дозор, боковое охранение, арьергард. Поэтому и добирались до города целый час.

Ну, не только поэтому. Немного не доезжая выемки, взрыв в которой задержал колонну Симоненко, передовой дозор перехватил БРДМ с посыльным к майору. Как выяснилось, так называемый «и.о. начальника СГБ» метал молнии, требуя немедленного уничтожения Точки Перехода любой ценой. Посыльный в звании подполковника имел полномочия отстранить Симоненко от командования, если тот не справляется, и самому завершить операцию. Конечный срок доклада об исполнении – сегодня в восемнадцать.

- Вот и отлично! – резюмировал Джавдет после того, как арестованного и связанного подполковника впихнули в кузов одного из грузовиков. – У нас ещё шесть часов в запасе, чтобы сделать в городе всё, что от нас потребуется.

- Думаешь, что-то потребуется?

- А ты, Николай, считаешь, что нас и сводный батальон Загорья выдернули в столицу, чтобы издалека полюбоваться на трубы промышленных предприятий? Там, между прочим, в радиоцентре сегодня с утра уже шёл бой... Всё, дуй к своему «бэтру», трогаться пора.

Полумиллионный Советск, широко раскинувшийся по холмам между реками Белая и Каменка, вряд ли возможно целиком окинуть взглядом. Разве что, с неиспользуемой ныне по прямому назначению телевышки... Той самой, у подножия которой дымилось здание бывшего телецентра, переоборудованного после смерти телевидения в радиоцентр.

Мы втянулись с шоссе на городскую улицу и встали. Сидя в командирском люке, я видел, как Татарин, соскочив с брони БРДМ, умчался в магазинчик, напротив которого и остановилась голова колонны. Минут через двадцать к магазину подкатила потрёпанная «Нива» (ну нет здесь непотрёпанных легковушек!), водитель которой подошёл к командирским машинам. А вскоре Кирикоров потребовал от всех офицеров прибыть к своему «бардаку».

- Докладывайте, Рашид Валеевич! – передал он слово Ахметову.

- Обстановка следующая, товарищи. Радиоцентр, транслировавший заявление Воздвиженского, захвачен в результате штурма. Милиция стягивает силы к площади перед Верховным Советом,

где идёт стихийный митинг. Город патрулируется группами солдат из батальонов самообороны. Солдаты пока без оружия.

Утром из Золотого вышел поезд со сводным батальоном этого города и Верхоречья. Но его прибытие ожидается где-то к семнадцати часам. До этого времени многое может измениться, поскольку горячие головы в МВД и поддержавшее заговор ближайшее окружение первого заместителя главы СГБ полковника Сквирчевского требуют разогнать митинг и начать аресты тех, кто выступает против них. Предполагается вооружить солдат и использовать их при разгоне митинга. Поэтому нам придётся действовать не во взаимодействии с батальоном, который едет вместе с генералом Воздвиженским, а самостоятельно.

Товарищ майор, командуйте!

- Во-первых, все БТР и БРДМ выделяются в отдельный отряд, общее руководство которым я беру на себя. Капитан Леухин, капитан Акопов! Вы берёте все грузовики с солдатами и направляетесь в расположение своих батальонов. Ваша задача - нейтрализовать командование батальонов. Предлагаю командиру батальона выйти из подчинения заговорщиков в связи со складывающимися обстоятельствами. Информацию о подходе сводного батальона разглашать можно, а о том, что он прибывает поездом - ни в коем случае. Если командир даёт согласие, передаёте ему приказ Воздвиженского занять оборону на территории воинской части. Если не соглашается, то арестовываете его и тех офицеров, которые его поддержали, берёте командование на себя, вскрываете оружейные комнаты, вооружаете солдат, находящихся в расположении, и тоже занимаете оборону. Возвращающиеся в часть патрули пропускаете, но не выпускаете. Огонь на поражение открывать только в самом крайнем случае, когда его открыли по вам.

- Товарищи! - вмешался подъехавший на «Ниве». - Для того чтобы различать своих и чужих в случае боестолкновений, необходимы отличительные знаки. Самое простое - это повязка из синей изоленты на левом и правом плече. Я привёз с собой пол-ящика изоленты, разберите, пожалуйста. Ну и на бронетехнику неплохо было бы такие полосы нанести...

- Леухин, Акопов! Доклад по радио на общей частоте тактической группы кодированными сообщениями. Код «семьдесят семь», если всё прошло успешно, код «девятьно девять» - если неудачно. При неудаче отходите и прорываетесь к вокзалу. Там вас опознают по повязкам. Всё, товарищи, можете выдвигаться, как только сделаете повязки.

- А теперь наша задача, - продолжил майор, когда оба капитана ушли к своим солдатам. - Самая сложная. Мы штурмуем здание СГБ. Задача упрощается тем, что сегодня выходной, и в здании очень мало людей. Но не следует забывать, что там все - кадровые офицеры, а у нас, кроме группы «Вымпел», простые солдаты-срочники. Поэтому мы можем надеяться только на наглость.

- Товарищ майор, а почему именно СГБ? - вмешался капитан Серкизов, чья рота прибыла к Симоненко последней, вместе с артиллерией.

Вместо Джавдета ответил наш то ли связной, то ли куратор.

- Потому что у нас есть сведения, что штаб заговорщиков именно в здании Службы. По крайней мере, час назад именно там проходило их совещание. При этом часть сотрудников центрального аппарата СГБ поддерживает генерала Воздвиженского. Как я, например. И не только не будет противодействовать захвату, но и, при возможности, поможет. Они знают про наши опознавательные знаки и, если получится, сами прикрепят такие же. Поэтому прошу

предупредить бойцов, чтобы не стреляли в таких людей. Ваша... Нет, наша задача – молниеносно захватить здание, обезвредить находящихся в нём людей и оборонять его до подхода батальона из Загорья.

Связной покосился на мои пистолеты.

- Это у вас ПС или АПБ?

- АПБ. Глушитель к нему тоже есть.

- Отлично! Ещё у кого-нибудь такие имеются?

- Да, в группе ещё два. И вот это, - похлопал я по «Валу».

- А что это?

- Бесшумный автомат «Вал» с оптическим прицелом.

- Так вы и есть...

- Майор Колесов! – представил меня Кирикаргов. – Его автомат уже зарекомендовал себя: девятнадцать выстрелов с двухсот метров, и никто не услышал.

- Неужели совсем бесшумный?

- Практически да. Если не считать звука лязганья затвора, как у обычного автомата.

- Тогда пойдём втроем: я, капитан Ахметов и вы. И... не могли бы вы нас с ним вооружить бесшумными пистолетами?

Чёрный и Сармат были очень недовольны тем, что я отобрал у них АПБ. Смягчились лишь после того, как вместо них вручил им обычные «Стечкины» Татарина и капитана Строкова.

До здания СГБ мы ехали на «Ниве» Строкова, и я успел посмотреть на Советск. Что о нём можно сказать? Доводилось вам когда-нибудь бывать, скажем, в Курске? Вот уберите из ваших воспоминаний здания, построенные раньше Великой Отечественной, и церкви, и будет то же самое. И по площади, и по численности населения, и по архитектуре. Трёх-четырёхэтажные «хрущёвки», немного «сталинского ампира» в центре, огромные куски одно-двухэтажного частного сектора, двухэтажки пятидесятых годов с малогабаритными квартирами, вдалеке – район панельных девятиэтажек, разбавленных кирпичными «свечками». Чисто, аккуратно, много зелени...

Кстати, соврал я, когда говорил, что нет здесь непотрёпанных машин! Во дворе здания СГБ, куда смело въехал Строков, стояли две сверкающие чёрные «Волги». Одна – ГАЗ-24, а другая – охренеть! – ГАЗ-3102. Блин, да их же до закрытия Перехода в 1982 году было выпущено всего несколько десятков! В этой редкой даже для Старой Земли машине на переднем сиденье дремал водитель.

- Отлично! – остался доволен капитан. – Минимум двое из четверых здесь!

Мы вышли из машины, и Строков уверенно зашагал ко входной двери, оказавшейся незакрытой. Он и Ахметов сунули в нос дежурному за перегородкой удостоверение.

- Этот с нами! – повелительным тоном сообщил Строков.

- Хорошо. Только записать надо.

- Ну, так записывай!

Дежурный в форме прапорщика наклонился, чтобы выбрать нужный журнал учёта, и в этот момент получил удар рукояткой пистолета по затылку. Оба капитана быстро примотали изолентой отключившегося дежурного к стулу, не забыв заткнуть ему рот скомканным форменным галстуком.

- Саш, давай стул подальше отодвинем, чтобы до тревожной кнопки не дотянулся, когда очухается! – шёпотом предложил Татарин.

После яркого солнечного дня в коридоре первого этажа, куда мы шагнули из тамбура с «отдыхающим» дежурным, было сумрачно.

- Казымов, тебя опять на выходной выдернули?

- Так точно, товарищ капитан! Вам ключ от вашего кабинета?

- Ну не от генеральского же! – засмеялся Александр.

- Держите! Только... вашему сопровождающему надо бы автомат в камеру хранения сдать.

- Блин, Казымов! Что ты за зануда? Как будто не знаешь, что в городе творится!

- Знаю, Александр Фёдорович! Да только порядок – есть порядок. Вот ключик от свободной ячейки.

Строков взял ключ и принялся ковыряться им в замке.

- Слушай, что-то не открывается! Помоги: я сегодня нервный какой-то, а у тебя лучше получается.

Казымов опасливо глянул на лестницу, ведущую на второй этаж, но выскочил из своей каморки, где он сторожил узкий проход от центрального входа.

- Вот и молодец! – промурлыкал Строков, вжимая глушитель АПБ в живот нарушившему инструкцию дежурному. – Если не начнёшь шуметь, то останешься жив. Открывай центральный вход! Только бежать не вздумай – умрёшь уставшим!

- Да вы что, товарищ капитан?!

- Помолчи, Казымов. Рашид, разблокируй вертушку! Там педаль внизу!

Снова удар в затылок, и прапорщик, вставивший ключ в замок наружной двери, валится на пол прямо в тамбуре. Щелчок замка, и полумрак тамбура пререзает узкая полоска света.

- Николай, сигнал! И предупреди про водителя в «Волге».

Два коротких нажатия на тангенту, пауза, ещё два коротких нажатия.

- Якут, в «Волге» водитель. Обезвредишь!

В ответ три коротких щелчка из динамика. А мы держим под прицелом обе стороны коридора и лестничную площадку. Через две минуты «ходи-болтайка» сообщает:

- Вхожу!

Дверь в коридор со стороны двора аккуратно приоткрылась, и в неё просочился, если можно так сказать о верзиле под метр девяносто, Якут. Ахметов машет ему рукой, и все девять членов группы «Вымпел», тихонько ступая, оказываются в коридоре. Теперь снова сигналю: два длинных нажатия на тангенту отзываются тремя короткими щелчками в динамике. Понеслось! Пока «вымпеловцы» крадутся по лестнице на второй этаж, у центрального входа тормозят два бронетранспортёра, и солдаты, как бешеные слоны, едва не затоптав связанного Казымова, врываются в холл.

Строков уже распоряжается из будочки дежурного, посмотрев, каких ключей от кабинетов не хватает на доске для их хранения:

- Первый этаж - кабинеты 102, 107 и 113! Вперёд! Второй этаж - 204, 205, 209 и 212. Не забудьте после всего этого туалеты проверить! Лейтенант, ты командуешь на первом, Рашид, ты на втором! Мы с Николаем и «Вымпелом» на третий.

Мы не успеваем взлететь по лестнице на последний, третий этаж, как внизу оглушительно грохочет пушечный выстрел. А следом, ещё громче, короткая автоматная очередь. Чёрт возьми! Какая уж теперь скрытность? Воевать надо!

Здание, такое молчаливое, сразу наполняется звуками: топот ног, крики, удары прикладами в двери, выстрелы. Строков ныряет рыбка в коридор, целясь из АПБ в один конец коридора. Я повторяю его манёвр, направляя в противоположный «Вал». За спиной пара негромких хлопков «бесшумного» пистолета, грохот выстрела «Стечкина», ещё один хлопок, и слышится стук падающего тела. Массивные двери в торце коридора распахиваются, и из них выскакивают двое в штатском с пистолетами. «Вал» дважды лязгнул затвором. Вот что значит высокое останавливающее действие пули и длинная линия прицеливания!

- Брось оружие! На пол! - командует капитан следующему, выскочившему в коридор у меня за спиной.

Его пуля с треском пробивает дверь.

- На пол, я сказал!

С моей стороны тоже кто-то аккуратно пытается приоткрыть дверь по левой стороне коридора, и шестнадцатиграммовая пуля «Вала», выбивая из двери щепки, доступно объясняет, что этого делать не следует.

На первом этаже настоящая перестрелка, и Якут, Помор и Серый скатываются вниз по лестнице на подмогу. А мы со Строковым снова ждём, не выскочит ли кто в коридор.

Дверь в приёмную по-прежнему открыта, там тихо, но спинным мозгом чувствую, что помещение не пустое. Точно! Телефонный звонок, и приглушённый голос отвечает:

- Не знаю, товарищ полковник... Нет... Не знаю... Стреляют... Не выходите, они в коридоре!

- Слышь, секретарь! - подаю голос я. - Лучше будет, если всё-таки выйдут. И ты тоже. С поднятыми руками! Хоть гарантия будет, что в горячке не пристрелим!

В ответ тишина, в которой явственно слышно лязганье передёргиваемого пистолетного затвора.

- Чёрный, шарахни туда из подствольника!

Разрыв ВОГ-25 в закрытом помещении бьёт по перепонкам! Но куда хуже секретарю, которого, судя по стонам, зацепило осколками.

В коридор по отмашке Строкова врываются Рыжий, Чёрный и Сармат.

- Чёрный, Сармат! Ваш кабинет 301. Рыжий, наш с тобой 306. Колун - прикрываешь!

В триста первом - человек с повязкой из синей изоленты. В триста шестом полковник сдаёт табельное оружие и спокойно позволяет себя связать.

- Вяжи, Строков! Всё равно ненадолго! Я подмогу из МВД уже вызвал.

- Вот и хорошо. Нам работы меньше.

Кажется, на первом этаже стрельба тоже затихла. Зато нам ещё штурмовать приёмную, а потом и кабинет начальника СГБ.

Опыт не пропьёшь! Сармат с перекатом влетает в распахнутую дверь, а следом в неё просовывает ствол Чёрный. Но стрелять не в кого. Секретарь, скорчившись, стонет возле стены, за которой он надеялся спрятаться от пуль. Судя по натёкшей крови, посекло серьёзно. Рыжий берёт капитана в охапку и уносит в кабинет к полковнику. Следом туда вызывает «нашего» из кабинета 301, чтобы тот перевязал парня.

Теперь кабинет начальника Службы. Дверь в тамбур (как объяснил Строков) закрыта изнутри. Но Сармат несколькими короткими очередями «выпиливает» замок. Поддел прикладом АКМС, и дверь распахивается. Вторая дверь тоже заперта. Я молча показываю капитану РГД-5, и он кивает. Разошлись по сторонам от дверей и зажали уши. Я выдернул чеку, положил гранату внутрь тамбура, быстро закрыл дверь и тоже прижал ладони к ушам. Но даже так оглох на несколько секунд! Зато обе двери вылетели. И в кабинете начальника СГБ четверо моих товарищей уже вяжут пребывающих в прострации людей.

Советск, 36 год, 10 июля, воскресенье, 16:40

«Улов» оказался недурным! Полковник Сквирчевский, бывший заместитель Воздвиженского, пытавшийся участием в заговоре занять его место, премьер-министр Соловьёв, уже знакомый мне по острову Тонкий помощник «всесоветского старосты» Павел Васильевич Полпанок, а также замминистра внутренних дел Гращенко. Не считая сотрудников СГБ, оказавшихся в воскресенье на работе.

Захват здания Службы госбезопасности достался дорогой ценой. Трое солдат и командовавший ими лейтенант убиты, ранены восемь, включая Помора с простреленным плечом. Пять трупов и четверо раненых у обороняющихся. Двенадцать пленных, трое перешедших на нашу сторону.

В МВД звонил, похоже, не только полковник, и первый милицейский «бобик» подъехал к Службе, ещё когда на улицу сыпались стёкла, выбитые взрывом ВОГ-25. Но поворота башенки

с КПВТ в его сторону было достаточно, чтобы патруль немедленно ретировался.

Вскоре завывли сирены машин вызванной скорой помощи. Бог ты мой! Санитарки на базе универсала ГАЗ-22 и автобуса КАВЗ с шасси ГАЗ-51. Я такие только в глубоком детстве видел! Два КАВЗ забрали раненых солдат и эсгэбэшников, а доктор, приехавший на санитарной «Волге», проследовал на третий этаж, чтобы осмотреть пленных заговорщиков, у которых после взрыва гранаты из ушей шла кровь, и обработать рану Помора, наотрез отказавшегося от госпитализации.

Джавдет со знанием дела размещал бойцов и бронетехнику для обороны территории.

- Как дела у Леухина с Акоповым? – воспользовавшись случаем, поинтересовался я.

- Нормально. Акопов даже комбата не арестовывал, а Виталию пришлось это сделать. Молодец мужик! И дело знает, и сопли не жуёт!

Если не считать разрыва барабанных перепонок, то захваченные нами в кабинете начальника Службы фактически не пострадали. Ну, гипертонический криз у Полпанка и Соловьёва, ну, пришлось Гращенкова валерьянкой отпаивать. Жить будут! А пока пусть все четверо посидят под охраной солдата за обитой железом дверью кассы. Остальных пленных – в подвал: там пара камер со старых времён сохранилась.

Во дворах противоположной стороны проспекта скапливаются милиционеры с оружием. Мне в прицел «Вала» их хорошо видно.

Строков сидит на телефоне. Солдатские патрули, как он выяснил, отправили вооружаться в расположение батальонов, но оттуда они, скорее всего, уже не вернуться, а митинг под Верховным Советом остался практически без милиции. В генеральском кабинете гуляет ветер из-за выбитых дверей и вылетевших окон, но капитан говорит, что так даже лучше.

- И свежо, и в кои-то веки в кресле начальника Службы посижу! Слушай, позови Кирикарова. Тут министр внутренних дел только что звонил, требует «главаря банды» к телефону для переговоров об освобождении «заложников».

- Сейчас, попробую.

«Уоки-токи» теперь носят Джавдет, я, как командир главной ударной силы, и капитан Серкизов, обороняющий наши тылы. В смысле – подступы со стороны двора.

- Хорошо, - вздыхает Павел, услышав о предстоящих переговорах.

Он поднимается на третий этаж и, пока ждёт звонка министра, задаёт вопрос:

- Слушай, а ты можешь настроиться на милицейскую волну? Неплохо бы знать, что они там затевают.

Ну да. Тангенту нажимать он научился, но единственный продвинутый пользователь здесь всё равно только я.

Обложили нас довольно плотно, поскольку в эфире звучат адреса всех соседних домов. Но пока на штурм не лезут, ждут сигнала. Впрочем, прекрасно осознают, что против брони и крупнокалиберных пулемётов у них шансов нет.

Плохо другое.

- Серёгин, твои снайперы на месте?

- На месте.

- Предупреди, чтобы в первую очередь выбивали офицеров: солдаты без командования сами лапки вверх поднимут!

Интересно, где эти снайперы засели? Так не хочется на крышу карабкаться, где Рыжий залёг! А придётся!

- Тех, кто в генеральском кабинете, тоже снимать?

- Тех в первую очередь. Васильев и генеральский кабинет просматривает?

- Говорит, что хреновенько. Дерево частично обзор перекрывает!

А это уже подсказка, где милицейскую «кукушку» искать.

- Пусть постарается!

Я подобрал в кабинете бумажку, нацарапал на ней карандашом слово «снайпер» и, показав её разговаривающему по телефону Джавдету, ткнул пальцем в окно. После этого, сориентировавшись, про какое дерево говорили по рации, пальцем показал точку, куда можно перебраться майору. Потом присмотрелся, где искать этого снайпера. Теперь можно и к Рыжему топать!

- Тёзка, присмотришь-ка вон к тому дому.

- А что там?

- Твой коллега. И где-то есть ещё. Задание у них – выбить наших командиров.

- Понял. Когда его снять можно будет?

- Сейчас сползаю, выясню, о чём Джавдет с министром договорились, и шумну тебе, если что.

Противник тоже волнуется.

- Когда начнём-то?

- Не терпится, что ли? Министр их главарю пока зубы заговаривает, чтобы солдаты успели подойти. У них, вроде, есть возможность несколько бронетранспортёров подогнать: всё нам помощь.

Ага! Ждите, ждите, ребята! Долго вам ждать придётся! Но нам это только на пользу. Уже два часа прошло, как мы здание СГБ захватили. Нам бы ещё часа полтора протянуть, а там и наши подоспеют!

Так. Джавдет разговор закончил. Передаю ему перехваченную информацию. В том числе – о солдатах, которых ждут для штурма.

- Саша, свяжись с батальонами. Передай приказ не выпускать ни единого человека из

расположения! Кстати, Николай, я Манакову тут про снайперов намекнул. Мол, не дай бог!

- И как?

- «Какой такой павлин-мавлин? Ты же видишь – мы ку-у-ушаем!» - довольно похоже симитировал реплику мультгероя майор.

- Я уже передал Рыжему, где одного снайпера искать. А вот по другому или другим подсказки не было.

- Слушай, убери оттуда Рыжего! Мы про снайперов не знали, его уже могли срисовать, когда он из-за парапета высовывался. Снимут же первым делом! Пусть где-нибудь на третьем этаже место себе подыщет. Хоть у них снайперы и нештатные, но с двухсот метров с оптикой всё равно попадут.

- Павел Стиллианович, достучался я до батальонов. Говорят, звонил генерал Манаков, орал, требовал всех солдат вывести с оружием и бронетехникой в город. Точнее, сюда. Его послали по известному адресу, сославшись на то, что самооборона ему не подчиняется.

Спустя полчаса радиоперехват донёс новую весть: к милиции, заблокировавшей нас в здании СГБ, подходило подкрепление.

- Так это же все штабники! А где солдаты? – удивлялся командир какой-то группы.

- Радуйся, что хоть эти будут! Генерал, говорят, при себе в министерстве человек пять оставил. Даже из вытрезвителя всех под ружьё поставил и к нам отправил. Как начнут прибывать, распределяй их по своим командам.

- Ну, эти навоюют! А солдаты где?

- Не будет солдат! Не дают армейцы.

- Вот суки!

А ведь это шанс! Мы втроём – я, Джавдет и Строков – быстро «перетёрли» вопрос, и спустя пять минут после нашего разговора БТР с номером 112 вылетел из внутреннего двора СГБ и на максимально возможной скорости полетел по пустому проспекту. Разогнав блокирующую улицу группу милиционеров, потаранили корму перегораживавшего дорогу «уазика» и пронеслись дальше, не сворачивая прямо к МВД. А зачем выдавать свои планы противнику? Лучше потерять две минуты, чем нарваться на горячую встречу. По броне хлестнула автоматная очередь какого-то чересчур нервного бойца, но какой вред могут причинить ей пули от АКМС? Лишь пролетев пару кварталов, свернули налево, чтобы подъехать к зданию министерства с противоположной от направления на СГБ стороны.

Тут уже можно было не церемониться! После очереди из КПВТ входная дверь представляла собой ключья, и при прохождении её была лишь одна забота: не пораниться о торчащие щепки. Особенно – памятью о моей только-только зажившей щеке.

В застеклённой будочке дежурного под столом прячется сержант. Зуботычина выводит его из оцепенения, и он охотно рассказывает, где кабинет министра. Но, сучёнок такой, успел-таки нажать на тревожную кнопку. Впрочем, и без неё очередь из крупнокалиберного пулемёта прозвучала куда более убедительно, чем призыв «открывай, Сова! Медведь пришёл».

- Электрозамок выключи! - орёт на сержанта Якут, вошедший в боевой раж.

Магнит на двери-решётке, перекрывающей проход в коридор, отлип, и он проскакивает за неё, а Сармат споро пеленает дежурного изолентой. Всё, можно бежать дальше. Лестница на второй и третий этажи почти в конце коридора. Кабинет министра на третьем, и мы на одном дыхании проскакиваем два с половиной марша. Тут нас ждут.

Грохот выстрелов из «Макарова» в замкнутом пространстве оглушительен. Якут успел проскочить на площадку между этажами и лепит короткую очередь в стреляющего. А я, почувствовав, как обожгло правую лопатку, делаю ещё пару шагов, и чувствую, что перед глазами всё поплыло. Не удержался, упал на колени и уже из последних сил пытаюсь мягко приткнуться локтями к ступенькам, а боком прижаться к стене.

Мимо проносятся ребята, в коридоре третьего этажа снова выстрелы, но я уже слышу их, как через вату. Меня рвёт остатками сжёванных час назад сухарей и желудочным соком. Проклятая индивидуальная реакция на потерю крови!

Первый раз, когда такое случилось, я оттыпал себе топором кусок большого пальца. В лет пятнадцать. Просто съел кусочек мяса, толщиной 3-4 миллиметра, и краешек ногтя. А кровяшка хлынула, как из барана. Достал носовой платок и попросил одноклассницу, оказавшуюся рядом, перевязать. Прекрасно помню её перепуганные глаза и дрожащие руки:

- Тебе больно?

- Больно, конечно. Вяжи, давай!

И тут мне поплохело: поехала крыша и подступила тошнота. Но сдержался. Второй раз - когда вскрывали на операционном столе абсцесс от неудачно поставленного укола. Делали под местной анестезией, при этом я не только ничего не чувствовал, но ещё и, лёжа на животе с голым задом, анекдоты травил медсестре. Почувствовал только, что что-то, простите, по заднице потекло, и вдруг - накрыло... Нашатырь под нос, и всё встало на место: и крыша, и желание анекдоты травить. И вот снова... Только на этот раз никого с нашатырём не оказалось рядом. Ничего, оклемаемся!

Секунд через десять действительно попустило. С трудом поднялся на ноги (больно же, всё-таки, когда шевелишься!) подобрал автомат и уже потихоньку поднялся по оставшемуся лестничному маршу.

- Ты как?

Это Серый, возвращающийся, чтобы помочь мне.

- Не смертельно. Но перевязать надо: камуфляж уже чуть ли не до жопы промок. Возьми здесь, в кармашке, индивидуальный пакет.

Аккуратно стянули пробитую разгрузку и напивавшийся кровью «камок». Точнее, камуфляж с правой руки снимать не стали: некогда.

- Нормально! Вскользь прошла. До свадьбы заживёт!

- До какой свадьбы, Андрюха? Забыл, что меня в Магнитке жена ждёт? Кажется, даже уже беременная... И разводиться я с ней не собираюсь! Думай хоть, что мелешь!

- Значит, до рождения сына! Ты, Колька, не трынди! Нам сматываться уже пора, а ты вертишься, мешаешь мне... Всё, давай левую руку, помогу тебе в рукав попасть.

Слегка помятого генерала Манакова забросили, как мешок, на броню и впахнули в недра бэтэара. С зубным скрежетом, искрами из глаз, многоэтажными матами и помощью ребят взгромоздился на бронетранспортёр и я. Мотор взревел, боевая машина тронулась, и тут же по «бэтру застучали автоматные очереди: генерал, когда мы рвались к его кабинету, успел по радиации вызвать милицию, концентрирующуюся возле здания СГБ. Пару раз сухо рявкнул наш КПВТ.

- Блин, они толпами прут! – орёт Сармат, занявший место в башенке. – Женька, уходи в противоположную сторону! Ещё гранатами закидают, на хер!

А меня скрутило не на шутку.

- Чёрный, бери командование на себя! Если прямо нельзя, прорывайся к нашим окружным путём.

Охранник Воздвиженского, глянув на мою перекошенную от боли физиономию, кивает. А я, наклонившись вперёд и вцепившись в сиденье переднего ряда, пытаюсь не мотаться на поворотах, как говно в проруби.

Советск, 36 год, 11 июля, понедельник, 15:20

Пожалуй, чуть завозись мы в здании министерства, и пришёл бы к нам симпатичный северный пушной зверёк, встреча с которым, тем не менее, крайне неприятна для тех, к кому он приходит. Едва успели сбежать!

Наша атака на МВД привела осаждающие здание СГБ силы в замешательство. Во-первых, почти половина их умчалась к министерству по призыву о помощи от Манакова. И где сейчас эти люди, не ясно никому. Именно поэтому нам никто не препятствовал при нашем возвращении к своим. Во-вторых, операция по очистке от нас здания Службы госбезопасности осталась без «главнокомандующего». Что дальше делать, никто из милиционеров не знает.

Подсказку дал Джавдет, обратившийся к осаждающим на милицейской волне.

- Говорит майор Кирикар, командир сводной группы, по приказу генерала Воздвиженского захватившей несколько часов назад здание Службы государственной безопасности. Мы захватили это здание, а также ряд чиновников, чтобы избежать разрушения по их приказу Лаборатории № 1, через которую наш мир в ближайшее время должен восстановить связь с Большой Землёй. Узнав, что в Советскую Республику для возобновления отношений с нашим миром прибыли посланники Большой Земли, эти чиновники совершили попытку их убийства и собирались разрушить Точку Перехода. Этот план был нами сорван, и для того, чтобы предотвратить следующие попытки, мы были вынуждены пойти на силовой захват заговорщиков.

Сейчас в наших руках находятся почти вся верхушка заговора, за исключением председателя Верховного Совета: председатель Совета Министров Соловьёв, министр внутренних дел Манаков, заместитель главы СГБ Сквирчевский и ряд других лиц. Все города Советской Республики осудили заговор, призванный законсервировать нашу деградацию и не допустить улучшения нашего положения. Все батальоны самообороны, включая оба батальона в Советске, контролируются нами. Флот, первоначально выступивший на стороне заговорщиков,

перешёл на нашу сторону, а его командующий застрелился, чтобы избежать ответственности. Вы все прекрасно знаете, что сейчас происходит на площади перед Верховным Советом.

Пять минут назад мне сообщили, что на вокзале Советска высадился сводный батальон самообороны из Загорья, возглавляемый лично заместителем председателя Совета Министров, начальником Службы госбезопасности генералом Воздвиженским. Городские батальоны самообороны готовятся к выходу из казарм, чтобы присоединиться к батальону из Загорья.

К сожалению, за два последние дня уже были и погибшие, и раненые с обеих сторон. Мы не хотим дальнейшего кровопролития. Поэтому, чтобы избежать его, предлагаю вам вернуться к местам вашей службы, сдать оружие и боеприпасы в оружейные комнаты. Противостояние закончено. И мы, и вы должны вернуться к несению своей службы в обычном режиме.

В госпиталь я попал только часа через полтора.

Рану почистили, промыли, заштопали. Всадили несколько уколов и приказали завтра явиться на перевязку. Пожелание скорейшего выздоровления содержало предупреждение быть аккуратнее сегодня ночью, чтобы свеженький шов случайно не повредить. Ну, это я и без них понимаю, что пару ночей на животе придётся спать!

Поблагодарив за заботу, вышел к ожидавшим меня в коридоре Чёрному и Серому, назначенным Воздвиженским моими охранниками.

- Куда теперь?

- В гостиницу! На сегодня ты уже отвоевался!

- Мужики, у меня же ни денег ваших ни копейки, ни документов здешних.

- Об этом мы действительно не подумали. Но решим вопрос! – чуть подумав, заверил Чёрный. – Ты как? На троллейбусе доедешь или лучше машину вызвать?

Я шевельнул рукой на перевязи:

- Лучше на троллейбусе: там к спинке можно не прижиматься. Мне обезболивающего вкололи, потерплю.

- Ну, тогда пошли!

Троллейбус оказался стареньким ЗиУ-5 с крошечным оконцем в корме. У нас в Миассе бегали более новые, «квадратные» саратовские, а эти, «округлые», мне доводилось встречать лишь в Питере и Одессе.

Из-за выходного дня, как мне пояснили ребята, народу в троллейбусе немного, даже имелась пара свободных мест, но мне сидеть было неудобно, а мужикам положено торчать рядом со мной. Вот и стояли на задней площадке возле кассы. Той самой советской, в которую нужно было самостоятельно бросать монеты и откручивать себе отрывной билетик. Ностальгия, блин!

- А вы, молодые люди, чего билеты не берёте? – возмутилась, глядя на нас строгая бабулька, сидящая лицом к нам на заднем сиденье.

- Мы на службе! – отрезал Серый и чуть вытащил из кармана удостоверение сотрудника СГБ. – Неужто не видно, что с оружием и при нас раненый товарищ?!

- Да кто ж вас знает? Вон ведь что сегодня творится! - разговорилась «народная контролёрша».

- То по радио страсти всякие рассказывают, то в радиоцентре стреляют, то на проспекте Ленина, то, говорят, министров кучу арестовали! И я вам скажу, правильно сделали, что арестовали! Я-то старая, а вот дети и внуки, может, чуть лучше жить станут. Дедов «Москвич» уже совсем развалился, какую-то бобину найти не может уже четыре месяца, холодильник на ладан дышит. В телевизоре последний год, когда ещё телевидение работало, почти ничего рассмотреть нельзя было. Кино новое, почитай, раз в год выходит. А эти, собаки, что удумали? Я, может, эти шестнадцать лет одной только надеждой жила, что всё наладится, что снова мы станем нужны Большой Земле. А они, как мы нужны стали, всё порушить решили! Они, что ли это всё строили, чтобы рушить?

Народ завозился на своих местах, кто-то поддакивал, кто-то мысль бабкину развивал.

- А что это за форма такая у вашего раненого? Я такой раньше не видала!

- Экспериментальная, бабуля. Испытания проходит! Скоро всех солдат в такую переоденут! - нашёлся Чёрный, чтобы не раскрывать, кто я. - Вы уж простите, нам выходить...

В гостиницу устроился благодаря удостоверению Чёрного, настоятельно попросившего не требовать с меня паспорта, а поверить на слово. Пять рублей за «Люкс» на сутки он заплатил. Ещё три рубля наскрёб по карманам Андрей-Серый, чтобы я мог сходить перекусить и расплатиться за прачечную, где должны отстирать от кровищи футболку и куртку моего камуфляжа. Я сдал парням вещи, чтобы они отнесли их в стирку, и завалился спать на широченной деревянной кровати местного производства.

Несмотря на то, что кровать была очень удобной, просыпался я за три часа несколько раз: ну не привык я дрыхнуть, лёжа на животе. Да и боль от произвольных движений мешала. А окончательно разбудила меня горничная, принёсшая мои выстиранные и отглаженные вещи.

Замотавшись в простыню, как римский патриций, я впустил в номер достаточно симпатичную женщину примерно моего возраста.

- Я там вам дырки заштопала... От пуль... Это вас сегодня там, на проспекте Ленина, ранили?

- Нет, в здании МВД. Сколько я вам должен?

- За услуги прачечной - рубль двадцать: по тридцать копеек за каждую вещь. Платить на регистрации.

- А за штопку?

- Ой, что вы! Какие деньги? Это же минутное дело! Вы лучше приходите ко мне на пост чаю попить. У меня хорошие травы для него, сама собирала! Заодно и расскажете, как теперь там, на Большой Земле.

- А вы откуда знаете, что я оттуда?

- Да это глаз нужно не иметь, чтобы не понять этого! У нас таких вещей, какие вы носите, не шьют. Да и бирки... Вы же даже говорите не так, как здесь привыкли разговаривать!

Вот тебе, блин, и вся конспирация!

- Чай - это хорошо. Но мне бы чего-нибудь посущественнее: два дня от случая к случаю кусками питаюсь.

- Ну, тогда вам на первый этаж, по коридору налево. А потом заглядывайте ко мне: я чайник вскипячу.

Итак, считаем: салат мясной - 15 копеек, борщ с приличным куском мяса и сметаной - 12 копеек, картофельное пюре - 6 копеек, огромный бифштекс - 20 копеек, три куска хлеба - 3 копейки, чашка кофе - 9 копеек, стакан компота из свежих фруктов - 5 копеек. Итого - 70 копеек. В качестве минуса - самообслуживание. Нет, можно было бы пойти в соседний зал с надписью над дверями «ресторанное обслуживание», но не при деньгах я сегодня.

Травяной чаёк у Ларисы, как звали горничную, действительно оказался чудесный. По вкусу напоминал смесь мяты, чабреца и душицы. Или матрёшки, как её называют у нас на Южном Урале.

За разговорами просидели часа три. Дел у Ларисы было немного, поскольку основной наплыв командировочных обычно начинается в понедельник утром, и сегодня на этаже, где располагались лишь «люксы» и «полулюксы», жило всего два человека: я да кругленький лысоватый мужичок за пятьдесят. Проходя снизу, явно из ресторана, он с пьяной улыбкой пригрозил мне пальчиком, таким же пухленьким, как и он сам:

- Молодой человек, вы Ларисочку не обижайте!

- А то вы, Илья Иосифович, не знаете, что кто меня обидит, тот дня не проживёт! - отшутилась женщина, а когда посетитель захлопнул дверь, негромко охарактеризовала постояльца. - Он у нас каждый месяц останавливается. Снабженец какой-то артели. Не люблю я его: как узнал, что я вдова, так и начал клеиться.

- А что с мужем случилось?

- Змея. В картофельной ботве, похоже, после тайфуна пряталась. Копался на огороде и не заметил её. Никогда не было их в окрестностях. И всё: когда скорая приехала, он уже не дышал. Теперь, вот, сына вместе с моими родителями растим. Семь лет, в третий класс в сентябре пойдёт, горит всё на нём, как на огне! Так что твои дырочки заштопать мне действительно пара пустяков было.

Чёрт, всё никак не могу привыкнуть, что здешний год - это земные полтора!

- Денег-то хватает?

- С деньгами всё в порядке: у меня сто двадцать, у матери с отцом по сотне. А у тебя как на личном фронте? Жена, дети?

- Только жена.

- Жаль! - вздохнула Лариса. - И что за невезуха? Как нормальный мужик, так женатый! Как неженатый, так какой-нибудь липучий Илья Иосифович! Да не смотри ты так на меня! Шучу я, шучу! Иди, давай, спать! Вон, глаза слипаются! Судя по кровищи на твоей одежде, тебе сейчас отсыпаться да отсыпаться надо, чтобы восстановиться.

Твою мать! В тридцать с хвостиком проснуться, как пацан семнадцатилетний, в мокрых трусах после фантастически яркого и реалистичного эротического сна!

Соскочил с кровати, сбегал подмыться, состирнул плавки. Блин, да что же творится-то? Аж трясёт меня, так хочу женщину! Принять бы холодный душ, да повязку мочить нельзя. Залез в ванну и пустил воду на своего вздыбленного «друга» из душевой лейки на гибком шланге. Вроде чуть-чуть полегчало. Но всё равно хочется, аж колотит! Может, стрельнуть у Ларисы сигарет (она курит), посидеть у открытого окошка, покурить, и хоть таки образом отвлекусь?

Неудобно открывать дверной замок левой рукой, а правой, больной, придерживать простыню, в которую замотан. Пока возился с ключом, Лариса уже почти домчалась от своего поста. Увидела мою высунувшуюся из-за приоткрытой двери голову и приложила палец к губам. А потом шмыгнула ко мне в номер и ключ в замке повернула. Честное слово, я её даже не касался, а униформа-сарафан уже соскользнула на пол и она, размотав мою «тогу», тянет меня в спальню:

- Только не шуми...

Я-то не шумел. И она почти всё время держалась, грызя себе губы и комкая простыню руками. Лишь последние минуты три непрерывно сдавленно стонала, содрогаясь всем телом.

Никогда не считал себя половым гигантом! Ну, два-три раза за ночь. Лишь однажды четырежды, в ночь перед моим отъездом со Светкой Галановой в Протекторат Русской Армии. Но чтобы трижды без передышки!!! Это не считая моего пробуждения...

- Коль, прости меня, дуру. Честное слово, я не хотела так с тобой поступить!

- Я сам не знаю, чего это меня так накрыло!

- Зато я знаю! Я тебе в последнюю чашку чаю травку одну добавила. Не поверишь: посидела, поговорила с тобой, и так меня потянуло! Хочу - и хоть убейся! Никогда такого себе не позволяла, хоть и знаю, как эта трава на мужиков влияет. А тут не удержалась.

- Да уж! Я же чуть не свихнулся!

- Это не только трава. Она куда мягче действует, от неё просто лёгкое желание появляется, и мужчина немного дольше не кончает. Я, идиотка старая, только сейчас допетрила, что тебя же наверняка укололи сывороткой для ускорения регенерации тканей. Чтобы рана поскорее заживала. Не помнишь, не кололи тебе зеленоватую жидкость?

- Вроде видел ампулку с такой, когда медсестра её в шприц набирала.

- Она и есть! Эта сыворотка на мужчин очень специфически влияет. Её действие на действие чая наложилось, вот и получилось такое безобразие!

- Не понравилось, что ли?

- Да разве ж такое может не понравиться? После двух лет без мужчины, и вдруг - на тебе! Чтобы мало не казалось! Побегу я! Нельзя нам надолго пост покидать!

Она чмокнула меня и бегом помчалась под душ. Уже одевшись, ещё раз подбежала обняться:

- А рецептуру чая я тебе запишу! Надо же как-то мою вину перед твоей супругой искупить!

Спасибо тебе! И не обижайся за то, что я, безмозгая, тебе такое устроила.

Теперь понятно, что имели в виду в госпитале, когда предупреждали, чтобы я аккуратнее с раной был ночью! Вот лопух!

Зато потом спал, как младенец! Мёртво, без каких либо сновидений. А утром проснулся свежий, бодрый и... снова озабоченный. Чёртова сыворотка!

Лариса, сдававшая смену, порхала по гостиничному коридору. Права была моя давняя подружка, рассказывая, что хорошо оттраханная женщина летит по жизни! И рецепт своего чайка Лариса мне передала, и со сменщицей познакомила, и похмельному Илье Иосифовичу шпильку по поводу его помятого вида вставила. У меня, вроде, и без чайка проблем с этим делом не возникает, но рецептик надо приберечь на всякий пожарный, вдруг когда-нибудь нужда в нём возникнет...

Чёрный с Серым меня застали за завтраком. Тоже взяли себе по чашке кофе и подсели за столик.

- Держи! - Анатолий-Чёрный выложил на стол конверт с деньгами. - Это типа премия тебе за успешное выполнение задачи государственной важности. Там ещё бланки разрешений на хранение и ношение оружия, бланк паспорта и служебного удостоверения сотрудника СГБ. Звание тебе прежнее оставили, номера и модели пистолетов и автоматов сам впишешь. Сегодня фотки повклеиваем, печати поставим, и будешь как белый человек. И ордер на служебную квартиру вам с Натальей генерал обещал завтра выписать.

Я только покачал головой, пересчитав купюры, отличающиеся от старых советских лишь тем, что на гербе вместо земного шара был отпечатан силуэт «советского» континента, да не было дублирования номинала на языках народов СССР. Тысяча рублей. Если Лариса говорила, что им на четверых хватает на месяц трёхсот двадцати рублей, то очень неплохую сумму мне отвалили!

- Как себя чувствуешь?

- На удивление, неплохо! И даже рана почти не болит, - поднял и опустил я правую руку. - Только жрать постоянно хочется.

- Оно и будет хотеться! - засмеялся Андрей. - Кровь вырабатывается вместо потерянной, рана заживает.

- Тогда план следующий: забираешь с собой из номера пистолеты, пока я доплачиваю ещё за сутки твоего проживания, - распорядился Анатолий. - Потом ведём тебя фотографироваться. После этого движемся на перевязку. На обратном пути забираем готовые фотографии и доставляем тебя в контору, где генерал расскажет тебе, что дальше делать.

В здание СГБ, которое мы брали с боем вчера утром, я ехал уже без швов на ране, хотя повязку мне ещё на всякий случай оставили.

- Как спалось? - ехидно улыбнулась мне медсестричка, менявшая повязку. И наклонилась чуть ниже, чем было необходимо, сверкнув при этом матовой кожей своей впадинки между грудями.

- Могли бы вечером подъехать, чтобы проконтролировать крепко ли я сплю! – отбил я выпад с деланным равнодушием.

- Вы же не сказали, где вас искать!

- Не вопрос! Гостиницу «Орлёнок» знаете? Номер двести четыре. Не получилось вчера проверить, приезжайте сегодня! Я живу один, хоть всю ночь контролируйте!

- Я подумаю! – изобразила из себя скромницу девица.

- Людка, шалава! – фыркнул хирург, записывающий что-то в свой журнал. – Хватит над человеком издеваться! Как будто не знаешь, как сыворотка действует!

- Ой, Тариэл Ваганович! Вас послушать, так я должна чадру носить, глаз на мужчин не поднимать и молчать, как глухонемая. А может, мне интересно узнать, как можно больше, пока молодая?

- Интересно ей! – буркнул доктор. – Лишь бы подразниться!

- Я подумаю! – еле слышно промурлыкала мне сестричка на прощание, покосившись на мои руки, сложенные как у футболиста, ждущего штрафного удара по своим воротам.

Вот зараза!

Двери в кабинете начальника Службы и в приёмной уже отремонтировали, окна застеклили. Теперь заканчивали эту работу в других кабинетах. Но перед этим мне пришлось встретиться с одним знакомцем.

- Здравствуйте, товарищ... э...

- Майор я, Казымов. Майор Колесов. Тебе тоже не хворать! Как голова?

- Да вроде бы ничего, – вздохнув, помассировал прапорщик свой затылок.

- Надеюсь, не сильно обижаешься на то, что тебя так наказали за нарушение инструкции?

- Лучше уж так, чем как некоторых... У вас пропуск заказан? Тогда предъявляйте документы.

- Отыгратья решил? – засмеялся я, предъявляя свою орденскую Ай-Ди. – Извини, другие пока ещё не изготовлены. Если не устраивает, то звони в приёмную, чтобы меня забрали.

- Я лучше позвоню! Меня вчерашний день очень многому научил!

- Вот и прекрасно!

- Нас-то хоть пропустишь? – подал голос Чёрный.

- Документы предъявляйте и проходите!

Анатолий с Андреем, весело пикируясь, дождались, пока сверху спустится Строков и распишется в журнале за то, что забирает меня вместе с моими двумя пистолетами.

- Правильно действуешь, Казымов! – похвалил капитан прапорщика. – В нашем деле лучше

перебдеть чем недобдеть, как ты сам вчера убедился. Ну, здравствуй, Николай! А вы, мужики, пока отдыхайте. Я позвоню, когда понадобится.

С Воздвиженским вообще встретились, как старые друзья. Порывался он меня даже обнять, но я отступил на шаг назад:

- Мне час назад швы сняли, товарищ генерал-майор.

- А чего так официально? Пока тебе документы о приёме на службу не выдали, я для тебя по-прежнему Максим Георгиевич. Да и потом тоже, если без посторонних. Если б ты с ребятами не сработал так чётко и быстро, то крови бы пролилось на порядок больше, и последствия были бы куда серьёзнее. Орденов вы, конечно, заслуживаете, но уж извините, мужики, неправильно будет раздавать государственные награды за то, что свои против своих воевали. Я найду способы как-нибудь по-другому вас отблагодарить за службу.

Разбор полётов по итогам всего произошедшего мы через недельку устроим, так что подготовку отчёт, какие ты плюсы и минусы увидел в действиях обеих сторон. Судя по тому, что мне Джавдет рассказал, воевать мы не умеем. От слова «совсем». Поэтому жду от тебя замечаний и предложений. Не стесняйся в выражениях: мне нужно, чтобы всех проняло.

Мы с тобой после полудня едем в Верховный Совет. Там сегодня будут избирать нового председателя и назначать нового главу правительства. А потом мы с тобой, ты и я, выступим перед депутатами. Я – как глава контрразведки, а ты – как посланец Большой Земли. И не хмурься! Так надо!

- О чём говорить-то?

- Да особо распространяться не надо. Историко-политическую справку Ивана Андреича Данилова они уже все прочитали. Просто расскажешь, какие перспективы договориться с российским руководством, в чём Россия остро нуждается, и что нам нужно в первую очередь у Большой Земли запрашивать.

Раздался звонок внутренней связи, и Воздвиженский ткнул кнопку на устройстве.

- Товарищ генерал, мы свои документы на Колесова подготовили. За паспортом ему в отделение милиции заехать надо будет, чтобы расписаться. Заносить вам на подпись готовые?

В парламент я ехал уже полноценным гражданином Советской Республики, штатным майором СГБ в должности начальника управления инновационных проектов. Даже звёздочки на погоны, эмблемки в петлички и кокарду на камуфляжную бейсболку нацепил. Разумеется, все знаки полевые, тёмно-зелёные, а не золотые от повседневной или парадной формы.

Поэтому, когда в бюро пропусков с меня потребовали документ, я достал из широких штанин дубликатом бесценного груза свой молоткастый, серпастый Советский паспорт.

Советск, 36 год, 12 июля, вторник, 03:05

В гостиницу я вернулся только к полуночи. В сопровождении своей охраны, разумеется, поскольку приказ Воздвиженского – охранять меня при любых перемещениях по улице – никто не отменял. Портъё, выдавая ключ от номера, сообщила:

- Тут к вам девушка приходила из госпиталя, говорила, что рану надо обработать, но вас не застала. Подождала, подождала и ушла...

Чёрный с Серым тут же насторожились, но я пообещал им всё объяснить в номере.

- Это действительно медсестра. Пока сегодня швы снимала, всё меня подкалывала по поводу... Ну, вы-то, в отличие от меня, должны знать про побочное действие сыворотки для ускорения регенерации... А я ей свой гостиничный номер назвал. Думал, попикируемся, и этим всё закончится...

Мужики покатались от хохота, глядя на моё смущение.

- Ага! А сестричка, глядя на твой стояк, решила устроить себе незабываемый вечер?

- Это ещё что, Николай! Мой зять, муж сестры, бывший афганец, как-то по пьяни ещё веселее историю рассказал! У него в Афгане чуть ли не под ногами граната рванула. Осколками посекло – мама не горюй! Плюс контузия: до сих пор плохо слышит. Очнулся уже в «вертушке» по дороге в госпиталь. Но только в госпитале побочный эффект этой контузии проявился: член не падает. Вообще. Лежу, говорит, с ног до головы забинтованный, всё болит, а простыня домиком. Вначале даже прикольно было, а потом – хоть волком вой! Все мужские причиндалы ноют от такого перенапряжения. И медсестрички над ним хихикают. В общем, сначала одна решила парню помочь, потом другая. А он только рад, в двадцать-то лет! К концу лечения в госпитале ни одной неудовлетворённой женщины не осталось. Ему так понравилось, что даже расстроился, когда этот побочный эффект вылечили.

Поржали. Я тоже в долгу не остался, рассказав анекдот про 90-летнего секс-гиганта, удовлетворившего весь публичный дом и объяснившего загадку природы следующим образом: «Меня недавно парализовало. Частично. Но ОЧЕНЬ удачно». Дохохотались до того, что в номер постучала возмущённая горничная:

- Товарищи, уже тридцать ноль пять! Нельзя ли не шуметь? Вы же людям спать мешаете!

- Всё-всё-всё, девушка! Мы уже уходим!

Как настоящий джентльмен, Андрей пропустил горничную вперёд, подмигнул мне и кивнул на её стройную спину. Я скорчил ему в ответ зверскую рожу из серии «зарэжу, сабака!», и оба охранника, похрюкивая от едва сдерживаемого хохота, выкатились в коридор.

Им бы только поржать! А мне какво? Хоть бы Наташа поскорее приехала!

В этих невесёлых раздумьях я прошёл в спальню своего «люкса» и устало уселся на кровать. А ведь действительно устал!

День выдался напряжённый. Не физически, а эмоционально напряжённый. Особенно – его вторая половина, которую мы с Воздвиженским провели в парламенте.

Почти всё время, пока занимались организационными вопросами, я просидел в гостевой ложе, наблюдая сверху за происходящим.

Заседание открыл заместитель спикера, который зачитал заявление председателя Верховного Совета об уходе в отставку по состоянию здоровья, поскольку «в связи со сложившейся ситуацией» оно не позволяет ему справляться с обязанностями руководителя парламента. С пояснениями, что это за ситуация, выступил Воздвиженский, кратко рассказавший о нашей морской одиссее и вызвавших её причинах.

Поскольку само слово «парламент» по-французски значит «говорильня», депутаты решили соответствовать высокому званию говорунов, терзая генерала вопросами. В том числе, главным: а был ли мальчик? В смысле, не выдумал ли начальник СГБ «посольства» с Большой Земли и самого заговора. На что Воздвиженский предложил создать следственную депутатскую комиссию, которая допросит всех причастных и свидетелей. А на меня, как на «главного посла», просто показал рукой, пообещав, что я чуть позже выступлю перед народными избранниками. И повернулись ко мне сотни глаз, и ослепили меня десятки вспышек фотоаппаратов...

Ирония иронией, но смутился я, если честно признаться. А спустя минуту пришлось расстроиться. Глава СГБ рассказал о судьбе мичмана Носова из команды «Удачи», раненого во время боя на острове Тонкий. Его доставили в Советск, успешно прооперировали, а спустя несколько дней, когда вышли некрологи о «гибели» Воздвиженского, Васенко и Бергмана, забрали из госпиталя и убили по приказу Сквирчевского. Назвал генерал и непосредственных исполнителей преступления, которые, по его словам уже дали признательные показания. В числе их оказался тот самый подполковник, что ехал контролировать уничтожение Точки Перехода майором Симоненко.

В конце концов, отставку спикера приняли, озадачили депутатов поиском достойной кандидатуры ему на замену, и перешли к вопросу отставки правительства в связи с возбуждением против премьера уголовного дела. В этот раз Воздвиженский долго не распространялся: просто предложил голосовать, а исполняющим обязанности премьер-министра назначить министра промышленности. После споров о кандидатуре и.о. и категорического самоотвода генерала прошли оба его предложения.

Во время перерыва меня просто порвали на части журналисты, жаждущие пообщаться. Даже часть обеда в столовой, расположенной в подвальном помещении парламента, прошла в ответах на вопросы, которые я умудрялся давать между ложками судорожно проглоченного супа, пока Воздвиженский не возмутился и не рыкнул на «акул пера», чтобы они хотя бы позволили мне поесть. Ему, правда, тоже доставалось, но меня терзали куда интенсивнее. Теперь нагрудный кармашек моего камуфляжа оттягивали десятка три визитных карточек корреспондентов газет и радиоканалов, а также депутатов, сумевших пробиться к моему телу сквозь толпу пишущей братии.

После обеда события развернулись совершенно неожиданным для меня образом. Вместо выборов председателя Верховного Совета группа депутатов внесла предложение о досрочных парламентских выборах. Дебаты разгорелись горячие, но я больше наблюдал не за ними, а за реакцией главы Службы госбезопасности. Чем больше выступало людей в поддержку этого предложения, тем более озабоченным становилось лицо Воздвиженского. Вначале я не понял, чего он так переживает, но, включив мозги, сообразил: на ближайшие три месяца страна лишается не только полноценного правительства, но и парламента.

Впрочем, не совсем так, как мне объяснил в очередном перерыве генерал. По Конституции новый состав Верховного Совета собирается на сессию в течение двадцати дней после выборов, а до момента открытия первого заседания первой сессии старый парламент сохраняет свои полномочия. Тем не менее, избежать полноценного политического кризиса, на что надеялся Максим Георгиевич, не удалось. И депутаты тремя четвертями голосов приняли решение о назначении на воскресенье 14 сентября парламентских выборов.

Покончив с организационными вопросами, среди которых были выборы исполняющего обязанности председателя Верховного Совета (до конца каденции решено было не назначать постоянного спикера) и членов следственной комиссии, после очередного перерыва вытащили

на трибуну и меня. Здравствуйте, земляне! Я прибыл к вам с далёкой Альфы Центавра с миссией мира!

Разумеется, я такого бреда не нёс, а просто рассказал то, что просил от меня Воздвиженский. И потом ещё часа два отвечал на депутатские вопросы, иногда очень напоминавшие выступления. Вот это-то меня и вымотало окончательно. Оказывается, быть в центре внимания – адский труд. Прекратилось всё только после того, как генерал что-то пошептал на ухо и.о. спикера, и тот объявил, что следующий вопрос будет последним, поскольку я ещё не оправился от ранения, полученного во вчерашних столкновениях. Искреннее спасибо вам, уважаемый товарищ исполняющий обязанности председателя! Возможно, вы спасли меня от безвременной смерти на этой чёртовой трибуне!

Посидеть в покое не получилось. Чутьё какое-то сработало, и я, мгновенно выхватив АПБ, перекатился по кровати, целясь в сторону чуть колыхнувшейся шторы. Штора длинная, почти до пола. Почти.

- Может, всё-таки прекрасная Золушка явит мне не только хрустальные туфельки, но и своё личико?

- Боитесь, что часы вот-вот пробьют полночь, и вы не успеете полюбоваться бальным платьем, в которое добрая фея превратила наряд замарашки? Правильно делаете, что боитесь! Вечер я себе устроила действительно просто незабываемый, поэтому ухожу! Счастливо оставаться со своими... побочными эффектами!

Я расхохотался, убирая пистолет и поднимаясь с кровати, а разъярённая Людмила чуть не задохнулась от ярости.

- Ах, он ещё и смеётся! Да ты же... Да ты же последний подонок! Я к тебе, от чистого сердца, а ты... Негодяй!

Девичьи кулачки гулко заколотили мне по груди. Я перехватил её руки, и она безуспешно попыталась вырваться.

- Бутерброды с колбасой и сыром будешь?

- С какой ещё колбасой?! Отпусти!

- С «докторской». И сыром «Костромской». А ещё пива пара бутылок есть. Ты же, поди, с голоду помираешь?

Такая проза жизни окончательно вышибла медсестру, и она, прекратив вырываться, уже спокойно попросила:

- Отпусти. У тебя же лапищи, как из железа! У меня синяки будут...

- Тогда пошли на кухню. Торопиться тебе всё равно некогда: уже ни автобусы, ни троллейбусы не ходят. А отпустить тебя натошак мне совесть не позволяет: ты ж всё-таки гостья.

Кухня, не кухня, а комнатка с диваном, столом и тумбочкой, на которой стоит электрочайник и электрокофеварка.

- Совесть не позволяет! А она у тебя есть? Наплёл бедной девушке с три короба, наобещал

золотые горы, а сам шляется где-то полночи, пока она его ждёт!

Хм... Женская логика – это что-то с чем-то! Ну, да ладно! Первое, что обязан сделать мужчина, когда спорит с женщиной, – извиниться. Даже если его вины ни в чём нет.

- Извини. Ну, не мог я раньше вырваться из Верховного Совета.

Нет, не хотел бы я себе такую жену, как Людмила! Потому что отреагировала она мгновенно:

- А что это ты там делал столько времени?

И руки, как положено, в таких сценах, упёрлись в бока. Мол, наплевать мне, на каком глазу у тебя тубетейка.

- Да три часа, как идиот, торчал на трибуне и отвечал на вопросы ваших депутатов. Тебе масло на хлеб мазать, или ты фигуру бережешь?

- Мазать! Блин, ну кто так делает?! Дай, я сама хлеб порежу! Ничего вам, мужикам, нельзя доверить! Ни вовремя домой вернуться, ни продуктов купить, ни бутерброды приготовить! Надеюсь, хоть кофе-то не испортишь?

А ничего, боевая девица! Не дай бог ей в мужья какой-нибудь тюфяк попадётся: затюкает в течение первой же недели совместной жизни!

- А тебе не поздно для кофе? Не уснёшь ведь! Может, пивом обойдёмся?

- Это ты мне намекаешь, что собрался меня в постель затащить? Обойдёшься! Я к тебе совсем не для этого пришла!

Девочка, сказки будешь рассказывать своим сверстникам! А у меня, в отличие от них, кроме мужских органов, ещё и мозги имеются. Как там говорится? Если раздевая женщину, ты видишь, что её лифчик и плавки одного цвета, то вовсе не факт, что решение заняться сексом принимал ты. Гостью свою я, правда, ещё не раздевал, но декольте у неё такое, что бюстгальтер время от времени в нём мелькает. Как и резинка трусиков из-под пояса юбки, когда она над столом наклоняется.

- Это я намекаю, на то, что завтра Таризэл Ваганович тебя целый день пилить будет, если невыспавшаяся на работу явишься. А одну тебя ночью шарахаться по городу я не отпущу.

- И что за мужики пошли? Даже девушку до дома проводить не могут! Чего стоишь-то? Ещё один побочный эффект, что ли? Садись жрать! И пива своего налей! Ладно уж, выпью с тобой, хоть ты этого и не заслужил!

Девчонка, похоже, действительно голоднющая была: я едва успел прожевать один бутерброд, как она смела остальные три.

- Ой, я же тебе ничего не оставила!

- Успокойся, я успел поужинать. Главное – ты теперь с голоду не помрёшь. Ещё по пиву?

Не дожидаясь ответа, я откупорил бутылку и разлил напиток по стаканам. Классическим «гранчакам», которые в России уже стали редкостью.

- Спаиваешь?

- Ага! Решил спить тебя целыми двумя стаканами пива, после чего воспользоваться твоим беспомощным положением и грязно над тобой надругаться! Меня оправдают, у меня побочный эффект!

Девушка покатила от хохота.

- А ты, оказывается юморист!

- Так зачем ты всё-таки ты ко мне пришла?

- Да уж не для того, чтобы к тебе в постель забраться, как твои дружки решили! – она замолчала, а потом, тяжело вздохнув, призналась. – Мне просто некуда было идти. Вспомнила, где ты живёшь, и хотела у тебя немного посидеть, поговорить с посторонним человеком, которому ни я ничем не обязана, ни он мне ничем не обязан. Я просто думала, что меня к тебе не пускают, потому что ты весь из себя такой секретный: документы у тебя требовать запретили, охранники тебя до дверей кабинета сопровождают. Я тебе никто, ты для меня – тоже никто, человек с другой планеты. Вон, в Верховном Совете выступаешь!

- А может, я тебе соврал про Верховный Совет?

- Не соврал! Я, чтобы не скучно было сидеть взаперти, радио потихонечку включила, а тут ты выступаешь. Послушала немножко...

- Как же ты в номер умудрилась попасть?

- А я прошмыгнула, когда горничная номер проветривала! Она не заметила и меня закрыла на ключ. Пришлось тебя дожидаться. Думала, ты придёшь, я чуть-чуть подурочусь над тобой, а потом пойду мириться... Только видишь, что получилось? Даже не знаю теперь, что мне делать.

От уверенной в себе стервы не осталось и следа, и передо мной сидела расстроенная, растерянная, едва не плачущая девчушка.

- С кем мириться-то? С мужем, что ли?

- Тоже мне скажешь! Да у меня и парня-то никогда не было!

- Ну, потому, как ты меня с моим «побочным эффектом» подкалывала, вовсе не скажешь, что тебе не известно, чем мужчины с женщинами по ночам занимаются!

- Ты не забывай, что у меня медицинская специальность! И это всё я знаю. Хоть чисто теоретически, но знаю.

Теоретик, мля! Хотя... На внешний вид по возрасту – как раз только-только на медсестру выучилась.

- Я с отчимом поссорилась, - пояснила Людмила, отхлёбывая из стакана. – Ты не подумай, он нормальный человек: добрый и щедрый. Этот костюм он мне подарил. Я его в магазине увидела, примерила, но денег с собой не хватало, чтобы купить, а дядя Вова просто взял и заплатил за меня. Сказал, что это его подарок.

- А поссорились тогда из-за чего?

- Он меня замуж хочет выдать. Уже даже жениха нашёл. Только этот жених мне не нравится. Знаешь, этакий липкий бледный слизняк. Как представлю себе, что такой мне будет везде лезть – брррр!!! Из всех достоинств только то, что он, как дядя Вова говорит, типичный представитель нордической расы.

- Чего???

- Нордической расы. Ну, жители Северной Европы – светлые волосы, голубые глаза, длинное лицо... Это у отчима пунктик такой: он считает, что представители белой расы должны заключать браки только с представителями белой расы. А меня тошнит от этого жениха!

- Ты ему об этом говорила?

- Говорила...

- И что?

- Он такой человек, что считает, что он всегда прав. Что он не может быть не прав, потому что он – глава семьи, а если кто-то осмеливается ему противиться, то это подрывает его авторитет и разрушает основы семьи. То есть мы все – я, мама, младший братишка – обязаны ему во всём подчиняться.

- А матери говорила, что ты не хочешь за этого парня замуж?

- Да какой он парень? У других в его возрасте дети – мои ровесники, а этот всё искал достойную себя пару! Отчим наплёл ему что-то про сохранение белой расы, вот они и сговорились. А мама... А что мама может сделать? Дядя Вова убедил её в том, что если бы не он, то она так бы всю жизнь и мыкалась одна с «хвостом» на руках. Мол, он её на улице с ребёнком подобрал, осчастливил, дал ей и мне шанс стать людьми. Он моложе мамы на несколько лет, дом достраивает в очень престижном месте, машина у него есть. А мы с мамой действительно небогато жили, когда от нас отец ушёл. И тут появился он, весь такой уверенный в своей правоте, гордящийся тем, что его мать – чистокровная немка, не то, что мы, какие-то там русские. Он так и говорит, что его немецкая половина крови – лучшая в нём!

- Слушай, он что, фашист, что ли?!

- Ну, ты тоже скажешь! Фашисты не такие! А он – добрый! Он просто говорит, что ему всегда нравились идеалы национал-социалистов!

- Люда, нацисты, как называли германских фашистов при Гитлере, это сокращённое национал-социалисты! – охренел я от такого поворота.

- Да что ты несёшь? Фашисты – изверги, они евреев убивали, а всякие там кавказцы, узбеки, татары у них в армии служили. А дядя Вова про евреев вообще никогда не вспоминает, а кавказцев и прочих нерусских терпеть не может. Он меня постоянно грызёт за то, что я с этим, как он говорит, цунарефом Тариэлом Вагановичем работаю. А ты не знаешь, что такое «цунареф»?

- Знаю. Так обычно фашисты презрительно называют тех, кто не принадлежит к белой расе. Или имеет ярко выраженные примеси других рас.

- Не смей его называть фашистом! Он добрый! И очень работающий. После того, как его из милиции уволили, за любую работу хватается, за любую подработку. Даже продукты в

гастрономе не стесняется разгружать.

- А за что его уволили из милиции?

- Не знаю, отчим не рассказывал. Он как-то говорил про то, что его милицейские опера уважают. Соседи всякое болтают, но я не верю ни про взятки, ни про то, что он над арестованными измывался. Понимаешь, он не настолько сильный, чтобы мог кого-нибудь избить. Он в детстве в Новосибирске жил. Как его мать рассказывала, рос слабым, мальчишки его обижали. Им из-за этого даже пришлось уехать в другой город. А потом всю семью под предлогом переселения в Германию по вызову родственников переправили сюда, в этот мир.

Эх, девочка! Как раз из вот таких, в детстве битых сверстниками задохликов, самые большие подонки и садисты и вырастают! Это кстати, прекрасно объясняет и его приверженность нацистским взглядам: подобные Людмилиному отчиму типы, которых в детстве шпыняли все, кому не лень, стремятся доказать себе и окружающим, что они выше их всех лишь по факту своего рождения. Родился в белой семье, и ты уже имеешь право считать себя сверхчеловеком. Родился немцем, русским, поляком, западным украинцем, и ты уже богоносец, истинный ариец, высшая раса, призванная доминировать над всяческими «пся крев», «цунарефами», «унтерменьшами».

Вспомнилась и история про украинского фюрера Степана Бандеру, рассказанная Наташей, когда мы в Порто-Франко регулярно общались с бывшими унсовцами Онищенко и Чивилёвым. Юный Степан носил в детстве кличку «Баба», а умер с документами, где значилась фамилия Попель, что значит «Сопля». Всегда отличался хилым телосложением и к зрелому возрасту едва перерос 150 сантиметров, но «закалял волю» тем, что в юности на спор со сверстниками голыми руками душил кошек. И в воспоминаниях родственников фигурировал, как добрый и щедрый, хотя по его приказам были зверски – зверски реально, а не фигурально! – уничтожены пара сотен тысяч поляков, евреев, русских, цыган и даже украинцев. Как он там говорил, дай бог вспомнить? «Поздно говорить об украинских массах, мы их плохо воспитали, мало убивали, мало вешали!» Добрейшей души человек, бл*дь! Да и известного палача Освенцима доктора Менгеле близкие считали добрым, интеллигентным человеком. Как и многих других нацистских преступников.

- Что теперь будет после того, как я ночевать не пришла, я даже не представляю!

- Боишься, что побьёт? – нахмурился я.

- Вряд ли. Меня он никогда даже пальцем не тронул. Я же говорю – он добрый. Как-нибудь по-другому накажет. Или маму заставит меня наказать. Мама его любит и сделает всё, что он прикажет.

Мне активно не нравился этот нацист, делающий гадости чужими руками!

- Слушай, а ты не знаешь, кто такой Назгул?

- Как тебе объяснить?.. Во время Второй Мировой войны был такой английский писатель по фамилии Толкин. Он написал несколько книжек про войну людей, эльфов, гномов и маленьких человечков, называвшихся хоббитами, с некими тёмными силами. Говорят, что он так иносказательно описал войну с Гитлером. И на стороне тёмных сил билась нечисть, называемая назгулами. Это бывшие человеческие короли, которые после смерти превратились в неуязвимых зомби. Знаешь, кто такие зомби?

- Да. Воскресшие мертвецы, - уверенно кивнула головой гостя.

- Вот эти двенадцать назгулов, воскресших мертвецов, и были самым страшным, безжалостным, непобедимым отрядом тёмных сил. Уничтожить такого назгула могла только невинная девушка. Но почти все они погибли после того, как в огромном вулкане было уничтожено магическое Кольцо Всевластия. Лишь предводителя назгулов убила прекрасная принцесса из страны конников. А почему ты об этом спрашиваешь?

Люда молчала, о чём-то сосредоточенно думая.

- Нет, всё равно не верю!

- Во что не веришь?

- Да ты наговорил тут всякого! Нацисты, Гитлер, «белая раса», непобедимые зомби-короли, тёмные силы... Даже если он и считает себя настоящим назгулом, не может он быть плохим!

- Кто?

- Кто, кто! Дядя Вова!

- А Люцифером или Вельзевулом он себя, случайно, не называет?

- Да ну тебя! Я лучше спать пойду! А ты - не вздумай ко мне лезть! Я поклялась, что первым моим мужчиной будет тот, в которого я влюблюсь и за которого выйду замуж!

Господи, какой она всё-таки ребёнок!

- Ты, конечно, хороший, но влюбляться в тебя и замуж за тебя выходить я не собираюсь.

- Да если бы и собралась, ничего бы у тебя не получилось!

- Это ещё почему?

Судя по кулачкам, упёртым в бока, опять в ней дух противоречия проснулся.

- Потому что я уже женат, и в ближайшие день-два ко мне приедет моя жена.

- А ты меня с ней познакомишь?

- Да не вопрос! Только как я тебя ей представлю? «Дорогая, вот с этой девушкой я спал в одном номере, пока ты была далеко от меня, а я мучился от побочного эффекта сыворотки для ускоренной регенерации тканей!»

- Дурак! Придумаешь что-нибудь! Ты же умный! Я сплю на большой кровати, а ты здесь на диванчике!

- Так, значит, ты заботаешься о раненом?

- Ой, тоже мне раненый! Я тебе гарантирую, что Тариэл Ваганович сегодня же снимет твою повязку. И не вздумай проспать: мне к семи в госпиталь!

Советск, 36 год, 12 июля, вторник, 24:15

Разлеился я, писать карандашом разучился!

Почему не шариковой или перьевой ручкой? Потому что шариковые здесь давным-давно вышли из обращения. Слишком уж высокая технология – изготовление крошечного твердосплавного шарика для чернильной пасты. А перьевой задалбывает каждые пять секунд в чернильницу лазить. Да и кляксы леплю чрезмерно густо. Так что лучше уж я карандашиком! Пока ноутбук из Магнитки не приехал с Наташей.

Любимая моя приезжает завтра утренним поездом. Вместе с Иваном Андреевичем, Семёном Марковичем и, возможно, Осинцевым. Не знаю, решится ли Вадим Григорьевич оставить «Удачу»: баркас вместе с «Анадырем» должен сегодня дочапать вверх по реке до Магнитки, и их экипажам ещё надо будет в порту обустроиться, а также получить все документы, необходимые для нахождения на территории Советской Республики.

С этими документами конкретный геморрой получился. Ну, не существовало до сих пор в Республике такого понятия «иностраный гражданин»! А тут – целая толпа привалила. Может, кто-то и сразу согласится принять здешнее гражданство. А если не сразу? Или вообще заявит, что ему это не нужно, поскольку достаточно орденой айдешки или карточек Московского Протектората и ПРА? Поэтому сегодня Верховный Совет принимает соответствующую поправку к закону «О паспорте», согласно которой в документы, временно выдаваемые иностранным гражданам, на первой странице записывается «Временный документ иностранного гражданина, действителен до...». А Совету Министров поручается разработать форму удостоверения иностранного гражданина.

Чем я сегодня так занят? Делаю наброски своего доклада о действиях спецгруппы «Вымпел» и советских военных в ходе конфликта 8-10 июля 36 года. А Чёрный с Серым мне типа помогают. Помощнички, мля! Только кофе жрут да анекдоты травят, отвлекая меня от работы!

Припёрлись они ко мне ни свет, ни заря. И, ясен пень, уставились на Людку, уминающую остатки колбасы за утренним кофе. Той долго рассказывать не надо, какие у охранников мысли в голове родились при виде такой идиллии. Смутилась, покраснела...

- В общем так, мужики. Кто хоть слово пошлое вякнет, сам пристрелю! Она ко мне девственницей пришла, девственницей и уходит! Проблемы у человечка, помочь нужно было. А вовсе не то, о чём вы думаете. Беги, Люда, а то Таризэл Ваганович на тебя собак за опоздание спустит.

Медсестру не пришлось уговаривать, и спустя минуту от неё и след простыл.

- Ну, чего ты, Валерьич, сразу в бутылку лезешь? – обиделся на мой наезд Андрей.

- А нефиг! – раздражённо буркнул я. – Вы лучше мне скажите, есть ли у вас кто-нибудь знакомый из городских оперов?

- Ну, я в милиции служил, пока не перевёлся под крылышко Воздвиженского. Но это давно было, лет пять назад. Остались кореша и среди оперов.

- Отлично! Может, Андрюха, доводилось тебе когда-нибудь сталкиваться с неким Владимиром Субботиным?

- А! Говнюк этот! А чего он тебя заинтересовал?

Кратко, но исчерпывающе!

- Представь себе, это отчим Людмилы. И то, что она о нём рассказала, мне очень не понравилось. Она, правда, его боготворит, но...

- Мерзкая личность, я тебе скажу! Но не опер, а обычный мент, просто частенько с опергруппой выезжал на вызовы. Вылетел с работы незадолго до моего ухода в СГБ. Не дурак. Очень не дурак! Может, поэтому ему какое-то время всё и шло с рук. Правда, ещё и потому, что дружил с одним типом из прокуратуры. Не помню фамилию, немецкая какая-то. Такой белобрысый, лысоватый тип со слащавой физиономией. Но сколько верёвочке ни виться... В общем, тормозил, тормозил этот прокурорский жалобы задержанных на избияния Субботиним, да однажды не сумел его прикрыть, поскольку в отпуске был. Единственное, что успел, это от тюрьмы его отмазать. Причём, этот скотина не всех бил, а только тех, у кого фамилии кавказские или среднеазиатские. И только когда свидетелей не было. А когда кто-нибудь в его присутствии таких унижал - чего греха таить, всякое в работе случалось! - по морде было видно, что он кайфует.

- Похоже, за этого прокурорского Субботин падчерицу и собирается насильно замуж выдать.

- Так она у тебя пряталась, что ли? - встрял в разговор Анатолий.

- Типа этого, - не стал я пересказывать нашу историю.

Как Людмила и обещала, доктор снял с меня повязку, посоветовав ещё несколько дней поберечь фантастически быстро заживающую рану.

- Таризэл Ваганович, а чего это у вас Людмила какая-то смурная сегодня? - уловил я момент, когда медсестра на минутку вышла из кабинета. - Глаза красные, как будто плакала...

- Какие-то семейные неприятности. С утра её мать приходила, о чём-то они поговорили, и вот...

- Хм... А вы не очень обидитесь, если я её у вас минут на десять-пятнадцать похищу?

- Молодой человек, вы бы не питали надежд на эту девушку! Она ещё совсем ребёнок, а вы взрослый мужчина...

- К тому же - женатый, Таризэл Ваганович! И безумно люблю свою жену, которая, я надеюсь, скоро подарит мне ребёнка! А Людмила мне самому, как младшая сестрёнка. Так не обидитесь?

- Валяйте! - недоверчиво посмотрев на меня, махнул рукой доктор.

Девушку я перехватил в коридоре.

- Постой. Разговор есть. А вы, мужики, посидите пока здесь.

Охранники ревниво покосились на медсестру, но возражать не стали.

Людмила обречённо отошла со мной в конец коридора.

- Мама приходила?

Она кивнула.

- Ругалась?

Головка в белой шапочке мотнулась из стороны в сторону.

- А что тогда?.. Люда, да выйди ты из ступора!

- Просто передала слова дяди Вовы, чтобы я домой больше не приходила. Ему в доме гулящая девка не нужна!

Люда пару раз хлюпнула носом и, сотрясаясь от сдерживаемого плача, уткнулась лбом в моё плечо. Я погладил её по спине, пытаюсь успокоить.

- Я ей сказала, что никакая я не гулящая, а ночевала у тебя в гостинице из-за того, что опоздала на последний автобус. А она... Она сказала, что не надо мне рассказывать сказки про благородных мужиков, а раз я к тебе сама пришла, то после этого и она меня на порог не пустит. Потому что я - вся в отца, который ни одной юбки не пропускал! Но у нас же ничего не было, у меня же вообще никогда ни с кем не было! А она мне не поверила, она ему поверила! Коля, что мне теперь делать? Куда я теперь пойду?

Да уж, задачку ты мне, девочка, задала! Или всё-таки я помог тебе в эту ситуёвину вляпаться? Пожалуй, помог! Ну, а раз помог вляпаться, придётся помочь выпутаться.

- В общем, так. Пока страсти не улеглись, поживёшь пока у нас с Наташей. Она завтра утром приезжает.

- И как я буду с вами вместе в гостиничном номере жить?

- В гостиничном номере ты будешь жить только до завтра. Мне сегодня выдали ордер на служебную двухкомнатную квартиру. Завтра мы с Наташей сразу с вокзала идём её смотреть. А ты вечером после работы дуешь уже к нам. Дня три-четыре, пока твои не успокоятся, потеснимся как-нибудь. Я сейчас по пути на службу заскочу в гостиницу и предупрежу, пусть тебе выдадут ключи от номера, если я задержусь. Чтобы ты опять от горничных не пряталась и за шторками не скрывалась.

Людмила попыталась негромко хихикнуть, вспомнив свои вчерашние приключения, но после плача у неё заложило нос, и она... несколько оконфузилась. После чего долго извинялась, промокая медицинской салфеткой то свой нос, то мой камуфляж. Но в её потухших было глазах уже зародилась искорка надежды.

А вечером мы пошли в кино. Тайком от моих охранников, строго бдевших, чтобы я без них из гостиницы не высывался.

Господи, как же давно я не был в кинотеатрах! Мой родной Миасс «отличился» тем, что стал первым в России городом, где полностью ликвидировали все кинозалы. «Восток» на машгородке отдали коммерсантам под торговлю китайским ширпотребом, а потом и вовсе перестроили под торговый центр с гастрономом. «Урал» на автозаводе, перед которым успели постоять гипсовые статуи сначала Сталина, а потом Ленина, долго ветшал под замком, а в мой последний приезд на развалинах кинотеатра работала строительная техника: говорили, что на его месте будет возведён филиал какого-то коммерческого банка. С детства любимая мной «Энергия», расположенная в старом городе, ещё в 1980-е требовала ремонта, и с появлением у

народа видеомангитофонов окончательно захирела, пугая приезжих мутными стёклами брошенного помещения, облезлой штукатуркой и ржавыми листами кровли.

«Видики» убили киносеансы и в домах культуры. «Очаги культуры» ещё некоторое время пытались подменить «большое кино» порождением «свободы» – видеосалонами с фильмами ужасов и порнухой – но распространение домашнего видео ликвидировало и это извращение. Светка Галанова рассказывала, что во дворце культуры «Прометей» открывался какой-то супер-навороченный кинозал с многоканальным звуком, но я этого уже не застал.

Не до кино мне было и в Москве. Сначала пахал, как зверь, поднимая фирму и готовясь к заброске в этот мир. А когда начался наш роман с Наташей, нам было не до кино: своего «кина» хватало!

На удивление, зал был полон, хотя, по словам Людмилы, лента вышла на экраны несколько лет назад. Хорошая такая история про компанию девушек, приехавших куда-то на берега Таёжной возводить комбинат по производству картона. Я бы назвал это перепевом старого советского фильма «Девчата», только адаптированного к здешним условиям. Вместо суровой пермской тайги – тайга загорская, вместо трескучих морозов и снегов по пояс – осенняя слякоть, перемежаемая циклонами с Тёплого океана, комарьё... Смешную повариху в исполнении Надежды Румянцевой заменили мечтательной библиотекаршей, сохранив при этом красавца-лесоруба, сыгранного в оригинале Николаем Рыбниковым. А ещё не лесорубы спорили о том, что один из них покорит сердце девушки, а соседка подзудила романтическую главную героиню спором, что ей не удастся охмурить твёрдого, как скала, передовика производства и студента-заочника.

Закончилось всё тем, что на библиотекаршу, возвращавшуюся с работы в общежитие, напала какая-то местная зверюга. Оказавшийся неподалёку лесоруб вступил в схватку с животным, почти проиграл бой, и зверь уже собирался откусить герою голову, когда романтическая девушка где-то раздобыла старенький карабин и пристрелила тварь. А суровый парень оценил «крутизну» спасительницы и тут же, не дожидаясь, пока она перевяжет ему раны, предложил ей выйти за него замуж. Причём, целовались оба очень, очень профессионально!

- Как бы я хотела вот так же уехать куда-нибудь на край земли и найти там своего единственного! – мечтательно вздохнула прижавшаяся к моей руке Людмила, когда мы по вечерней прохладе прогулочным шагом возвращались в гостиницу.

- А не боишься? – улыбнулся я в темноте. – Одна, без родных и знакомых, чёрт знает где...

- Пожалуй, уже не боюсь, – погрустнела девушка.

- Ну, тогда могу тебе помочь это осуществить. Не в тайгу, конечно, а в один закрытый коллектив. Зато вокруг будет полно молодых умных парней, а тебя никто не станет доставать требованием выйти замуж за занудливого прокурорского работника.

- Да где же такое можно найти? А как ты узнал, что он в прокуратуре работает?

- Раскрою тебе страшную тайну! – проигнорировав второй вопрос, изобразил я зверское лицо. – Сейчас начался набор людей для восстановления инфраструктуры Лаборатории № 1. Слышала про такую? Эта та самая, через которую проходила связь с Большой Землёй.

- Ну-у-у! Это когда было! Ещё до моего рождения!..

- Теперь там снова всё будет работать!

- А ты откуда знаешь? Ой, я забыла: ты же сам ОТТУДА.

- В общем, набирают персонал для полноценного функционирования закрытого научного и производственного городка. Нужны будут там и медсёстры в медсанчасть. Если хочешь – могу посодействовать.

- Хочу, конечно! – загорелась девушка, но тут же сникла. – Только у меня все документы, кроме паспорта и пропуска в госпиталь, дома...

- Что-нибудь придумаем! Главное – ты не против.

- Слышь, мужик, у тебя закурить не найдётся?

Надо же, какой «оригинальный» способ докопаться!

Некоторых хлебом не корми – только дай кулаками помахать. А я не люблю драться: то ли ленив излишне, то ли эстетствую чрезмерно. Ну, не нравится мне, когда взрослые мужики машут руками, тяжело дышат и истекают потом. Или брызгаются кровью из разбитых сапог. Поэтому в драку ввязываюсь лишь тогда, когда её избежать невозможно. Хотя и в школьные годы не бегал от тех, кто задирался, и во время срочной службы приходилось пару раз схлестываться с особо наглыми «братьями» из южных республик. Ну, а курс рукопашки во время моей подготовки к заброске на Новую Землю пришлось сдавать серьёзным инструкторам. Но драться – не люблю!

- Не найдётся! Сам не курю и вам не советую.

А место они выбрали удобное. Под единственным на тихой улочке негорящим фонарём.

- Это зря! Не из нашего района, одет чёрт знает во что, куревом поделиться не хочет, да ещё и девчонок наших клеит...

- Ты их знаешь? – едва вырвал я руку из захвата перепуганной Людмилы, заодно контролируя, нет ли кого сзади.

- Нет, – мотает она головой с короткой стрижкой.

- Вы, ребята, похоже, ошиблись. Девушка говорит, что она не ваша. Теперь будете пятнадцать копеек на пиво спрашивать?

- Ты, фраерок, на гоп-стоп нас не подписывай. Нам вовсе ни к чему ядовитое говно в Химике с погрузочных платформ соскабливать. Нам не ты, не бабки твои нужны, нам девчонка твоя нужна. И не геройствуй: нас четверо, ты один. И с девочкой твоей ничего страшного не случится: от этого ещё никто не умирал.

Парни гаденько захохотали.

- Ребята, шли бы вы своей дорогой!

- Я не понял! Он что, охренел? Он нам ещё указывать будет?

- Зачем указывать? Я советую, поскольку от природы очень добрый человек. Могу даже по своей доброте душевной бесплатно рассказать вам про три ваших проблемы...

- Не, он точно охренел!

- Вот это – первая проблема: вы считаете себя самыми крутыми. Даже круче варёных яиц.

- Не, он совсем страх потерял! Наверное, его давно толпой не п*здили!

- А это – вторая проблема: вместо того, чтобы послушаться доброго совета, считаете, что кучей можете справиться с одним.

Самый мелкий из четвёрки вынул из кармана нож и откинул лезвие.

- Тебе по-русски сказали: бросай девчонку и уё*ывай отсюда, пока цел!

- А вот это – третья проблема: вы приходите с ножами на перестрелку.

Я вытащил из кармана свой АПБ, глушитель к которому, чтобы не таскать с собой лишний вес, остался в гостиничном номере.

- Аккуратненько, без лишних движений, побросали ножи и легли мордами в асфальт. Бегать тоже не нужно: умрёте уставшими, - лязгнул я затвором. - Ножи на землю, я сказал!

- Слышь, мужик, может, по-мирному разойдёмся? – сменил тон главарь.

- У тебя со слухом плохо? – направление ствола переместилась с мелкого на него. - Я сказал – ножи на землю и мордой в асфальт. Здесь двадцать патронов, а прицельная дальность выстрела – сто метров, которые даже самый шустрый из вас не пробежит быстрее двенадцати секунд. За это время я успею расстрелять все патроны и вставить новый магазин.

Главный отбросил в сторону нож, который не успел раскрыть.

- А не боишься, что после этого даже не химическое говно чистить отправишься, а урановые отходы зарывать?

Ещё два ножа звякнули об асфальт.

- Твой нож где? – ткнул я стволом в сторону четвёртого.

- У меня нет ножа.

- И это правильно! Ими порезаться можно. Теперь аккуратненько легли на живот и руки положили на затылок. Ну!

- Мужик, не по-пацански поступаешь, так нас унижая! Ну, ошиблись мы. Но зачем же нас грязью кормить?

Тем не менее, главарь опустил на колени, изобразил упор лёжа, а потом всё-таки положил ладони на затылок.

- Теперь раздвинули ноги на ширину плеч. Люда, отпинай-ка их ножи в сторону. Только на линию огня не вылезай.

- Куда?

- Не вставай между пистолетом и этими гавриками! ...Молодец! Иди сюда!

Девушка поспешно шмыгнула мне за спину.

- А теперь, ребяташки, рассказываем, как на духу, что вам от нас было нужно. Обещаю: если честно всё расскажите, стрелять вас не стану!

- Нас Шнеке послал, чтобы мы девчонку к нем приволокли! – приподнял голову самый мелкий, тот, который первым выхватил нож.

Людмила ахнула, а главарь негромко пробурчал в адрес подельника:

- Урод!

- Шнеке – это прокурорский, что ли? Такой белобрысый, на слизняка похожий?

- Да.

- А нас как выследили?

- А что вас выслеживать? Бабу твою кто-то возле кинотеатра засёк, позвонил Шнеке, а он уж нам сказал, где вас искать.

Похоже, скорость стука здесь – если не превышает скорость звука, то близка к ней. Где-то взвыла сирена мчащегося милицейского «уазика». Видимо, нашу разборку и мой пистолет в руках заметил кто-то из жильцов ближайшего дома. Заметил и позвонил на «02».

Нападавшие завозились, услышав знакомые звуки, но я прикрикнул на них:

- Лежать! Кто дёрнется – стреляю!

- Что, довыё*ывался, фраер! Нам-то ничего не будет, а тебе за волну точно придётся радиацию хавать!

- Увидим ещё!

«Уазик» осветил фарами нашу скульптурную группу, чихнул мотором, и от остановившейся машины послышался окрик:

- Бросить оружие! Руки за голову. При неподчинении стреляю!

Я опустил пистолет, перехватил его в левую руку, вынул из кармана удостоверение и вытянул его в сторону спящих фар милицейской машины.

- Майор СГБ Колесов! Подвергся нападению хулиганов, пострадавших нет.

- Оружие на землю!

Аккуратно поставил АПБ на предохранитель и опустил возле своих ног. Подбежавший старший наряда попытался взять у меня из рук удостоверение, но я не позволил.

- Читайте так, сержант.

Тот подсветил фонарём и козырнул!

- Извините, товарищ майор, разрешение на ношение оружия можно посмотреть?

- Пожалуйста!

Сержант подобрал пистолет, понюхал ствол, сверил номер с номером в разрешении и вернул оружие мне.

- А с этими что?

- Да кулаки у пацанов чесались. Докопались, что мы с девушкой по их территории ходим. Молодёжь, кровь бурлит! У троих в карманах ножи оказались. Отобрал, чтобы случайно не поранились, и положил «героев» мордой в пыль подумать о том, как нехорошо задираться с незнакомыми людьми.

Сержант засмеялся.

- Ну, сейчас мы у них ещё документы проверим, перепишем адреса и фамилии, поговорим с ними о том, чья здесь территория... Можете идти, товарищ майор!

Я козырнул в ответ и потянул за собой Людмилу, но та высвободила руку, подошла к лежащему на животе главарю и... лупанула ему носком туфельки между ног, раздвинутых на ширину плеч.

- От этого ещё никто не умирал! – прокомментировала она сдавленный вопль парня.

- Извините сержант! – засмеялся, я вслед за нарядом, оттаскивая в сторону сердитую подружку. – Этот имел неосторожность намекнуть на то, что ещё ни одна девушка не умирала от того, что её кто-то... гм... Ну, вы поняли...

- Так они её изнасиловать хотели? – встрепенулся старший наряда.

- Да нет. Я же говорю – у них просто кулаки чесались. А этот в перепалке ляпнул, что куда больший мастер в постельных делах, чем я, и предложил ей разнообразить свой сексуальный опыт. И всё. Просто предложил.

Заскочить в магазин за бутылкой какой-то настойки мы всё-таки успели, и, влив в трясущуюся от спадающего нервного напряжения девушку целый стакан напитка, я отправил её спать.

Советск, 36 год, 13 июля, среда, 25:50

Утром я Людмилу на работу не отпустил, а позвонив Тариэлу Вагановичу, соврал про то, что нас с ней вызывают на допрос по поводу вчерашнего вечернего нападения. Вместо этого она помогла забросить в «буханку» мои немногочисленные вещи, нагрузившись которыми я ещё четыре дня назад без чьей-либо помощи рысачил по холмам вблизи Лаборатории № 1. На машине мы и отправились на вокзал. Пораньше ещё и для того, чтобы не пересечься с Ларисой, которая сегодня должна была заступать на суточное дежурство. Пусть это останется для нас обоих кратким приятным эпизодом, не повлёкшим никакого продолжения.

С моей любимой приехали только Дед и Семён Маркович, за которыми Воздвиженский прислал отдельную машину. А мы впятером – охрана, я, Наташа и Людка – завалив «буханку» Натальиным багажом, двинулись заселять выделенную нам квартиру.

К Людмиле жена отнеслась весьма настороженно. Вот тебе и «неревнивая»! Но я, пока мужики перетаскивали в квартиру наши баулы, взятые с «Удачи», успел рассказать ей историю

девушки, и Наташа облегчённо вздохнула.

- А я-то уже чёрт знает что себе нафантазировала! Ты бы хоть рассказал, что у вас тут происходило!

- Чуть позже, счастье моё! Чуть позже! Как я по тебе соскучился!

Чего ржёте-то? Небось про побочный эффект вспомнили?! А просто поверить в то, что я люблю свою жену и по-человечески скучаю без неё – слабо?

Чёрный передал, что нас с Наташей ждут в СГБ после полудня, и мы с ней и Людмилой остались разбирать привезённые вещи.

Квартирка оказалась достаточно просторной и при этом уютной. Мебель лишь самая необходимая: пара диванов в отдельных комнатах, шкафы для одежды, письменный стол в комнатке поменьше и обеденный в большой. Буфет, кресло, простые деревянные стулья. Почти во всю длину квартиры – лоджия шириной метра полтора с выходами из большой комнаты и с кухни. На неё можно будет выносить стол и устраивать ужины на свежем воздухе. Действительно свежем, поскольку автотранспортом Советск не богат, а улицы и дворы засажены деревьями. Кухня спартанская: столик, угловой диванчик, две табуретки, обитые плотной тканью, газовая плита, мойка, разделочный стол и три шкафчика. В одном из шкафчиков – несколько тарелок и чайных чашек на проволочной сушке для посуды, а в ящике стола – разнобойные ложки-вилки. За распашными дверцами шкафчика – несколько разнокалиберных чугунных сковородок и выдавших виды эмалированных и алюминиевых кастрюль. От предыдущих жильцов остался источенный до предела тупой кухонный нож.

Ванная и туалет отдельные. В ванной приютилась древняя по конструкции, но довольно свежая по дате изготовления стиральная машина-бочка. Забыли, небось, такие? Выпускают их здесь на заводе бытовой техники в Уране!

- Да уж! Не наша «Голубая мечта» в Порто-Франко! – резюмировала Наташа. – Но и не моя кровать в общежитии ВИИЯ. Но жить можно!

Пока девушки возились с влажной уборкой, я переоделся из камуфляжа в летний костюм и сбежал за продуктами в магазин, расположенный через дом. Кроме того, что можно было сжевать без приготовления, купил кусок нежирной свинины и замороженную курицу в полиэтиленовой упаковке с надписью «Золотое яичко». Производство – город Золотое. Заодно – три десятка яиц в лотке из серой прессованной бумаги. На удивление, были в наличии свежая картошка и овощи: огурцы, помидоры, редиска, разные травки. А ещё – бочковой квас! Сейчас сбегаю домой за какой-нибудь тарой, и мы окрошечку сварганим!

Пока я возился на кухне с то ли поздним завтраком, то ли ранним обедом, девушки успели закончить с уборкой и распахиванием вещей по шкафам. А поскольку, как говорил кот Матроскин, совместный труд для моей пользы объединяет, на мой зов к столу они явились вместе, улыбающиеся и мило щебечущие. Причём, Люда – в одном из Натальиных платиц, прихваченных ещё из Москвы. Ничего, что оно было Людмиле великовато, она уже знала, где и сколько ушьёт, чтобы всё стало впору.

После еды мы усадили свою гостью за компьютер, который ей супруга уже продемонстрировала, смотреть «Человека с бульвара Капуцинов». В наушниках, разумеется, поскольку «через эти динамички ты всё равно ничего толком не услышишь», а сами отправились... Вы правильно догадались. Официально это называется «поговорить на семейные темы».

Разумеется, пришлось рассказать моей любимой, и откуда свеженький шрам на лопатке, и что вообще вытворял её супруг в дни разлуки. Разумеется, упустив эпизод с чудо-чаем горничной Ларисы. А она – о скучной жизни в Магнитке и приключениях экипажей судов, оставленных нами почти в устье Студёной. Рассказывали всё это друг другу в перерыве между более приятными занятиями... И к тому моменту, когда Люда принялась хохотать над стонущим с кляпом во рту пастором, мы уже выглядели чинно (если не считать Наташиного выражения лица сытой кошки), были прилично одеты и готовы к выезду в СГБ.

После краткого разговора с Наташей, Воздвиженский попросил её подождать меня в приёмной.

- Жалуются на тебя, Николай!

- Анатолий с Андреем, что ли?

- Если бы! Прокуратура! Вот, с утра принесли мне бумагу с требованием разрешить твой арест. Пишут, что ты, пользуясь служебным положением и угрожая оружием, напал на прохожих, одного из них избил, а остальным грозился убийством. И лишь прибывший милицейский наряд сумел пресечь это безобразие. Но ты, воспользовавшись удостоверением сотрудника СГБ, отказался подчиняться задержанию и убыл в неизвестном направлении вместе с девушкой, взятой тобой в заложницы. Что скажешь?

- Я вам, товарищ генерал, даже могу назвать фамилию человека, подписавшего это писюльку. Шнеке, верно?

- Хм... И где же вы успели с ним пересечься?

- Не поверите, Максим Георгиевич, но я его никогда в глаза не видел.

История Людмилы вызвала сочувствие генерала.

- Это ты правильно поступил, что девчущку спрятал! А жена как к ней отнеслась?

- Вроде бы нашли общий язык.

- В общем, подашь на неё заявку на перевод в санчасть Лаборатории № 1. А я прикрою тебя от этого «Улитки».

- Кого?

- Шнеке. Его фамилия с немецкого переводится как «Улитка», хотя, как ты верно подметил, он внешне больше на слизняка похож. Были на него материалы, которым следовало бы дать ход... Но учти: ещё раз узнаю, что ты на улицу высунулся без охраны, голову сниму! По крайней мере, до тех пор, пока на связь с Большой Землёй не выйдешь, никаких кино, посиделок в ресторанах, и прогулок под луной!

- Блин, а мы сегодня вечером договорились с Иваном Андреевичем, Семёном Марковичем, Строковым, Толиком и Андреем посидеть где-нибудь.

- Если с Толиком и Андреем, то сидите на здоровье. Но без них – ни-ни! Ни ты, ни супруга! Даже в магазин! И девицу эту не выпускай из дому одну, если не хочешь узнать, что она скоропостижно стала фрау Шнеке.

Вечером мы действительно устроили посиделку в небольшой частной забегаловке неподалёку от моего дома. По названию заведеньца, «Баку», было ясно, кто по национальности его хозяин и какой кухней в нём кормят. Не «Рогач» Арама, конечно, но близко по качеству блюд. И подбор напитков соответствующий: натуральные виноградные вина, коньяк, чача.

Мужчины подзаряжались крепкими напитками, дамы весь вечер тянули красное полусладкое. Причём, Наташа даже не одолела полбокала, уже поверив, что начинаются нелёгкие месяцы беременности. Ели, пили, рассказывали... Мы с Чёрным, Серым и Строковым – о наших боевых приключениях, жена, Дед и Райзман – об их встречах в Магнитке. Вспомнили, как драпали от тайфуна, про бой на острове Тонком. Помянули погибшего в нём парня с Анадыря и убитого по приказу Сквирчевского Носова. Наташа призналась, как ей было страшно во время первой нашей схватки с дорожными бандитами по дороге из Нойехафена, Райзман поведал о позапрошлогодней битве с чеченцами под Береговым. А Людмила лишь удивлённо хлопала глазами и переводила взгляд с одного рассказчика на другого. Пожалуй, за этот вечер она наслушалась столько удивительных историй, сколько за всю свою жизнь не слышала.

- Не тушуйся, сестрёнка, скоро и для тебя начнётся интересная жизнь! – приобнял я девушку. – Одобрил генерал твой перевод в Лабораторию № 1. Послезавтра туда вместе едем! На передовую борьбы за лучшее будущее Советской Республики. Только мы с Наташей на время, а ты – на постоянную работу! Все женихи, переходящие «Стену», твои, поскольку именно ты их и будешь встречать.

- Что, уже послезавтра будете пробовать связаться? – встрепенулся Чёрный.

- Не знаю. Если у Васенко всё готово, то да. Да и не сразу всё может получиться: техника-то по здешнему летоисчислению шестнадцать лет бездействовала, а по тамошнему – и того больше!

Лаборатория № 1, 36 год, 15 июля, пятница, 15:20

Всё прошло нормально! Аж от сердца отлегло.

Наутро мы сопроводили Людмилу в госпиталь, где она уволилась, получила расчёт и трудовую книжку со второй записью в ней: «Уволена переводом в МСЧ № 011. Приказ № 07.215 от 14.07.36». После этого побегали по магазинам, закупая вещи первой необходимости для девушки, а когда сопроводили её домой, поехали в УВД получать Наташин паспорт. Да и мне в мой наконец-то поставили печать о прописке. Оттуда – напрямиком на службу. Ну а вечером занялись сбором вещей, которые нам понадобятся в закрытом городке. Дело могло затянуться на несколько дней, и нужно быть готовыми прожить их в нормальных условиях.

До Лаборатории добирались на «уазике». Не таком, как был у меня, навороченном, от итальянской фирмы «Марторелли», а на «классическом» армейском, с брезентовым верхом, сиденьями, обшитыми «шкурой пожилого дермантина» (в смысле – с потёртой, растрескавшейся от старости обшивкой) и бензиновым карбюраторным движком. Тесновато, жарковато впятером, но часок можно потерпеть.

Наконец-то я смог спокойно посмотреть на места своей боевой славы без прикидок, куда сыпаться с брони в случае обстрела или откуда удобнее гранаты бросать. Поржали с мужиками, рассказывая, как Симоненко задержали на три часа пустышками – ничем не подтверждёнными транспарантами «Осторожно, мины!». Показали девушкам обгорелое пятно от сожжённого мной грузовика перед мостиком. На самом мосту возились строители, расчищая полотно для демонтажа подорванных балок.

Ещё два чёрных пятна на месте сгоревших «Градов», несколько воронок от миномётных мин. А сам объезд дорожники уже успели благоустроить, даже полный привод врубать не пришлось при форсировании овражка с ручейком. Следом и до артпозиции с пятнами вытоптанной травы добрались...

А в четырёх километрах – первый КПП, где у нас проверили предписания и документы. В обе стороны от дороги за ближайшие холмы тянется «колючка», на которой через равные промежутки висят предупреждающие знаки «Проход и проезд запрещён» и уже знакомые «Осторожно, мины!». Вдоль дороги и примкнувшей к ней практически вплотную «железки» – тоже колючая проволока с теми же табличками.

Ещё один КПП. Теперь уже с дзотами по бокам от дороги. Вдоль очередного ряда колючей проволоки протоптаны тропинки. То ли для обхода охраняемой территории, то ли для смены дежурных в дзотах, парочка которых угадывается на склонах холмов в отдалении.

Долина здесь сужается, её прикрывают довольно крутые горы, образуя ограниченный скалами угол. А впереди уже солидный блок-пост из бетонных блоков. За ним – пара железных ворот, одни для автотранспорта, другие для железнодорожного. И трёхметровый бетонный забор, упирающийся своими концами в скалы. Где-то в полукилометре от ворот в обе стороны – по бетонному ДОТу. Да здесь не только батальон, здесь полк пехоты вряд ли прорвётся! Если без танков, конечно.

При въезде на территорию за забором, шмонали и нас, и машину. А поскольку Васенко уже вышел навстречу, долго ждать его прихода, как того требовал ещё не отменённый приказ Воздвиженского, не пришлось.

Мужчины обнялись с Григорием Никитичем, как старые друзья. А разве не так? Сначала опасный морской переход, потом трудный перелёт и особенно – безумная посадка «летающей лодки» на шоссе. Столько вместе пережито!

Серый, подсадив провожатого из числа солдатиков, поехал с ним к «штаб-квартире», как в шутку охарактеризовал административное здание Васенко, а мы всей компанией решили пройтись пешочком по тенистой аллейке, слушая рассказ начальника Лаборатории о том, как он здесь готовился к отражению нападения.

Документы нам оформили молниеносно. В том числе – на три комнаты в общежитии: нам с Наташей, Анатолию с Андреем и Людмиле.

Казармы роты охраны, дом офицерского состава и общежития для персонала располагались в отдельном секторе, ближе к внешнему забору. Почему внешнему, а не просто к забору? Да потому, что был ещё один, внутренний, отделяющий, так сказать, промышленную зону от жилой. И проходной в промзону являлось как раз административное здание.

Кабинет начальника Лаборатории по здешней административной «моде», на которую я уже обратил внимание, располагался в торце здания на верхнем, втором этаже, и его окна выходили на обе стороны. Нет, вру. На три. Два окошка с торца глядели на горный массив с крутыми скалистыми склонами.

Как рассказал Васенко, первые год-другой Переход в этот мир находился немного подальше, примерно там, где сейчас стоит второе КПП. Позже его перенесли внутрь скального массива, перефокусировав установку в Межгорье. Для этого пришлось пробить штрек в скале, а когда грузо- и пассажирооборот между мирами приобрёл промышленные масштабы, ещё несколько. Тогда же выстроили и ряды ангаров, где происходила сортировка и перевалка грузов. Там же, в

промзоне, находился и пассажирский терминал, а также карантин для вновь прибывших. При карантине действовала и медсанчасть, где теперь будет работать «моя сестрёнка».

Территория Лаборатории вместе с жилой зоной оказалась весьма приличной, около пары квадратных километров. Григорий Никитич объяснил это тем, что, в отличие от Орденских Баз, здесь шёл и обратный поток грузов. Именно поэтому даже железную дорогу до Советска сразу же прокладывали двухпутную. А на территории промзоны находилось небольшое депо. Ныне депо законсервировали, а подвижной состав перевели в столицу.

К Лаборатории подведена и отдельная ЛЭП от ГЭС на реке Белой, плотина которой находится значительно ниже Советска. А на случай аварийного отключения электричества имелась и мощная дизель-электростанция, способная обеспечить питанием не только городок, но и оборудование Перехода.

- Какие у нас планы? – поинтересовался я, когда наш «экскурсовод» закончил свой рассказ.

- До четырнадцати часов занимайтесь обустройством. А в четырнадцать ноль-ноль прошу быть на проходной в промзону. Получите пропуска: вы временные, а Людмила Ячнева постоянный. Потом она отправляется в медсанчасть оформлять документы и проходить медосмотр, а мы идём в зал управления одного из штреков. Проверяем аппаратуру, настраиваем технику, и в полдень начинаем.

- Ой, а можно я с вами? Ну, хоть на минуточку, хоть одним глазком взглянуть! Я медкомиссию пройти и документы оформить могу хоть прямо сейчас: всё равно у меня вещей почти никаких, я их и потом растолкать по полкам смогу!

Васенко вопросительно посмотрел на Люду, а потом на меня.

- Ну, Григорий Никитич, ну пожалуйста!

- Ох, Ячнева! Ох, чувствую, нахлебаюсь я с тобой горя! – засмеялся Васенко. – Это ж секретный объект, а тебе всё детские игрушки!

Девушка начала было скисать, но начальник Лаборатории сменил гнев на милость.

- Ладно уж! Поприсутствуй при историческом моменте!

Сам разрешил, сам теперь и отбивайся от кинувшейся на шею девчонки!

Сошлись на том, что она из МСЧ придёт к проходной, чтобы поменять пропуск на карточку с шифром-штампиком, разрешающим разовый проход в Гору.

Общежитие больше напоминало старый санаторный номер: две кровати (я проверил – в одну широкую сдвигаются!), стол, пара тумбочек, пара стульев, выход на длинный, во весь этаж, балкон, перегороденный заборчиками в два прутка арматуры. В прихожей – встроенный шкаф для одежды, ещё один в комнате, придвинут к стенке санузла. В санузле унитаз, раковина и закуток с лейкой душа и дыркой в полу для слива воды, старенькое зеркало над раковиной. Санузел внутри полностью отделан простенькой коричневой кафельной плиткой.

Постельное бельё получили у коменданта, спокойной доброжелательной женщины лет пятидесяти, представившейся как Нина Фёдоровна. Она же нам рассказала, что в пристройке, соединяющей два корпуса общежития, работает столовая. Но действовал сейчас только один, хотя «администрация» (они так Васенко называют, что ли?) предупредила, чтобы второй

корпус тоже подготовили к заселению.

- Ну, наконец-то! – не сдержала эмоций Нина Фёдоровна. – А то сколько можно прозябать?! ...А я вас узнала! Я вашу фотографию в газете видела! Так вы именно для того, чтобы Переход восстановить, сюда приехали? Ой, расскажите потом, как всё прошло?

Пожалуй, вечером все уже будут знать, и кто мы, и зачем, и как всё прошло.

Обыденно всё прошло. Протопали по длинному коридору в горе, поднялись по лестнице в просторную комнату, расположенную над железнодорожными путями и заставленную шкафами с оборудованием. Васенко дал отмашку техникам, которые принялись щёлкать тумблерами и нажимать кнопки на шкафах и большом полукруглом пульте управления. Радист настроил рацию на указанную мной частоту, и пробежал глазами по короткой колонке пятизначных цифр.

Толстое стекло достаточно хорошо ослабляло звук, и уже знакомого воя установки мы почти не слышали. Да и арки с жёлтыми цилиндрами, виденной нами с Наташей при Переходе из Москвы, не было. Вместо неё – утопленная в облицовку тоннеля металлическая полоска по кромке ровной бетонной стены в конце коридора.

Не было и «ртутного» колеблющегося зеркала, образующегося при открытии канала. Просто серая стена посветлела и стала похожей на обычное настенное зеркало, в котором отразился слабо освещённый коридор и наш «скворечник». Никакого дрожания, никаких волн по поверхности. Может, из-за более стабильного состояния Перехода, чем этого удалось добиться учёным Ордена?

- Рабочий режим! – сообщил человек в белом халате, сидящий за пультом.

Я кивнул вопрошающе глядящему на меня радисту, и он застучал по клавишам машинки, преобразующей буквы и цифры в сигналы морзянки.

«Железисто, железисто, железисто, слушайте меня» - послышался тонкий писк из крошечного динамика, дублирующего звук сигнала, идущего в эфир... И в конце передачи – тоже стандартное – «как дела». Минутная пауза – и снова всё повторяется. И в третий раз.

Опаньки! Радист хватается за карандаш и начинает писать. А я включаю ноутбук, лезу в жутко запаролённую папку и открываю файл с вариантами возможных ответов.

Это не шифр какой-то! Это просто фиксированная комбинация цифр, значение которых сводится к единственно возможному варианту. Можно было бы просто одну цифру передать, чтобы я понял. Но на случай помех перестраховались так, чтобы даже по фрагменту передачи было понятно, что имел в виду радист на той стороне. Обозначает эта комбинация: «Ваш сигнал принят, информацию передал «наверх», следующий сеанс связи через заранее обусловленное время».

- Подтвердите, что радиограмма принята и давайте отбой!

Эти протокольные кодовые сокращения любой радист знает!

- Всё, Григорий Никитич! Можно выключать!

- Готово? – сияет Васенко.

- Готово! – не меньше его рад я.

Всеобщее оживление не разделяет только Людмила, которая недоумённо смотрит, как взрослые люди восторженно хлопают друг друга по плечам, жмут друг дружке руки, улыбаются во весь рот.

- И это всё, что ли?

- А чего ты ожидала? – рассмеялся я. – Что сейчас из Стены попрут эшелоны с транспарантами на тепловозах «Большая Земля приветствует мужественный народ Советской Республики»? Подожди, не всё так сразу. Будут, надеюсь, и эшелоны. Но до этого момента ещё придётся потратить кучу времени и нервов на то, чтобы руководство России дало отмашку восстановить всю инфраструктуру Точки Перехода по ту сторону Стены. Главное – они ТАМ знают, что здесь всё в порядке, и мы готовы возобновить с ними взаимовыгодное сотрудничество. И они готовы обсуждать это.

- А ты им шифровку отправил?

- Не шифровку, а кодовый сигнал.

- А какая разница?

- Большая. Такая же, как между запиской и нашей с тобой договорённостью, что если на улице тепло, то ты, выйдя из подъезда, помашешь мне обеими руками, а если холодно – одной. Мы сейчас ТУДА обеими руками и помахали.

- И что дальше?

- Сейчас ТАМ, на той стороне Точки Перехода, около часа дня, пятница, 16 августа 2002 года. В Москве – одиннадцать часов. Подозреваю, что в течение нескольких минут у кураторов проекта начнут звонить все телефоны, как стационарные, так и мобильные.

- Какие?

- Персональные переносные. Мою карманную рацию видела? Вот такие же карманные радиотелефоны.

- От звонков которых ни спрятаться, ни скрыться! – вздохнула Наташа. – Величайшее благо и величайшее зло современности!

- Этим кураторам доложат, что я вышел на связь и «помахал обеими руками». Они срочно соберутся на совещание, часа через два-три после которого кто-то из них сядет в самолёт. Ещё часа через три окажется в закрытом городке Межгорье, если воспользуется вертолётom. Вот после этого всё и закрутится... Не эшелоны с кумачовыми транспарантами, а пока ещё долгие, нудные переговоры. Хорошо, если через месяц появится первый практический результат! Но ты не расстраивайся: это уже будет обыденная рутина, а тебе удалось присутствовать при важнейшем для Советской Республики историческом событии – первой удачной связи с Большой Землёй после стольких лет изоляции!

- Я себе исторические события как-то по-другому представляла...

- Тем не менее, оно действительно важнейшее и действительно историческое. Думаешь, Григорий Никитич от нечего делать сразу бросился докладывать по телефону в Советск, что всё прошло успешно?

Лаборатория № 1, 36 год, 16 июля, суббота, 21:40

Но перед началом нудных переговоров было несколько радостных минут.

Во-первых, Васенко, закончив телефонный разговор с Воздвиженским, передал всем присутствующим благодарность от генерала и сообщил, что эта благодарность будет занесена им в трудовые книжки. Во-вторых, Наташа, отправившаяся проводить Людмилу на её новое место работы, вернулась в общежитие с известием, что воспользовалась случаем и посетила гинеколога, который подтвердил, что моя жена беременна. И я скоро стану отцом! Где тут деревяшка, по которой можно постучать, чтобы не сглазить?!

Второй сеанс связи, черед двенадцать часов после первого, обошёлся без обмена кодовыми посылками. Радисты просто обменялись позывными, после чего с Большой Земли пришла просьба перейти в телефонный режим и передать мне микрофон.

- На связи.

- Здравствуйте, Николай Валерьевич. Это Иван Иванович.

- Доброй ночи, Иван Иванович. Я почему-то так и думал, что именно вы прилетите на связь со мной.

- У меня к вам вопрос, майор: вы можете воспользоваться скремблером для наших переговоров?

- К сожалению, нет. После почти двадцати лет изоляции здесь очень большие проблемы не только со сложными электронными устройствами, но даже с простейшей элементной базой для обыденных у вас электронных приборов. Предел технологии – миниатюрные электролампы малыми сериями.

- Хорошо, попробуем обойтись без него. У вашей группы всё в порядке?

- Так точно. С местными властями вступили в контакт три недели назад. По здешнему календарю. Были определённые проблемы с пониманием необходимости возобновления связи с Большой Землёй у части руководства, но сейчас они решены. Кардинально. Теперь есть полная поддержка.

- Как здоровье супруги и вашего родственника?

- Спасибо, всё прекрасно. Иван Андреевич сейчас в Советске, а Наталья рядом со мной. Сегодня обрадовала меня известием, что я вскоре стану отцом! Могу передать микрофон ей.

- Разумеется, если вас это не затруднит!

Наташа очень удивилась, но надела наушники.

- Да... Спасибо, Иван Иванович... Я сама об этом узнала только сегодня... Я ещё после ваших слов о подрастающей смене во время нашей предыдущей встречи обратила внимание Николая, насколько вы галантны... Конечно! Вас просто невозможно забыть... Нет, я в этом практически

не участвовала. Муж – да. Даже умудрился ранение получить... Нет, уже всё в порядке: местные препараты просто творят чудеса! Шов на ране затянулся буквально за двое суток!.. Конечно... Передаю ему микрофон...

- Прошла проверку? – улыбнулся я.

- Вроде бы... - с улыбкой пожала плечами супруга.

- На связи.

- К сожалению, Николай Валерьевич, для принятия решения о полноценном возобновлении работы Перехода нам требуется дополнительная информация. Много информации. Чтобы выйти на высший уровень руководства, нам необходимо предоставить ему убедительные доказательства того, что это не только не повредит Российской Федерации, но и позволит решить многие проблемы. Получения её от вас в достаточном объёме возможно лишь в двух случаях: либо путём компьютерной связи, что в ваших условиях, как я понимаю, неосуществимо. Либо если вы согласитесь на некоторое время оказаться по эту сторону Перехода. Подумайте об этом.

- Хорошо.

- Есть ещё одна проблема, которую я и не хотел обсуждать по открытому каналу связи. Но если нет возможности шифрования речевого сигнала, придётся рискнуть и говорить открытым текстом. К сожалению, за двадцать лет нами утрачена значительная часть документации на оборудование Перехода. Ещё хуже то, что мы лишились специалистов, которые могли бы эксплуатировать и обслуживать это оборудование. Как говорится, иных уж нет, а те далече. Поэтому мы не можем вам переслать шифровальную аппаратуру. И вопрос, интересующий меня, нужно обсуждать с людьми, которые принимают решение. У вас есть прямой выход на руководство компетентных органов и местной администрации?

- Так точно. И я, и жена зачислены в штат Службы государственной безопасности с сохранением званий, полученных во время службы в ФСБ. Моя должность – начальник управления инновационных проектов, находящегося в непосредственном подчинении начальника Службы генерала Воздвиженского, старший лейтенант Колесова мой единственный – пока единственный – подчинённый. Одновременно генерал Воздвиженский является первым заместителем председателя Совета Министров. Простите, исполняющим обязанности первого заместителя: к сожалению, наше появление здесь спровоцировало серьёзный политический кризис. Правительство отправлено в отставку, глава правительства арестован, а парламент объявил о досрочных выборах. Но вы же знаете, что руководителей спецслужб без крайней нужды не меняют. Подойдёт вам такой вариант?

- Его компетенции более чем достаточно! Вы сможете передать сказанное мной генералу и в ближайшее время организовать наш с ним прямой контакт? Скажем, через двадцать четыре часа.

- Передать – несомненно. Организовать прямой контакт именно в указанные вами сроки – с высокой степенью вероятности. Генерал, как никто другой, осознаёт необходимость скорейшего восстановления работы Перехода и прилагает максимум усилий для того, чтобы Переход заработал снова.

- И ещё. Наш разговор будет... не для чужих ушей, но потребует вашего присутствия и присутствия человека, отвечающего за техническую часть проблемы. У вас есть возможность

организовать хотя бы дуплексную конференц-связь и возможность участия в... беседе нескольких человек с вашей стороны?

- Уверен, что да!

- Тогда до связи через... Нет, давайте всё-таки не через двадцать четыре, а через двадцать семь часов, чтобы мне персонал базы среди ночи не гонять. Конец связи.

- Конец связи.

Васенко отдал указания закрыть канал и спросил:

- Отсюда будешь генералу звонить или из моего кабинета?

- Пожалуй, от тебя, Григорий Никитич...

Хоть время было и позднее, генерал не спал. Провисели мы с ним на линии почти полчаса, после чего он ещё минут пятнадцать разговаривал с Васенко. Но согласие на приезд в Лабораторию и разговор с «Иваном Ивановичем» дал немедленно, едва услышал о просьбе его организовать.

А накануне сеанса связи состоялся у нас с генералом отдельный разговор.

- У меня нет ни малейшего сомнения в том, что тебя собираются расспрашивать о том, что собой представляет Советская Республика. Как у нас говорят, «выдоить досуха».

- Не только. Их очень интересует информация об Ордене и его колонии. В том числе – о Московском Протекторате и Протекторате Русской Армии. Им важно не промахнуться в выборе, на кого именно сделать ставку, на Республику или какой-нибудь из Протекторатов.

- А ты на кого сделал бы ставку на их месте? Ты – единственный человек, который побывал везде. Что бы ты выбрал?

- Максим Георгиевич, давайте оценим плюсы и минусы каждого из этих государственных образований. Надеюсь, вас такой термин не оскорбляет? Начнём с Московского Протектората. Из минусов – относительная близость к Ордену, коррумпированность верхушки, слабая техническая база, отсутствие стратегических полезных ископаемых и прямого доступа к Воротам. Уже сейчас отчётливо видно, что ехать в МП предпочитает значительно меньше переселенцев, чем стремится в ПРА. Из плюсов – опять же коррумпированность верхушки. То есть при определённом нажиме или подкупе Москва новоземельская может стать марионеткой Москвы староземельской. Но также легко будет перекуплена тем, кто предложит больше «пряников». И у Ордена рычаги влияния куда мощнее, чем возможности России. Купить руководство Московского Протектората можно, в том числе, обещанием подмять под него ПРА. Но оно будет подчиняться лишь до тех пор, пока подчинение Демидовска не станет свершившимся фактом.

С протекторатом Русской Армии интереснее. Из минусов – уголовное прошлое руководства, общественный строй, напоминающий «социализм с человеческим лицом», одно упоминание о котором вызывает раздражение у нынешнего руководства Российской Федерации. ПРА явно в изгоях у руководства Ордена, и Орден периодически перекрывает Демидовску какой-нибудь «краник». То оружейный, то финансовый, то товарный. Плюс почти предельная удалённость от Баз Ордена, что делает любую поддержку Протектората занятием небыстрым и затратным.

Из плюсов – более чёткая и устойчивая государственная структура, приверженность понятиям чести и порядочности – хотя и в весьма своеобразной трактовке – руководства, мощная мотивация населения и практически полная поддержка людьми своих лидеров. Добавим к этому мощные и всё возрастающие военный потенциал и промышленный потенциал, а также наличие собственной сырьевой базы. В результате есть уверенность, что в ближайшие годы ПРА станет ведущим экономическим и политическим игроком этого Мира. Если Орден не предпримет чрезвычайных мер по тотальному удушению этого государственного образования. Но, как мне кажется, это уже не сработает, поскольку Протекторат заработал себе серьёзный авторитет у жителей других анклавов, и шаги Ордена вызовут крайнее недовольство по всему континенту. За исключением, разве что, Американских Соединённых Штатов.

Будь у ПРА собственные Ворота, Россия могла бы превратить его в серьёзный центр влияния этого Мира. Разумеется, тайно, поскольку экономическая ситуация в самой России очень и очень непростая, а зарубежные центры сил, пользуясь этим, фактически диктуют ей свои условия. И Орден, узнав о теневой игре РФ на его поле, надавит на все рычаги там, на Старой Земле, чтобы ещё больше дестабилизировать ситуацию в стране, чтобы у России просто физически не осталось сил, средств и ресурсов для поддержки ПРА. Причём, в случае наличия Ворот, игра могла бы приносить отдачу России. Хотя бы частично, поскольку у Демидовска есть золото, запасы которого предыдущее российское руководство попросту обнуило. Разграбило или сплывило за границу. Кроме золота, возможно подключение государства к официальным централизованным поставкам в ПРА техники, оборудования и вооружений, которые сегодня поступают на Новую Землю либо неофициально, либо частным порядком, либо через посредников, грабящих запасы государственных резервов.

Теперь Советская Республика. Минус, причём, в глазах многих представителей нынешнего руководства страны огромный – сохранившийся социалистический строй. Даже возврат к элементам частной собственности в форме артелей либералов из правительства и олигархов не может удовлетворить. Само слово «Советская» является для них мощнейшим раздражителем, хоть и происходит не от государственного устройства, а от названия столицы. Правда, в последние пару лет, как мне стало известно, взят курс на прагматизм, и отношения возобновляются даже с такими социалистическими реликтами, как Куба и Корейская Народно-Демократическая Республика.

Ещё один минус – удалённость от континента Ордена. То есть невозможность прямо влиять на происходящее на нём. Но это, в то же время, является мощнейшим преимуществом: есть запас времени для того, чтобы к моменту, когда информация о существовании Советского континента и Республики дойдёт до ушей руководства Ордена, СР превратилась в силу, способную заявить о себе. Настолько громко, что Орден просто не посмеет пискнуть что-либо против.

Сегодня же, пока монополистом в заселении и снабжении Нового Мира является Орден, ему ничего не стоит десятком привезённых «из-за ленточки» атомных бомб раскатать Республику до состояния радиоактивной пустыни и сказать, что так и было. А ещё лучше – объявить запрет на плавания за океаны: земель на континенте Ордена хватит ещё на полвека бурного переселения, и стремиться за горизонт ни к чему. К тому моменту, когда этот запрет будет снят, здесь уже снова будут дикие джунгли и почти не останется людей.

Узнать о нас Орден должен даже не от нас, а от жителей «своего» континента. Причём, узнать как о мощнейшей для Нового Мира державе, обладающей независимым от Ордена каналом связи с Большой Землёй и военной поддержкой России.

Наш главный, неубиваемый козырь в глазах Российской Федерации – наличие собственного оборудования Перехода, технология которого в РФ утрачена. Причём, оборудования, несмотря на его техническую устарелость, более совершенного, чем у Ордена. Владея этой технологией и оборудованием, только за счёт перефокусировки Точки Перехода Россия сможет активно влиять на жизнь Нового Мира, конкурировать с Орденом во всём.

Второй козырь – изначальное развитие Советской Республики как будущей части единого народнохозяйственного комплекса СССР. То есть мы быстро можем восстановить производственные мощности, ориентированные на рынок России. Разумеется, далеко не все, поскольку и структура экономики изменилась, и технологии ушли вперёд. Но у нас есть то, в чём Россия испытывает величайшую потребность. Во-первых, золото для наполнения золотовалютных резервов. Во-вторых, алмазы. В-третьих, уран. После распада СССР в РФ осталась одна-единственная урановая шахта где-то в Сибири. Слава богу, сохранили атомные электростанции, но по мере их эксплуатации может возникнуть жесточайший дефицит топлива для них. В-четвёртых, редкие виды полезных ископаемых, которые сегодня Российская Федерация закупает на международных рынках за валюту или за то же золото. Ещё один интерес руководства РФ – то, из-за чего, собственно, и был закрыт Переход. Препараты, способные продлить жизнь и вылечить опасные болезни. Небольшие поставки за высокую цену не создадут всемирного ажиотажа, но помогут нам получать из России нужных нам специалистов.

Благодарности не будет. Будет жёсткий капиталистический подход: вы покупаете? Мы продаём. Не можете купить? Ваши проблемы! Даже просьба передать документацию на оборудование Перехода и обучить специалистов им пользоваться должна быть оплачена. В первую очередь – техникой, технологиями, оборудованием. Пусть устаревшими на Старой Земле. Наоборот, для нас это даже лучше! Безболезненно перескочить одним прыжком через двадцатилетний технологический разрыв не получится. Пусть первые поставки приучат персонал и население к произошедшим сдвигам, к изменившейся культуре производства.

Это будет выгодно и России, поскольку поможет ей избавиться от необходимости утилизации устаревшей техники. Я вас уверяю: даже банальный автопарк вчерашнего дня здесь покажется верхом совершенства! Даже устаревшие компьютеры, которые не могут найти сбыта ТАМ, смогут произвести здесь такой рывок вперёд, о котором вы даже не мечтали. Главное – торговаться, как самая черноротая торговка с одесского Привоза. У них есть то, что им не нужно, но нужно нам. У нас есть то, чего не хватает им, но нам почти не мешает.

Но в первую очередь нам нужны люди. Специалисты, которые способны обучить наших людей современным технологиям, компьютерной грамотности. Прежде всего, компьютерной грамотности, поскольку компьютеры сегодня – основа основ всех технологий. От развлечений и связи до управления сложнейшими технологическими процессами и научных расчётов.

- Такое ощущение, что ты – не майор ФСБ, призванный отстаивать интересы пославшей тебя страны, а её недоброжелатель! – помолчал с минуту, выдал Воздвиженский.

- Зря вы так, Максим Георгиевич! – обиделся я. – То, что я сейчас наговорил, точно также в интересах России, как и в интересах Советской Республики. Да, это во многом противоречит чаяниям либерального, компрадорского крыла российского руководства. Но они потому и компрадоры, что работают не на свою страну, а в лучшем случае – на собственный карман. И чем меньше им удастся положить в свой карман, тем богаче и сильнее окажется Россия.

- И всё-таки, на кого бы поставил ты, если бы тебе пришлось принимать решение. Попробуй представить себя на их месте.

- Если честно, я бы не стал класть все яйца в одну корзину. Основную ставку я бы сделал, конечно, на Советскую Республику, поскольку это выгоднее и начнёт приносить прибыль фактически мгновенно. Но параллельно искал бы возможности сотрудничества с ПРА, чтобы создать задел на будущее, когда через этот Протекторат можно будет влиять на ситуацию на континенте Ордена. И нам нужно делать то же самое: у нас с Протекторатом Русской Армии много общего, мы можем дополнить друг друга.

Лаборатория № 1, 36 год, 16 июля, суббота, 29:05

Что-то я перескочил через события того дня, когда мы ждали приезда генерала...

Выходной день был выходным далеко не у всех. Например, технари жили активной половой жизнью с двумя УКВ-радиостанциями и усилителями звуковой частоты, согласовывая это всё для организации дуплексной, то есть работающей на одной частоте на приём, а на другой на передачу, радиосвязи с возможностью подключения нескольких микрофонов. Секретчики шуршали в архиве, комплектуя копию полного комплекта документов на оборудование перехода. А Васенко экзаменовал оставшихся в наличии троих старших смены в знании принципов работы и конструкции оборудования Точки Перехода: кто-то один из них должен будет отправиться на Большую Землю, чтобы обучить тамошний персонал. Я же полдня корпел над обещанным Воздвиженскому отчётом по боестолкновениям. Пока мозги не закипели...

А когда они закипели, потащил Наташу на стрельбище воинской части.

- А можно, я тоже с вами?

Людмила явно не находила себя после изгнания из семьи и всё время крутилась возле нас.

- Конечно! Только ты стрелять-то умеешь?

- В школе на НВП пару раз стреляла из автомата!

- А из пистолета?

- Не-е-е!

- А хочешь попробовать?

Автомат она действительно разобрала и собрала «на ура». Со стрельбой с планочного прицела справилась удовлетворительно. Я дал ей испробовать коллиматорный прицел. Результаты сразу улучшились, и сопровождавший нас стрелковый инструктор охранной роты тоже загорелся желанием испытать, что это за чудо такое у меня на автомате необычного вида. Разумеется, не просто так: под такое дело я выцыганил у него сотню патронов, чтобы компенсировать то, что мы сожгли во время тренировки.

Коллиматор понравился и инструктору. Особой разницы между привычным ему АКМ и АК-103 он не обнаружил, хотя лучшую эргономику и меньший увод автомата из-за изменённой конструкции дульного компенсатора отметил и похвалил.

Первую серию из десяти выстрелов из «Стечкина» Людмила провалила. Только к концу магазина дело наладилось. Всё-таки сказался не самый эргонометричный угол наклона рукоятки. Лишь последние пять пуль легли в мишень более или менее нормально. Поторговавшись с инструктором, уболтал его на сорок «макаровских» патронов для АПБ, и мы с ним показали куда более высокий класс стрельбы. А вот пострелять ему из «Глока» не

пришлось: ещё неизвестно, когда я доберусь до «Удачи», чтобы пополнить свои запасы патронов для него. Поэтому единственный «глоковский» магазин, приговорённый к уничтожению, жгли втроём: я, Наташа, и оставшиеся в нём пять патронов – Людмила. Которой это оружие очень понравилось из-за его удобства. А она понравилась оружию, позволившему девушке ни разу не промазать по цели.

Кто в армии занимается самыми неприятными работами? Правильно, самый молодой! Поэтому я и припахал Люду чистить мой АК. А сам «сачковал» на приведении в божеский вид пистолетов. Время от времени контролируя качество работы «салаги», пока не добился, чтобы всё было сделано, как полагается.

На бухтение «сестрёнки» по поводу того, что я к ней придираюсь, пришлось разразиться нравочениями о том, что лучше устать и вспотеть при чистке и смазке оружия, чем оказаться холодным и неуставшим в морге. Но сама возня с оружием Людмиле понравилась, и она, отмыв руки от масла, тут же заявила, что в следующий раз опять пойдёт с нами стрелять.

В основных чертах свой доклад к приезду Воздвиженского я закончил. Жаль, не было принтера, чтобы его можно было распечатать. Но переписывать с монитора куда легче, чем разбираться в многочисленных правках написанного от руки черновика. Поэтому, отправляясь на встречу с начальником СГБ, усадил Людмилу переносить текст с компьютера «на бумажный носитель», чтобы завтра можно было вручить генералу уже готовый документ. И не надо обвинять меня в эксплуатации молодёжи! Ради общения с компьютером девушка была готова даже на такую дурную работу. Тем более, по её завершении Наташа пообещала ей поставить «кино про красивую любовь» - знаменитый «Титаник».

А потом был мой разговор с генералом о плюсах и минусах. И долгая, трёхчасовая беседа по радио с «Иваном Ивановичем».

В этом разговоре меня очень удивило упоминание генерала ФСБ (вот когда выплыло его звание!) о ядерном оружии Советской Республики. Воздвиженский заявил, что все десять боеголовок исправны и надёжно охраняются. И когда мы втроём вернулись в кабинет Васенко, я набрался наглости и прямо спросил Максима Георгиевича, о чём шла речь.

- А ты думаешь, всё здесь развивалось исключительно с благотворительными целями? - засмеялся он. - Ещё в пятидесятом году начались работы по изучению возможности настройки Перехода отсюда в заданные точки Старой Земли, чтобы в случае необходимости подбросить свинью наиболее вероятному противнику. Ведь у СССР долгое время были заряды, но не было средств их доставки. Ни межконтинентальных ракет, ни самолётов, способных долететь до США. Ты в курсе, что у первых бомбардировщиков с атомными бомбами боевой приказ означал полёт в один конец? Поскольку их дальности на возвращение просто не хватало. Вот какому-то умнику и пришла идея в случае ядерного конфликта нанести удар из другого мира.

Проект реализовали к концу 1950-х. Научились с точностью до пяти метров перефокусировать Точку Перехода. Чисто по координатам. А потом случилось то, что называется «Карибский кризис». 27 октября 1962 года и у США, и у СССР, всё было готово для нанесения взаимных ядерных ударов. Но ночью с 27 на 28 октября советского посла срочно вызвали к американскому министру юстиции Роберту Кеннеди, брату президента, и американцы предложили всё закончить миром. Мало кто знает, что это произошло после того, как на лужайке Белого Дома случилось странное событие: неизвестно откуда появился советский автомобиль ГАЗ-М20 «Победа». Тогда знали толк в символических жестах! Причём, след его шин

начинался примерно в полутора метрах от задних колёс машины. Обнаружили её не сразу, только во время очередного обхода территории охраной, поскольку машина, двигатель которой ещё не успел окончательно остыть, скромно стояла в тени деревьев.

Американцы правильно поняли полутонный намёк, и автомобильный прицеп с более серьёзным грузом в кузове переправлять через Стену не пришлось. Хотя в течение часа установки наших двух «специальных» штолен были готовы обеспечить отправку двух десятков «подарков» в разные точки мира.

Позже, из-за развития ракетной техники, количество боеголовок, находящихся на хранении в нашем подземном хранилище, сократили до десяти. Но очень мощных.

- «Кузькина мать»? - понимающе кивнул я.

- Почти... А поскольку секретность этого проекта была такая, что не надо баловаться, ТАМ о его существовании ведало ещё меньше людей, чем о существовании Советской Автономной Республики. Просто командующий РВСН знал, что приказ энной базе нанести ядерный удар по определённым целям гарантированно лишит ключевые страны НАТО руководства государствами, уничтожит командование блока вместе с командным пунктом и ликвидирует одно-два хранилища ядерного оружия.

Когда Проход заблокировали, мы законсервировали и спецштольни, и хранилище зарядов. Так что не из-за оборудования я так икру метал, когда узнал о приказе разрушить Лабораторию! Эти дятлы могли бы нам своими взрывами штолен обеспечить такое радиоактивное заражение, что тысячи лет здесь было бы опасно появляться. И Советску, питающемуся водой из Белой, в которую впадают текущие здесь ручьи, капец бы пришёл! Нет на свете более страшного яда, чем плутоний! Вот такие дела, Николай свет Валерьевич!

Мдя... Теперь мне стало ясно, для чего вокруг Лаборатории такая мощная оборона!

- Но если была возможность такой перефокусировки Точки Перехода, то почему этим не воспользовались для переправки людей, чтобы восстановить связь с Большой Землёй?

- А куда их переправлять? На лужайку перед Белым Домом в Вашингтоне? Во внутренний двор Пентагона? На территорию какого-нибудь хранилища ядерных боеголовок? - вклинился в разговор Григорий Никитич. - Оборудование, предназначенное для военных целей, перенастраивалось тупой заменой калибровочного блока: берёт оператор железный ящик с табличкой «Цель № 17», втыкает его в соответствующее гнездо, и после включения оборудования Переход открывается в нужном месте. Он даже не знает, где! Перенастройка стационарных грузового или пассажирского терминалов - просто тончайший процесс, который надо будет повторить, чтобы использовать оборудование в штатном режиме. И нет никакой гарантии, что после этой перенастройки на той стороне не потребуется переделывать всю штольню. Там же рельсы и стены до миллиметра подогнаны! Поэтому для переправки Ивана Андреевича Данилова и воспользовались старой установкой, настроенной на заброшенную ещё в 1950-е площадку.

Окрестности Верхоречья, 36 год, 20 июля, вторник, 08:20

Были сборы недолги, от Кубани до Волги мы коней поднимали в поход.

Точнее, от Белой до её притока с названием Инзер, который так окрестили первопереселенцы по аналогии с рекой, протекающей рядом с Межгорьем. Правда, там течёт Малый Инзер, а здесь - просто Инзер. И на Старой Земле Инзер, образующийся от слияния Малого и Большого

Инзера, впадает в реку Сим километрах в шести от впадения Сима в Белую, то здесь он вливается в местную Белую непосредственно, а на месте их слияния стоит город Советск.

Да и коней никаких не было. Даже под капотом какой-нибудь машинёшки, так как в свой поход я ехал на поезде. Честно говоря, оно так даже удобнее: вечером упал на вагонную полку, а утром тебя уже встречают на вокзале в другом городе.

Наташу с собой не брал. Из-за беременности она чувствовала себя не очень хорошо, остро реагировала на резкие запахи. Токсикоз не в самой сильной форме, но за пару дней, пока он проявился, успел попортить и жене, и мне, немало нервов. Особенно – во время обратного путешествия из Лаборатории на нашем «уазике», попахивавшем бензином. Её время от времени начинало тошнить, и пришлось пару раз остановиться, чтобы супругу обдуло свежим ветерком. А поскольку мне нужно было объехать всё Лукоморье и почти всё Загорье, в пути могло быть всякое. Ведь из Верхоречья в Целинники мне всё равно придётся машиной добираться...

Зачем это всё? Да приказали мне! Мой непосредственный начальник генерал Воздвиженский и приказал!

Дело в том, что описанные переговоры с Большой Землёй были первыми, но не последними. 17 июля мы ещё дважды разговаривали с Иваном Ивановичем. Согласовали и сроки отправки специалиста по оборудованию, и нашего с Наташей перехода, и заявки на первые взаимные поставки. Названные Максимом Георгиевичем объёмы ценностей, которые могла поставить Советская Республика, ошеломили моего куратора из ФСБ, и чтобы растопить его недоверие, глава СГБ решил отправить меня в своеобразную инспекцию. Мне следовало прямо на месте снять на мой цифровой фотоаппарат производственные мощности и хранилища, чтобы после перехода на Большую Землю предъявить «партнёрам» доказательства того, что Воздвиженский не привирает. А поскольку времени оставалось не так уж и много, после возвращения домой 18 июля я начал собирать вещи для командировки.

Люда Ячнева, разумеется, расстроилась из-за нашего отъезда, но они с Наташей договорились созваниваться раз в два-три дня. А нам с супругой предстояло наконец-то вернуться в нашу квартиру. Жаль, мне пришлось переночевать в ней после приезда из Лаборатории всего одну ночь. Ну, ничего! После командировки наверстаю!

Вечерний поезд до Верхоречья приятно удивил. Да, старенькие вагоны, но внутри чисто, опрятно. Видно, что недавно его ремонтировали. Вместо дерматиновой обтяжки полки – что-то вроде гобеленовой ткани. В окнах недавно поменяны рамы, а местами и стёкла. Линолеум на полу тоже не очень затёртый. Проводники разносят травяные чаи и кофе, действует вагон-ресторан с кусачими ценами. Ну, и в СССР так было!

Местная особенность – купе-оружейная комната и регулярно обходящий поезд поездами наряд милиции. Базируется он в «штабном» вагоне по соседству с вагоном-рестораном, от которого вскоре после отправления по всему составу проехалась тележка с бутылочной водой, пирожками и прочей снедью, не требующей разогрева.

Меня соседи по купе узнали даже больше по камуфляжу, запомнившемуся по газетным фотографиям, чем в лицо, и мы до самого отбоя разговаривали: я рассказывал про события, произошедшие после закрытия Перехода на Большой Земле, они – о местной жизни. Разумеется, предлагали пойти выпить за знакомство, но я наотрез отказался, сославшись, что на службе. На самом же деле я просто не люблю пить в дороге. Кроме того, наутро мне

предстояло много дел, и не хотелось являться к встречающим «с выхлопом».

Золотое встретило меня грозой. Не тропическим тайфуном, как было в Магнитке, не шквальным ливнем мокрого сезона в Порто-Франко, а давно забытой летней грозой. Ещё толком не рассвело, и вспышки молний озаряли полнеба. Хорошо, что оба перрона вокзала, одноэтажного здания с двумя колоннами по бокам от входа, были прикрыты навесами, а то я вымок бы до нитки, пока топал сначала до перехода через первый путь, а потом до привокзальной площади.

Правда, парень лет двадцати пяти встретил меня прямо у вагона, и мы по открытому пространству шли с ним под зонтом, но левое плечо мне всё равно изрядно промокло. И когда уселись в «копейку», на которой он должен был отвезти меня в городское управление СГБ, сиденье в машине я ему всё-таки подмочил.

Начальнику управления я всего лишь предъявил служебное удостоверение, а о цели моего визита он уже был предупреждён. Зато от кофе и лёгкого перекуса не отказался: из-за разговоров с соседями по купе мне удалось поспать часа четыре, и теперь требовалось взбодриться. Заодно поделились с полковником подробностями событий тех дней, когда шла ликвидация заговора.

Оказалось, что здесь всё прошло не так уж и гладко. Дело в том, что Сквирчевский, до того, как ушёл на повышение в Советск, работал в Золотом начальником управления СГБ, а нынешний хозяин кабинета пришёл ему на смену из Рыбачьего. Поэтому нашлось несколько человек, поддержавших заговор. Чисто из-за того, что были «людьми Сквирчевского», его протеже.

- И что теперь с ними?

- Не сажать же их из-за этого! Одного уволили, поскольку не захотел дальше служить. Двоих понизили в должности и перевели подальше: пограничных пунктов в стране достаточно. Люди ничего плохого совершить не успели, вот и пусть ума набираются. Года через три, при очередной ротации, могут и в более цивилизованных местах очутиться...

Пока мы завтракали и разговаривали, гроза закончилась, и взошло солнце. А туча, пришедшая со стороны Тёплого океана, ушла куда-то в сторону Широкого нагорья. И город засверкал свежей, омытой дождём листвой.

По составу растительности чувствовалось, что здесь климат отличается от Советска. Там на погоду влияли тайфуны и воды Холодного океана, а здесь ещё сказывалось тёплое течение, идущее из экваториального пояса. Здесь было теплее и значительно больше осадков. Поэтому среди деревьев преобладали широколиственные. На такое различие климатических условий повлияли и Барьерные горы. Преобладающие западные и юго-западные ветры ещё доносят тепло и влагу течения до Золотого, а Советску от него почти ничего не достаётся, поскольку остатки дождей выпадают на западных склонах, понижающихся перед Широким нагорьем Становых гор.

Подобное наблюдается и на моём родном Урале. Как только начинаешь с востока спускаться к Аше, лес резко меняется. Вместо сосен, берёз и осин вдоль трассы М5 появляются липы, клёны, дубы. И к тому моменту, когда дорога уходит из долины ручья с названием Ук, вдоль которого она бежит несколько километров, ты оказываешься в совсем другой климатической зоне.

Странная вещь, человеческое сознание. Не знаю, почему, но именно с этим куском дороги, со

спуском по долине Ука, у меня ассоциируется песня Визбора:

Нет мудрее и прекрасней средства от тревог,
Чем ночная песня шин.
Длинной-длинной серой ниткой стоптанных дорог
Штопаем ранения души.
Не верь разлукам, старина,
Их круг -
Лишь сон, ей-богу!
Придут другие времена,
Мой друг,
Ты верь в дорогу!
Нет дороги окончанья,
Есть, зато, её итог.
Дороги трудны,
Но хуже без дорог!

Может быть, из-за следующих строчек? Ведь чаще всего этот кусок я проезжал именно ночью, когда и стоп-сигналы впереди вспыхивают, как сигарета, и фарами перемигиваешься со встречными...

Будто чья-то сигарета, стоп-сигнал в ночах -
Кто-то тоже держит путь.
Незнакомец, незнакомка, здравствуй и прощай,
Можно только фарами мигнуть.

А может, потому что именно на этом участке мне, вчерашнему школьнику, рассказывал о своём знакомстве с Визбором дальний родственник из Уфы, который сопровождал барда в песенном туре по уральским городам? Уже точно и не скажу. Но всегда, проезжая этот кусочек трассы, напеваю песню про то, что хуже мне без дорог, даже если они трудны.

Напеваю... Напевал! Всё, осталась от меня за тридевять миров и моя любимая трасса М5, прозываемая дальнобойщиками «дорога смерти», и спуск от «симской ямищи» к Аше по долине говорливого ручейка Ук! Для кого-то она, может быть, и дорога смерти, а для меня - моя жизнь. И замерзал я на ней, и горел в машине, и снегами меня на ней засыпало, и дождями заливало, а не могу без неё!

Что-то я в ностальгию ударился, а мне ещё работать и работать...

Для начала глянуть своими глазами на добычу золота в долине реки Тихой. Здесь мне много разъяснить не требуется: мой родной Миасс не зря называют городом в Золотой Долине, а самый крупный из сохранившихся в мире золотых самородков, весящий более 36 килограммов, найден неподалёку от города, в посёлке, ныне называемом Ленинск. Знаю я, и что такое драга, и как гидромониторы работают, и какие нормы выработки у миасских старателей. Тем не менее, показатели две тонны добычи с каждой драги в год меня впечатлили.

- Да вы же здесь, получается, просто по золоту ходите! - не удержался я от фразы, которую сам не единожды слышал от гостей Миасса.

- Фактически да! - засмеялся прикреплённый ко мне старший лейтенант, встречавший меня на вокзале.

- А как справляетесь с незаконной добычей? - вспомнил я головную боль миасских правоохранителей.

- А никак. Просто скупаем у населения за половину реальной стоимости. Вы ещё в местные ювелирные магазины не заходили?

- Нет, а что?

- Да стоит оно у нас здесь сущие копейки. Двадцать рублей грамм. Ну, намочит кто-то граммов пятьдесят за месяц. Дороже госцены у него никто не купит, а за эти пятьдесят граммов упадет он куда больше, чем если бы за двести пятьдесят рублей на заводе месяц вкалывал. Бывают, конечно, счастливые находки, вроде полукилограммового самородка, что нашёл на прошлой неделе парень, копая выгребную яму для дачного сортира. Кто-то не хочет сдавать, на память оставляет. Если бы в городе пожилы, наверняка столкнулись бы с тем, что у кого-то мелкие самородочки в качестве украшений интерьера на видном месте лежат. Ну и пусть будут: мы с границами не торгуем, куда нам это золото?

Я-то знаю, куда!

После этого заехали на медеплавильный завод, где не только из медной руды попутное золото извлекают, но и самородное обогащают до «трёх девяток». То есть 99,9%. Там застали любопытную картину: рабочий толкал по проходу тележку со штабелем слитков, пышущих жаром. Вдруг посреди прохода остановился, вытряхнул из пачки сигарету, наклонился к своему грузу и... прикурил прямо от слитка.

- Стас, сигарету не одолжите?

- Вы же не курите!

- Надо!

Я догнал рабочего и попросил разрешения также, как и он, прикурить от раскалённого металла. Тот захохотал, поняв суть просьбы, и я довольно смоля цигаркой, спустя минуту вернулся к сопровождающим:

- Да у меня же все знакомые от зависти передохнут, когда я похвастаюсь, что от тонны золота прикуривал!

Даже больше, чем от тонны! Три слоя по тридцать слитков, каждый весом более 12 кг. Удачно мы попали на завод! А фотография тележки прекрасно проиллюстрирует, что производство золота в Советской Республике - не миф.

Было потом посещение хранилища золота.

В Форт-Нокс мне не доводилось заглядывать, а вот подземелья в окрестностях Золотого, скрытые в горном массиве и охраняемые не менее серьёзно, чем Лаборатория № 1, оставили впечатление! Начнём с того, что здесь хранится не только золото в слитках и крупных самородках. Огромные опечатанные стеклянные банки, заполненные небольшими негранёными алмазами, рубинами, сапфирами, изумрудами впечатляли количеством «камешков» внутри них. Отдельные боксы занимали самые крупные представители мира драгоценных камней: алмазы, размером с лесной орех, друзы самоцветов, самые крупные кристаллы в которых превышали 30-40 сантиметров в высоту. Ну и, само собой разумеется,

штабеля трапецидальных золотых слитков, длиной 25 сантиметров и шириной 7 сантиметров. Таких, от которых я прикуривал несколько часов назад.

По моим прикидкам, в этой пещере Али-Бабы, не менее трёхсот тонн золота. Ошибся я ненамного. «Хозяин» всех этих сокровищ назвал цифру 391,5 тонн. Твою мать! Да это же больше, чем весь золотой запас России на 2000 год! Если память не изменяет, историческая Родина на начало того года, когда мы перебрались в Новый Мир, обладала где-то 380 «с копейками» тоннами.

Да уж, подразграбили страну ельциноиды! В Миассе золото вывозили из подземного хранилища, расположенного на территории Ильменского заповедника, грузовиками. Ходили сплетни, что восьмитонный Камаз с драгоценным металлом просто исчез, выехав с охраняемой территории, но не добравшись до указанного в накладной места назначения. Как выяснилось при проследовавшей за этим проверке документов, требование на его загрузку и доверенность со всеми печатями и подписями оказалось фальшивкой. Качественно изготовленной, но фальшивкой. Было ли это на самом деле, судить не берусь, но учитывая масштабы дерибана советского наследия и бардака, творившегося в стране, вполне правдоподобная история!

Перед поездом, где я намеревался отоспаться, пока еду до самой дальней точки своего путешествия, мы ещё раз встретились с начальником управления СГБ.

- Ну что, всё нормально прошло?

- Нормально. Вымотался, правда, как чёрт.

- Ничего, в поезде отоспитесь! Передавайте привет Сергею Петровичу, моему коллеге в Приволье!

На этот раз поезд бы не скорый, как Советск-Верхоречье, которым я добирался до Золотого, а обычный пассажирский, самого длинного в Советской Республике маршрута Химик-Приволье. Останавливающийся, как утверждали пассажиры, «возле каждого столба». В среднем – один раз каждые два-три часа. Эх, товарищи, забыли вы, что такое поезд, останавливающийся возле каждого столба! Я-то хорошо помню состав Кумертау-Учалы, чапающий 380 километров от Миасса до Уфы четырнадцать часов! Притом, что фирменный № 13 «Южный Урал» пробегает этот путь за 6 часов, а скорый – за восемь.

И опять мне не удалось сохранить инкогнито, даже несмотря на переодевание из камуфляжа в спортивный костюм. Спустя полчаса прицепилась соседка по купе, дама лет сорока:

- А где вы такой костюм покупали?

Отбрехаться, что жена где-то по случаю урвала, не удалось: ну, не продают здесь «Адидас»! И кроссовок таких не шьют. А следом меня и в лицо признали. Пришлось чистосердечно каяться, что всё приобреталось в Москве. И понеслось: «попробуйте, какие у меня пирожочки», «может, по пивку за знакомство?». И самое злободневное – «а как теперь ТАМ?» Куда нашего человека не загони, даже за тридевять миров, но даже его дети будут интересоваться, как теперь в России!

Давай с тобой поговорим,
Прости, не знаю, как зовут.
Но открывается другим,
Всё то, что близким берегут.

Ты скажешь: «Всё наоборот,
Согласно логике вещей»,
Но это редкий поворот,
А может, нет его вообще.
Ты помнишь, верили всерьёз
Во всё, что ветер принесёт.
Сейчас же хочется до слез,
А вот не верится - и всё.
И пусть в нас будничная хмарь
Не утомит желанья жить.
Но праздниками календарь
Уже не трогает души.
По-новому, по-новому торопит кто-то жить.
Но всё ж дай бог, по-старому нам чем-то дорожить.
Бегут колеса по степи, отстукивая стёп.
Гляди в окошко, не гляди, а всё едино - степь.
Гляди в окошко не гляди...
Ты только мне не говори
Про невезенье всякий вздор.
И степь напрасно не брани
За бесконечность и простор.
Давай с тобой поговорим,
Быть может всё ещё придёт...
Ведь кто-то же сейчас не спит,
Ведь кто-то этот поезд ждёт.
Сквозь вечер, выкрашенный в темно-синюю пастель,
Несёт плацкартную постель вагон, как колыбель.
Сиреневый струится дым с плывущих мимо крыш...
Давай с тобой поговорим. Да ты, приятель... спишь.

Вот так и я незаметно, под разговоры соседней, заснул, как герой песни моего земляка Олега Митяева. В полусне только почувствовал, как сердобольная соседка, едущая к сестре в Избенку, заботливо накинула на меня простыню...

Проснулся только в Верхоречье. От того, что поезд не качается. Улыбнулся сонной соседке, приоткрывшей глаза, когда я зашевелился, аккуратно закрыл дверь в купе, выйдя в коридор, и потопал к тамбуру.

- Сколько ещё стоять? - поинтересовался я у проводницы, скучающей на перроне.

- Пятнадцать минут. Только на вокзал не бегайте, можете не успеть вернуться.

А мне туда и не нужно. Я просто хочу подышать свежим воздухом, поглазеть, как сонные пассажиры плетутся по перрону от вагонов к вокзалу. Вот-вот рабочий день начнётся...

- Заходите, - командует проводница. - Нам уже зелёный дали!

Как это всё знакомо, как я от этого отвык за два года на Новой Земле!

Соседка уже встала, а сосед с верхней полки ленится. Ему ещё часа четыре ехать с нами вместе, сойдёт на небольшом полустанке, где он работает в сельхоз-артели, производящей

овощные консервы: маринованные огурцы, помидоры, кабачки и прочие дары полей. Так что не только жители Лукоморья обеспечивают прилавки продовольственных магазинов разными вкусностями.

Ему часа четыре ехать, а мне – целые сутки...

- Сейчас плотину ГЭС проезжать будем, - подсказывает сосед, переворачиваясь на живот на верхней полке. – Вид с неё красивый.

Вид действительно красивый. Место для постройки электростанции нашли удачное: реку, зажатую теснинами, перегородили там, где горы начинают расходиться в стороны, открывая на север необъятные таёжные просторы. Река вполне судоходная, даже небольшой порт ниже плотины имеется, но ниже по течению никаких городов нет, лишь небольшие посёлочки лесозаготовителей и охотников. А после того, как она впадает в Таёжную, самую мощную реку на континенте, и вовсе никакого жилья. Осваивать да осваивать эти просторы!

И осваивают! Не на пустом же месте снимали перепев старинной ленты «Девчата», так понравившийся Людмиле. Проблема в том, что людей для освоения не хватает. В первые годы, как Переход закрылся и многие заводы, работавшие на Большую Землю, сократили производство, много народа в Загорье переселилось. Потом как-то всё более или менее устаканилось: старые предприятия переориентировались на местные потребности, появились новые заводи и фабрики, пытающиеся компенсировать возникающий то тут, то там, дефицит самых элементарных бытовых вещей и устройств. Но рабочих рук всё равно как не хватало, так и не хватает. И ещё долго будет не хватать, если хотя бы по сто тысяч ежегодно сюда не переправлять.

Мне ещё сутки ехать...

Целинники, 36 год, 25 июля, воскресенье, 24:15

Приволье – самый маленький город Советской Республики, но «моему родному» Порто-Франко до него ещё расти да расти. Пятьдесят тысяч населения – немного по меркам России, но колоссальный город для орденской территории Нового Мира. Если бы не то, что он стоит непосредственно на берегу довольно полноводной реки Лебёдушка, я бы сравнил его с Веймаром в немецком анклавной Новой Земли. Разумеется, очень разросшимся. Та же ориентация на деревообработку и производство стройматериалов из древесины, те же рубленые избы, те же неасфальтированные улицы. Но Веймар стоит вдалеке от Рейна, поскольку его правый, низкий берег затапливается в мокрый сезон, а Приволье широко раскинулось непосредственно по левому берегу Лебёдушки.

Мост через реку высокий, бетонный. Именно по нему из-за реки регулярно катятся вагоны узкоколейки и лесовозы-ропуски, доставляющие из леспромхозов северного берега кругляк и пиломатериалы. Их разгружают на огромной площадке, носящей название Лесная биржа. Часть после перегрузки уходит по железной дороге на восток, в другие районы Советской Республики, а часть перерабатывают тут же, на крупном лесокombинате, производящем фанеру, ДСП и... опилки. Да, да! Самые обыкновенные отходы, которые здесь умело используют в качестве сырья для дальнейшей переработки.

Но меня в Приволье интересуют вовсе не опилки, не объёмы производства досок и даже не фанера, к изготовлению которой я имел некоторое отношение в своей прошлой жизни на орденском континенте. Неподдалёку от Приволья расположен ряд лабораторий, производящих медицинские препараты, цены которым на Старой Земле не будет. Точнее, цену-то непременно

определят, но настолько высокую, что вряд ли кто-то из обычных людей сумеет воспользоваться ими.

Самое известное – тот самый «эликсир», благодаря которому моя рана заросла, будто по мановению волшебной палочки. Эта сыворотка в Советской Республике входит во все наборы экстренной помощи. Одна из разновидностей данного препарата используется для продления жизни любого гражданина Республики, достигшего пожилого возраста. Отсюда и незначительные затраты на пенсионное обслуживание: большинство людей, достигших пенсионного возраста, работает лет до восьмидесяти, и только после окончательного ухода с работы им начинают платить пенсию в полном объёме.

Получают эти лекарства переработкой крови скальных игуан. Как я понял, родственниц уже известных мне каменных варанов. Игуаны содержатся на специальных биостанциях, где с определённой периодичностью и производится забор «сырья».

Но не только этими двумя лекарствами прославили медицину Советской Республики лаборатории Приволья. В основе медикаментозного лечения печени, почек, желудочно-кишечного тракта лежат экстракты таёжных растений, полученные в здешних исследовательских учреждениях. Не зря же в Приволье создан крупнейший медицинский центр, куда едут лечиться люди со всей страны. Именно на беседы с руководителями его и лабораторий я убил целый день. Зато уезжал из города с объёмистой папкой, содержащей описания действия пары десятков препаратов вместе с клиническими данными об эффективности их применения.

А вот в Избенке порядок пришлось изменить: сначала гостиница, и лишь на следующий день – работа. Так уж сложилось из-за расписания поездов.

Работа не какая-нибудь, а посещение месторождения алмазов.

Несколько десятков тысяч лет назад в окрестностях нынешней Избенки произошёл небольшой армагеддец: сквозь толщу горных пород вырвалась магма. Но не в форме длительно извергающегося вулкана, а в виде взрыва, пронизавшего несколько сотен или даже тысяч метров земной коры. Кроме раскалённых газов и пыли, из километровой дыры в земле на поверхность вылетели миллионы тонн обломков горных пород, содержащих кристаллы чистого углерода, спрессовавшегося давлением и температурой до состояния самого твёрдого в природе вещества – алмаза.

За прошедшее время эрозия почвы не смогла скрыть ни взрывного бруствера, ни воронки от случившегося когда-то катаклизма. Именно здесь, в долине между двумя невысокими горными кряжами, за два года до открытия первой в СССР кимберлитовой трубки «Зарница» и обнаружили трубку «Революция» геологи Советской Автономной Республики.

Её уникальность была в том, что подобные месторождения алмазов на Старой Земле возникли сотни тысяч и даже миллионы лет назад. За такой срок сами выходы кимберлитовых трубок оказались выветрены, размыты водами, занесены более поздними геологическими отложениями. А драгоценные камни, зачастую, унесены водой за десятки и сотни километров от места, где они вырвались из подземных глубин на поверхность. Нередко разрушение претерпевает более половины глубины алмазоносного месторождения. Здесь же – практически целая, неразрушенная трубка. Причём, вылетевшие из неё алмазы ещё почти не успели «уплыть по течению». Добавим к этому и размеры: если карьер трубки «Удачная», представляющей собой не одну, а две сомкнувшиеся при выходе на поверхность

кимберлитовых трубки, достигает 1600 на 2000 метров, то диаметр «Революции» превышает 2500 метров.

Разработку начали даже не с самой трубки, а с поверхности долины. И лишь потом добрались до жерла древнего взрыва, давшего богатейший «урожай» драгоценного камня.

Разумеется, далеко не все добываемые кристаллы пригодны для огранки. Пожалуй, не более 10% из них. Остальное идёт на технические нужды. И если в позднем СССР в значительной части «алмазных» инструментов использовались искусственные алмазы, то в СР на них идут те, что добываются из трубки «Революция». Поэтому и работает в Избенке завод прецизионных инструментов, снабжающий своей продукцией металлообрабатывающие и машиностроительные предприятия Республики.

С 1982 года глубина карьера, из которого добываются зеленоватые кимберлиты, содержащие алмазные кристаллы, выросла со 120 до 221 метра. И, как мне объяснили геологи, до «дна» алмазного колодца ещё минимум четыре-пять сотен метров.

С геологами я сошёлся особенно быстро. Стоило лишь заикнуться, что я родом из Миасса, как тут же половина из них – те, кто постарше – заявили, что проходили практику на научно-производственной базе Ильменского заповедника или бывали в музее заповедника. Поэтому рассказывали мне буквально всё, о чём я спрашивал. Ну а я, в свою очередь, не ленился отвечать им на вопросы о Миассе.

От вечерней беспредельной пьянки (мне ли не знать, как гуляют геологи!) меня спас только билет на поезд...

Сутки в Верхоречье были, по сути, днём отдыха. Только заскочил по приезду в управление СГБ, чтобы договориться о том, в какое время мы с сопровождающим выезжаем в Целинники, а после этого гулял по городу, присматривался к жизни местного населения. По предприятиям не катался, поскольку ничего, представляющего особую ценность для Российской Федерации, здесь не производили. Хотя как знать: медь, никель, титан, ванадий тоже не самые дешёвые и бесполезные металлы...

Приятно было, что предприятия, производящие это всё, располагались в промзоне на отшибе, и выбрасываемую ими из высоких труб дымовую гадость сносило преобладающими ветрами в сторону Широкого нагорья, а не жилых кварталов. Конечно, в случае восточных ветров, что случалось крайне редко, доставалось и жителям города с населением 160 тысяч человек, но, повторяю, это случалось крайне редко из-за того, что к востоку от Верхоречья располагаются отроги Широкого нагорья.

Как и все виденные мной города Советской Республики, этот центр цветной металлургии очень зелёный. Похоже, здесь удалось переломить идиотскую тенденцию превращения крупных населённых пунктов в царство камня и асфальта. Многочисленные парки, скверы, бульвары с обязательными тенистыми аллеями, где можно просто посидеть на лавочке под деревьями. Или, на крайний случай, высаженная между проезжей частью и тротуарами шеренга деревьев, затеняющая тротуар в летний зной.

По совету, данному моим сопровождающим в Золотом, забежал в местный ювелирный магазинчик, где убедился: действительно золотые изделия очень недороги! Исключение – авторские работы «надомников», являющиеся настоящими произведениями искусства. Не удержался и купил Наташе один из таких комплектов с изумрудами: серьги, кулон и кольцо.

Ну и хрен с теми тремя сотнями рублей! Ещё заработаю! Подумаешь – больше моей месячной зарплаты! Дотянем как-нибудь на остатки моей премии...

Машина, выделенная управлением СГБ для поездки в Целинники, оказалась «Нивой» самой первой модификации – с 80-сильным двигателем и постоянным полным приводом. «Тупая» в разгоне, но «проходимая», как трактор. И уже в семь утра мы пылили по грейдированной дороге на северо-восток, чтобы преодолеть хребет Хвост по наиболее удобному проходу между гор, найденному ещё в первые годы существования колонии.

Дорогу неплохо обустроили: выемки в горушках, насыпи в ложбинках, мостики-трубы через ручейки, стекающие в притоки Таёжной. Изредка попадаются посёлочки и деревушки с крошечными магазинчиками в обыкновенных избах. Каждые километров двести – заправки с шокировавшими меня ручными насосами: качаешь рычаг, а сквозь щель в покорёженной передней панели видно, как одна пятилитровая ёмкость наполняется бензином, а из другой такой же топливо уходит в бак. Потом переключаешь ещё один рычажок, и та, что наполнялась, начинает пустеть, а пустая наполняться. Толстая же стрелка указателя с громким щелчком перескакивает на следующее деление. Такие колонки мне попадались на заправках машинно-тракторных станций в глубоком детстве, когда дед брал меня в рейсы в какое-нибудь село.

Топливо, в основном, двух видов: солярка и А-76. «Девяносто второй» попадает не везде, но Сергей, приданный мне водитель, говорит, что в городах его достаточно. Неплохо, учитывая, что АИ-92 заправляются прожорливые Урал-375. Но про такой сорт, как АИ-95, не говоря уже про АИ-98, никто слухом не слыхивал. Да и для чего эти марки, если до сих пор подавляющее большинство легковушек российского производства рассчитано именно на «девяносто второй»?

- А масло какое в двигатель льёте?

- Как какое? Автол, М8-В! А что, другое какое-то можно лить?

Пришлось прочитать лекцию о моторных маслах с присадками для двигателей с высокой степенью сжатия. Заодно и выяснили, что, слава богу, «Тосол» здесь в наличии имеется, хотя многие водители по привычке заливают в систему охлаждения обычную воду. Ну, это поправимо!

Машин на дороге немного, если не сказать «очень мало». В основном – грузовики. Вначале очень напрягало, что едем одни, без какого-либо сопровождения, но Сергей пояснил, что никаких дорожных разбоев здесь не случается. В частности – из-за того, что места глухие, время от времени из тайги наведывается зверьё, для защиты от которого водители поголовно вооружены. Кто карабином, а кто и «Калашниковым». Так что, случись «романтикам с большой дороги» выйти на промысел, ещё не известно, кто победителем выйдет.

Нет, бывает, конечно, всякое. Находятся иногда идиоты, пытающиеся шерстить ночующих на трассе или застрявших с поломками, но заниматься регулярными грабежами смысла большого нет: машину ты на учёт не поставишь без сдачи старых номеров, денег больших водители не возят, а шмотки ношенные никто уже не скупает.

Автоинспектора есть. Передвигаются преимущественно на мотоциклах. Документы и наличие алкогольного запаха регулярно проверяют, а вот за превышение скорости никого не трогают. Просто потому, что на грейдированной дороге особенно не разгонишься, если не хочешь влететь на немалые деньги при ремонте подвески. Поэтому и ездят все аккуратненько, не

быстрее 80 километров в час. А чаще – и выше 60 не разгоняются.

- В последнее время, конечно, всякие кооператорские сынки появились, которые перед девчонками выделяются на папиных машинах. Но после первой же аварии обычно утихают. Если в живых остаются...

Поскольку с автобусами не меньшая напряжёнка, чем с легковыми машинами, принято подвозить попутчиков, если есть свободные места. Безвозбездно, что значит даром, говоря словами Совы из «Винни-Пуха». Также бесплатно помогут сломавшемуся в пути.

- А как тут зимой?

- Всякое бывает зимой. Когда снег выпадает, выгоняют трактора на очистку дороги. Не только дорожники, но и руководители предприятий в придорожных посёлках и сёлах. Им же самим надо и продукцию вывозить, и товары для жителей в магазины доставлять. Но мощные снегопады, когда проехать невозможно, большая редкость. Народ уже учёный, обязательно с декабря по февраль возит с собой цепи для колёс. Ну и дополнительную канистру-другую топлива стараются прихватить на случай, если дорога встанет. Хотя климат у нас вполне терпимый, снег на три-четыре недели залёживается только в горах. Отец рассказывал, у них в Кирове по полгода снег лежал: вот это – ужас!

Эх, парень! Кому ты рассказываешь?!

Перекусывали в пути взятыми с собой продуктами, которые запивали либо травяным чаем из трёхлитрового термоса, либо водой из чистейшего горного ручейка.

Во второй раз остановились, собственно, даже не из-за того, что жрать захотелось. Где-то на середине особо затяжного подъёма Сергей заёрзал, поглядывая на приборную панель, и скомандовал:

- Открывай своё окошко пошире, сейчас жарко будет!

После чего врубил на полную мощность и печку, и её вентилятор. Но до верха подъёма мы так и не дотянули. Он остановил машину, помолотил двигателем ещё пару минут и лишь потом заглушил мотор.

- Радиатор, чёрт бы его побрал! Всё! Приеду домой – сдам его на перепайку!

- Так вроде бы он не течёт...

- Не течёт, а через заглушенные трубки «Тосол» не проходит, охлаждающая жидкость остывать не успевает.

- Ну, хоть не вскипятил мотор?

- Нет. Но на грани было!

Вот мы и покушали, чтобы дожидаться, когда двигатель остынет. А уж после этого добрались до вершины перевала и покатались на нейтрале вниз.

Плотненько отобедали в забегаловке на пересечении дорог из Магнитки и Верхоречья, уже после моста через реку Хлебную. А дальше, до самых Целинников, пошли бескрайние пшеничные поля.

850 километров мы одолели за 16 часов, и, отметившись в управлении СГБ, отправились в гостиницу. Наутро у Сергея свои дела, а у меня – свои. После чего буду выезжать на поезде в Магнитку.

Советск, 36 год, 28 июля, среда, 09:30

Это ж надо быть такой гнидой!

Я по поводу отчима Люды Ячневой возмущаюсь. Едва я появился на рабочем месте после командировки, как Воздвиженский снова выдернул меня в свой кабинет, чтобы поделиться очередным запросом прокуратуры на привлечение меня к уголовной ответственности.

- Опять Шнеке?

- Нет, этому взяточнику уже не до обидок за уведённую невесту. Ты почитай!

Так. «Заявление о совершении преступления». Многообещающе!

12 июля 36 года неизвестный мужчина, представляющийся майором СГБ Колесовым Н.В., обманном путём заманил к себе в номер гостиницы «Орлёнок» гражданку Ячневу Л.А. тринадцати лет от роду (мля, я себя даже педофилом почувствовал, пока не пересчитал возраст Людмилы на земные годы!), где зверски её насильовал в течение двух суток. После этого так называемый майор Колесов насильно увёз Ячневу Л.А. в сопровождении ещё двух вооружённых бандитов в свою бандитскую «малину», располагающуюся по адресу ул. Макаренко, 11, кв. 24, где продолжил совершать над Ячневой насильственные действия, но уже совместно с сообщницей, которую выдаёт за свою жену.

15 июля 36 года Колесов Н.В. и его сообщница Колесова Н.В. в сопровождении всё тех же двух вооружённых бандитов вывезли жертву насилия Ячневу Л.А. из города в неизвестном направлении. Спустя ещё три дня Колесовы вернулись в свою бандитскую «малину», но без Ячневой. Жива ли девушка и где её удерживают преступники, если она жива, не известно.

- Во, бред!

- Я примерно то же самое сказал, когда позвонил прокурору! Но одно скользкое место остаётся: как ты будешь доказывать, что не было изнасилования?

- Элементарно! Людмила при устройстве в медсанчасть Точки Перехода проходила медосмотр. Включая гинеколога. Наташа меня тоже чуточку подозревала в том, что наши отношения не столь платонические, но все подозрения сняла в кабинете врача, где выяснилось, что Люда ещё девственница. Выписку из медицинской книжки сделать – не проблема.

- Ну, хорошо. Теперь почитай ещё одну писюльку.

Писюлька оказалась листовкой формата А3, громко называемой «Голос народа» и имела подзаголовок «Долой преступную власть!».

- Ух, ты! Неужто самые настоящие рррыволюционеры?!

- Да какие там революционеры?! Так, свора городских сумасшедших, мечтающих о лаврах «жертв тирании»... Мы им не мешаем, но и не даём возможности разгуляться. Иногда они даже полезными бывают, когда находят реальные факты злоупотреблений и взяточничества.

Один из них работает во множительном бюро на электротехническом заводе, имеет возможность «подпольно» печатать свои «разоблачения» тиражом от 500 до 1000 экземпляров. Мы не мешаем, поскольку бумагу они сами покупают, а печать «газеты» оплачивают как «частный заказ» на размножение рекламы. Сейчас, накануне выборов, они весьма активизировались. Ты почитай, тебе понравится!

Да это ж, блин, моя биография! Охренеть!

Родился я, оказывается, вовсе не в Миассе в 1969 году, а в Химике в 16 году. Трижды привлекался к уголовной ответственности. Один раз назанимал денег у знакомых якобы на покупку машины, но вместо этого уехал в Советск, где три месяца вёл «красивую жизнь». Отсидел на лесоповале в Приволье. После этого в Золотом продавал поддельные билеты на концерт. После следующей отсидки устроился продавцом на рыбном рынке в Рыбачьем, и был пойман на использовании гирь, расверленных для снижения веса. Поскольку выяснить, сам я это сделал или получил гири от хозяйки лотка, не удалось, обошёлся условным сроком и уехал в Магнитку. Откуда и выплыл с поддельными документами майора СГБ. Автор приводил номера уголовных дел, осуждены по которым были люди с разными фамилиями, но все – Николай Валерьевичи. А объяснял этот разницей в фамилиях моей страстью к жульничеству, ради которой я после каждой судимости менял документы.

Супруга моя, как сообщал «наш персональный биограф», неуловимая и жестокая серийная садистка-лесбиянка, которой я поставлял «мясо» для удовлетворения её похоти. Непременно молоденьких девушек славянской внешности, поскольку она питает ненависть к людям белой расы. Зовут мою жену на самом деле Нафиса Вахитовна Довлат-оглы. Имя-отчество она переделала в паспортном столе три года назад, а мою фамилию использует, чтобы не вызывать подозрения.

Преступная парочка в составе уголовного рецидивиста, представляющегося майором СГБ, и сумасшедшей садистки втёрлась в доверие к кровавому тирану Воздвиженскому (тут следовал абсолютно бредовый намёк на «талмудическое» происхождение этой фамилии) и получила от него карт-бланш на заселение Советской Республики «цунарефами» с Большой Земли. Цель этого – уничтожение вершины цивилизации, кем являются белые люди, хотя бы в этом Мире, если такое не удалось совершить на Большой Земле.

Именно ради этого преступного плана «талмудист» Воздвиженский сверг группу руководителей государства, пытавшихся спасти белое население Нового Мира. И одной из первых жертв войны с потомками ариев стала чудесная белая девочка Люда Ячнева, над которой враги нордической расы вначале зверски издевались, а потом, пользуясь покровительством «диктатора», уничтожили её и не понесли за это ответственности.

Чьих рук это дело, мне подсказала расистская риторика и подпись под пасквилем: В.Назгул.

- Надеюсь, Максим Георгиевич, вы не будете привлекать меня к дисциплинарной ответственности, если я при встрече этому уроду случайно морду набью?

- Буду! Не хватало мне во время предвыборной суеты ещё нескольких выпусков газетёнки с воплями про то, как «преступная тирания» расправляется со свободными людьми.

- В Российской Федерации говорят не «преступная тирания», а «кровавая гэбня».

- Как, как?

- «Кровавая гэбня». Есть там такая престарелая сумасшедшая, не один год проведшая в

дурдоме, но считающаяся «матерью российской демократии», Валерия Новодворская, которая происки этой «кровавой гэбни» видит даже в воробушке, накакавшем ей на причёску...

Воздвиженский посмеялся, а потом перешёл на серьёзный тон.

- Я уже дал распоряжение редакции радио взять интервью у Людмилы Ячневой о том, что сейчас происходит в Лаборатории № 1 накануне возобновления связи с Большой Землёй. Как у самой первой новой сотрудницы. Ну, и чтобы выставить идиотами тех, кто этой писне в «Голосе народа» верит. Но тебе я запрещаю встречаться и даже разговаривать с этим Субботиным или, как он себя называет, «В.Назгулом»! А если он сам тебя найдёт - просто игнорируй всё, что бы он ни говорил или ни вытворял. Запрещаю! А теперь рассказывай про командировку.

Собственно, в Целинниках, куда я добрался на машине, мне особо ничего не было нужно. Кроме железнодорожного вокзала, с которого я отправился в Магнитку на встречу с экипажами «Удачи» и «Анадыря». Объезжать по железной дороге Широкое нагорье, кусок Становых гор и Старые горы - это далеко и долго. Да и мне нужно было познакомиться со страной, где предстоит жить. Поэтому, готовясь к командировке, и запланировал объехать максимум из того, что возможно это сделать за один раз.

Посещения судна было нужно не только для того, чтобы забрать остатки наших с Наташей личных вещей, оружия и боеприпасов. Люди! Люди, за которых я в ответе, оказались брошенными. Ну и положение судовладельца несколько противоречило моему статусу сотрудника СГБ. Поэтому и разговор начался с предложения экипажам сделать выбор: служба или вольные хлеба? В том числе - Дежнёву со своей яхтой.

На службу в органах согласился только штурман Володя Воронцов. После того, как я рассказал, что в ближайшие месяцы в СГБ очень понадобятся специалисты-компьютерщики. Оказывается, до переправки на «Землю Лишних» он владел небольшой компьютерной фирмой в Питере, не выдержавшей соперничества с более мощными конкурентами. Осинцев, как истинный капитан, заявил, что уйдёт с палубы «Удачи» последним. Моторист по прозвищу Шмыга тоже сказал, что от своих железок никуда не пойдёт, а матросы уже привыкли быть «вольными птицами».

Одесский однофамилец русского землепроходца крепко задумался. Для принятия решения он попросил время и... встречу с Воздвиженским.

Остаткам экипажа баркаса я предложил зарегистрировать артель, специализирующуюся на речных и морских перевозках. Поскольку я не имею права заниматься коммерческой деятельностью и получать какие-либо доходы, кроме зарплаты сотрудника СГБ, «Удачу» я продаю артели в рассрочку с выплатой из будущих прибылей. По-моему, это будет справедливо! Посоветовавшись, мужики одобрили такой план. А с Семёном мы отправились в Советск где он, кроме встречи с генералом, собирался попросить совета ещё и у Райзмана.

Дежнёв - человек очень даже разумный, и прекрасно понимает, что в ближайшие несколько лет его никто из Советской Республики не выпустит. Хотя бы по соображениям секретности: нельзя ему попадаться на глаза Ордену до тех пор, пока Республика не посчитает, что пришла пора открыться. Рутинная регулярных перевозок его тоже не прельщала, поскольку душа бродяги требовала чего-то новенького - неизведанных просторов и приключений.

- Ну, не верю я, что здесь всё-пре-всё обследовано! - доказывал он мне в поезде. - Если в Сибири, где люди пятьсот лет шляются, до сих пор новые чудеса открывают, то здесь-то

наверняка свои белые пятна остались.

Как я вижу решение проблемы, Семёнов «Анадырь» вполне можно пристроить в качестве экспедиционного судна для геологов, биологов или картографов. Разумеется, после некоторого ремонта и пополнения команды, в которой вместе с ним осталось всего три человека, вышедших два года назад в море. Но это уж как Воздвиженский решит!

Наташа за время моего отсутствия успела подружиться с соседями, и для меня стало приятной новостью, что мой подарок, купленный в Верхоречье, она примеряла вместе с платьем, которое за эти дни раскроила и сшила вместе с соседкой.

То, как она отблагодарила меня за подарок, я описывать не стану. Главное – не переусердствовали и утром не опоздали на службу.

С Людмилой, как они друг другу и пообещали, перезванивались каждые два-три дня, и «сестрёнка» очень обрадовалась, когда узнала, что я вернулся. Новое место работы ей очень нравилось, и хотя пациентов по её специфике было немного, активно совала нос во все дела медсанчасти, осваивая «смежные специальности». В смысле – тонкости работы медсестёр других профилей. А в свободное время строила глазки солдатам, для которых стала настоящей иконой, поскольку других незамужних девиц в городке пока не было. Она и была рада стараться, дурача армейскую молодёжь.

Штаты Лаборатории действительно наращивались! Васенко уже наладил обучение операторов установок Перехода, где часть курсов вели старые специалисты, некогда работавшие в Лаборатории. Пенсионеров удалось оторвать от дачных участков, лавочек перед подъездами и драгоценных внуков-правнуков возвратом к Большому Делу, которым они занимались всю жизнь. И через пару месяцев Григорий Никитич сможет полностью укомплектовать персоналом все установки. Пока же его кандидат в учителя для операторов из Межгорья готовился к Переходу, ожидая «зелёного свистка» с ТОЙ стороны, где тоже шла работа по отбору персонала.

Всё закручивалось, всё начинало катиться в нужном направлении...

Лаборатория № 1, 36 год, 14 августа, суббота, 23:20

Мы навсегда в ответе за тех, кого приручили...

За Деда, который наконец-то дождался, когда мы с Наташей вырвемся в гости в его квартиру бобыля. Как он нехотя признался, молодая женщина на небольшой фотографии, висящей в рамке над рабочим столом, его жена, погибшая во время провокации на Манчжурской границе. Больше он так и не женился.

- Зато внук с внучкой у меня есть! Скоро правнуком или правнучкой порадуют!

- А вы откуда, дед Ваня, знаете? – покраснела Наташа.

- Да это, внучка, по женщине сразу видно, когда она ребёнка носить начинает! Не понимаешь, как? Ничего, поживёшь с моё – поймёшь!

За Семёна Дежнёва, примчавшегося благодарить за поддержку, когда генерал одобрил моё предложение отправить Сёмку вместе с командой и «Анадырем» исследовать фарватеры на

реках северо-запада континента и забрасывать экспедицию вглубь Срединных увалов. С зимовкой в тех местах и возвращением через год.

За экипаж баркаса, ради переоформления прав собственности на который мне пришлось ещё раз скататься в Магнитку. Осинцев уже даже первых клиентов нашёл, и по окончании очередного приближающегося тайфуна собирается выходить в первый рейс в новом для себя качестве председателя транспортной артели.

За Воздвиженского. За него трудно быть в ответе, учитывая его должность, но депутатская комиссия по расследованию обстоятельств «трагических событий 32 июня - 10 июля 36 года» наконец-то заработала, и мы с Наташей полдня провели в парламентских комитетах, отвечая на вопросы членов комиссии.

За «спецгруппу «Вымпел», с ребятами из которой мы в Магнитке снова встретились в кабинете Джавдета-Кирикарова.

За капитана Леухина, получившего на днях майорские погоны и назначенного командиром батальона. В том числе - и на основании моего рапорта о его грамотных и решительных действиях на посту командира роты.

Ну и, разумеется, за Люду Ячневу, так обрадовавшуюся новости о нашем скором приезде в Лабораторию № 1.

Слушали мы с женой по радио её интервью, в котором она упомянула и нас. Рассказывала про то, как ей интересно работать в Лаборатории.

- Я даже присутствовала при первой связи с Большой Землёй!

- А как вы при этом оказались? - поинтересовался корреспондент, и понеслось...

- Мы с Николаем и Натальей Колесовыми упросили начальника Лаборатории, Григория Никитича Васенко, чтобы он мне разрешил.

- Так вы и с Колесовыми знакомы?

- Конечно! Я даже одни сутки у них в квартире жила! У меня тогда... возникли трудности, и Коля с Наташей не только меня приютили, но и помогли с переводом в Лабораторию. Это такие необыкновенные люди! Вы ведь даже не представляете: им целых два года понадобилось, чтобы сюда, в Советскую Республику, добраться! Там, на американском континенте с дорожными бандитами пришлось воевать, от морских чудовищ отбиваться, океан переплыть и при этом спасти потерпевших кораблекрушение. Уже здесь с беглыми заключёнными воевали, чуть во время тайфуна не погибли, нашу Лабораторию от разрушения спасли! Коля даже ранен был, когда все эти события в Советске случились.

- А они вам рассказывали про жизнь на Большой Земле?

- Конечно! И рассказывали, и кино показывали. Когда Переход начнёт работать в полную силу, и у нас наконец-то появятся фильмы с Большой Земли, я обязательно снова посмотрю фильм «Титаник»!

- А про что он?

- Про любовь! Про красивую-красивую любовь! А можно я через вас привет передам?

- Колесовым?

- И им тоже. Мамочка моя любимая, братик! Не переживайте за меня, ладно? У меня всё прекрасно, я работаю, мне здесь хорошо. Я вас очень, очень люблю!

А на следующий вечер у нас зазвонил телефон, и незнакомый мужской голос произнёс в трубку:

- Ну, здорово, что ли, скотина?

- Вы, случайно, номером не ошиблись?

- Не ошибся! Передай этой мандавошке, Людке, чтобы больше не вспоминала ни мать, ни брата. Для неё их больше не существует.

- А, это ты, что ли, урод фашистский? Полусгнивший трупак Назгул?

- Трупак, говоришь? Ну-ну! Назгулы бессмертны, чтоб ты знал!

- А ты уверен в том, что мать Людмилы и её брат не хотят её видеть?

- Как я сказал, так и будет! Если я сказал, что для неё не существует ни матери, ни брата, значит так и есть. Потому что я всегда прав! Запомни это, тварь!

Я только открыл рот, чтобы ответить, как в трубке запикали гудки отбоя. Но класть её на аппарат я не стал.

- Любимая, позвони, пожалуйста, от соседей на телефонную станцию и выясни, с какого номера нам сейчас звонили.

- Ты хочешь ему перезвонить?

- Нет, я хочу, чтобы ему было неоткуда нам звонить.

- Как это?

- Очень просто: напишу заявление, что с его номера нам звонит какой-то псих, и попрошу на недельку вырубить ему телефон.

- А если он со служебного звонил?

- Об этом пусть у его начальников голова болит!

В Лабораторию добирались на крошечном поезде, состоящем из маневрового тепловоза и единственного плацкартного вагона, который теперь дважды в день ходил от городского вокзала. Оно и лучше, чем на машине: Наташу не укачивает и не тошнит от бензинового запаха.

Вот жизнь пошла! Теперь ещё и нос приходится постоянно задействовать, чтобы любимую от резких запахов уберечь!

Людмила, предупреждённая о нашем приезде заранее, примчалась встречать нас на КПП. Благо, день был выходной, и на него не выпало её очередное дежурство.

- Ну что? В общежитие? – засуетилась она, когда мы покончили с приветствиями.

- Нет, к Васенко.

- Да что вы сразу с поезда и за работу?! Могли бы и ко мне в общагу заскочить!

- Зайдём, зайдём! – засмеялась Наташа. – Мы к Григорию Никитичу ненадолго. Узнаем, на какое время он наши общие дела запланировал, и к тебе.

- Тогда я вас возле администрации подожду!

Мы неторопливо двинулись в сторону административного корпуса, и девушка, прерываясь лишь на приветствия со встречными, захлёб рассказывала нам о своей новой жизни. Один из встречных, красивый черноглазый лейтенант роты охраны, расцветший в улыбке, заставил Людмилу сбиться с шага.

- Твой? – хитро глянула на девушку супруга.

- Скажешь мне тоже! – покраснела Люда.

- Целовались уже?

- Да ну тебя, Наташка! – ещё больше покраснела она.

- Нравится? – не унималась жена.

- Да что ты глупости всякие несёшь?!

Уши девушки просто светились от смущения.

Вот именно – глупости! Как будто и так не видно, что «сестрёнка» просто тает под взглядом этого красивого кавказского парня.

- Как зовут-то его?

- Полад. Алиев... – едва пролепетала пунцовая Людмила.

Азербайджанец, значит! Ох, и обрадуется «Назгул» расовоозабоченный!

- Слушай, я же тебе подарок привёз! – сменил я тему и принялся копаться в дорожной сумке.

Пистолет Макарова в кобуре, из запасов, хранившихся на «Удаче», вызвал настоящий восторг девушки.

- А тут – патроны к нему и разрешение на ношение.

- Классно! Я же теперь смогу хоть каждый день с Поладом на стрельбище ходить! – выдала она себя.

За разговорами с Людой и её новыми знакомыми вечер подкрался незаметно. Наташа, сославшись на то, что утомилась, а ночь предстоит трудная, даже поспала часа три в комнате у Людмилиной соседки. А когда вернулась, Людка всплеснула руками:

- Блиииин! Вы же на вечерний поезд опоздали! И как вы теперь домой попадёте?

- Никак.

- Вам же тогда надо комнату на ночь оформить?

- Не надо, Люда. Ночевать мы будем не здесь.

- А где? Не в казарме же!

- Нет. Мы уходим сегодня. ТУДА!

- Как? Насовсем? – недоумённо захлопала глазищами девушка.

Чёрт, никогда не замечал, что у неё большие и красивые глаза! Или это любовь на неё так подействовала?

- Нет, конечно! На несколько недель. Нам уже идти надо, Люда...

«Сестрёнка» поникла, опустилась на стул, с которого вскочила, обнаружив, что мы опоздали на поезд. А потом вздохнула и улыбнулась:

- Счастливые... Только никуда вы без меня не удерёте! Я с вами иду!

Мы с Наташей переглянулись, и едва я открыл рот, неугомонная девица пояснила:

- Да только до Григория Никитича иду! Фиг я вам ради какой-то Большой Земли своего Поладика брошу!

Войдя в кабинет Васенко, Людмила не сказала ни слова. Просто упёрла в бока руки, и так глянула на начальника Лаборатории, что тот покатился со смеху, достал бланк заявки на разовый пропуск в штольню и, подписав его, протянул этой мегере.

- Иди, получай!

Опробовали Переход буквально вчера. Вначале катнули за Стену пустую тележку. А когда с той стороны пришло радиоподтверждение, что всё прошло нормально, переправили человека, который будет учить операторов установки в Межгорье. Отрапортовал об удачной переправке и он. А сегодня наша пора пришла!

Вещи погружены на платформочку, руки всем провожающим пожаты, Людмила обнята и поцелована.

- Готовы? – спрашивает Васенко, и я киваю в ответ. – Тогда ПОЕХАЛИ!

Тележка катится всё быстрее, вот уже её передняя часть касается зеркальной Стены, и...

Здравствуй, Родина!

Российская Федерация, Москва, 2002 год, 06 ноября, среда 08:45

Что-то неласково она нас встречает, наша Родина... Автоматами в меня тычут... Обиделись, что ли, что я мудаков на х... посылать приучен?

- Слушай сюда, салабон! Если ещё раз посмеешь на меня автомат направить, я тебе его в жопу засуну! По самую газоотводную трубку! И проверну пару раз, чтобы неповадно было!... Да е*ать я ваш порядок хотел! У меня жена там! Беременная!.. Отрой двери, я сказал!... Патроны заberi, а автомат ты у меня хер получишь, пока я от неё из палаты не вернусь!.. Так и скажешь своему сержанту, что я отобрал!

Наташе стало плохо уже в санчасти, куда нас законопатили сдавать анализы на инопланетную заразу. Только я в баночку поИсал и вышел из туалета, как вижу, что её из процедурной, где кровь из вены берут, на каталке быстро-быстро повезли по коридору в сторону торцевого кабинета с табличкой «Реанимация». Ломанулся следом, а перед стеклянными дверями в этот коридорчик стоит олух с автоматом и качает мне права, что без вызова не положено!

Всовываю нос в кабинет, а Наташа, бледная-бледная, улыбается мне с каталки.

- Выйдите немедленно! – рычит на меня докторица.

- Это моя жена! Что с ней?

- Сначала доведут беременную женщину то гипотонии, а потом спрашивают! Всё нормально уже! Выйдите вон!

- Мне уже лучше, Коля! Иди!

Аккуратно закрываю дверь и сажусь прямо на пол, прислонившись спиной к стенке. Потому что самого колбасит не по-детски!

Вышла из кабинета доктор, эта самая суровая дама раннепенсионного возраста. Что-то знакомое в её лице. Похоже, встречал я её в городке во время службы.

- Вам тоже плохо?

- Нет, доктор. Просто перенервничал из-за Наташи, отходняк у меня.

- Лиза, накапай валерьянки впечатлительному будущему папочке! Ничего страшного, просто ваша жена, видимо, переутомилась, - это уже ко мне. - С беременными такое случается. Она у вас когда в последний раз кушала?

Я смотрю на свои часы, купленные на Базе Ордена и настроенные на часовой пояс Советска. Время 25:13 вгоняет врача в ступор.

- Часов семь назад.

- Вот видите! – берёт она себя в руки. – А кушала что?

- Доктор, вам всё равно название животного, из которого были сделаны паровые котлеты, ничего не скажет.

- Выпейте! – протягивает она стаканчик с вонючей жидкостью, и я её заглатываю одним махом.

- Вы, кажется, руку поцарапали. Надо обработать и пластырем заклеить!

А, это я об эмблему на петлицах обалдуя ободрал, когда автомат с него стягивал.

- Не надо. Через час уже следа не останется.

- Не геройствуйте! Царапина как раз на сгибе пальца, может недели на две вам жизнь осложнить.

- Доктор, давайте поспорим, - улыбаюсь я (валерьянка, что ли, уже подействовала?). - Если в течение часа останется хоть малейшая ранка, то я вам дарю букет из роз. А если всё зарастёт, то вы мне... бутылку пива покупаете.

- Ой, молодой человек! В Межгорье сейчас достать розы невозможно! Придётся вам их из Белорезка везти!

- А я говорю, что это вам придётся пиво покупать! Сыворотка для ускоренной регенерации тканей ещё месяца два будет действовать!

- Какая сыворотка?

- Для регенерации тканей. Вы от неё антитела у меня в крови найдёте, когда будете анализ делать. Подписку с вас всё равно возьмут, но и я вас предупреждаю: о существовании такого препарата - молчок! Вы лучше подскажите, как врач, что могло вызвать у Наташи эту... гипотонию?

Я уже стоял на ногах и внимательно слушал.

- У беременных многое может стать причиной. Во-первых, большой перерыв в приёме пищи. Им лучше питаться понемногу, но часто.

Мотай, мотай на ус, Николай Валерьевич! Хм... А это мысль! Всё равно в Москве придётся маскироваться, Может, действительно усы отпустить? И на бритвё каждое утро меньше времени тратить нужно будет...

- Во-вторых, переутомление. Спать надо регулярно и не меньше восьми часов в сутки. В-третьих, нервное напряжение. Нельзя позволять женщине в таком положении нервничать! Признайтесь: она нервничала сегодня?

- Признаюсь: очень нервничала!

Ещё бы! Трудно спокойно ожидать переход в другой мир!

- Вот видите! Берегайте её от лишних волнений! В-четвёртых, может влиять резкая смена климата, влажности, атмосферного давления, температуры воздуха.

И всё это было! Из разгара лета - в осеннюю сырость!

Дверь с устрашающей табличкой отворилась, и вышла Наташа, бодрая, улыбающаяся, хотя всё ещё чуть бледная.

- Напугала тебя? - чмокнула она в щёчку и прижалась к моему плечу. - Спасибо вам Маргарита Степановна! Извините, что заставила волноваться.

- Работа у меня такая! - развела руками доктор. - И это... автомат парню отдайте, а то влетит ему! Лиза, проводи людей в их бокс!

Букет я Маргарите Степановне всё-таки подарил. Нет, спор я выиграл. Просто в знак благодарности за то, что успокоила меня, когда мою крышу снесло от беспокойства за Наташу.

Привезли этот букет из Белорезка по моей просьбе, пока мы гоняли балду и отсыпались в карантинном боксе по соседству с человеком Васенко, присланным для обучения персонала Перехода.

Отсыпались, читали прессу, смотрели телевизор, поили контрабандным кофе, заначенным в притащенных из Советской Республики вещах, сестёр «закрытой» медсанчасти, по несколько раз в день контролирующих у нас температуру и давление, а каждое утро бравших кровь на анализы. Разговаривать на тему того, откуда мы взялись, что видели и что знаем, нам с ними было запрещено категорически. Лишь Маргарите Степановне, к слову, доктору медицинских наук, рассказывали о достижениях медиков СР и разработанных ими препаратах, давали почитать привезённые мной из лабораторий Приволья документы.

Эта суровая, на первый взгляд, женщина действительно уже много лет жила в Межгорье, но работала не в городской МСЧ, а «за забором», поэтому я, когда-то нёсший здесь службу на охране внешнего периметра, с ней и пересекался лишь случайно на улицах. Жаждала она получить для исследования образцы привезённых мной ампул и таблеток, но они сразу же ушли в Москву с Иваном Ивановичем, обещавшим вернуться за нами с Наташей, когда закончится наш карантин.

Что больше всего разочаровало, это еда! Нет, кормили нас очень неплохо по местным меркам, но во время первого же завтрака я понял возмущение Ивана Андреевича, когда мы с ним перекусывали в селе Учалы. Жратва здесь не шла ни в какое сравнение с новоземельской! На хрена её пичкать всевозможной химией?

Но всему приходит конец. Никакой экзотической заразы у нас не обнаружили. Пришла пора и нам выходить из «заключения», как за день до этого выпустили нашего товарища по изоляции, отправившегося разбираться с аппаратурой Точки Перехода. Только он за ворота внутреннего периметра не попадёт, а нам лететь в Москву. Сначала вертолёт до Уфы, а потом, даже не заходя в здание аэропорта, спецбортом на военный аэродром Чкаловский возле Звёздного городка.

После размеренной жизни в Советске и крошечном Порто-Франко Москва выглядела гигантским сумасшедшим домом. За почти три года нашего отсутствия интенсивность дорожного движения только выросла. Третье транспортное кольцо, которое усиленно строил Лужков, где-то решило транспортную проблему, а где-то только обострило. Центр просто задыхался от банальной невозможности припарковаться. Благо, в сам город мы навевались всего пару раз, поскольку поселили нас в уютной квартирке в Щёлково. Здесь более или менее тихо, спокойно. Но отдыхать некогда, поскольку приходится писать, писать и писать. А если не писать, то разговаривать. Прав был Воздвиженский, когда говорил, что доить нас будут досуха!

И опять вылезла «валютная проблема». Кто нам здесь обналичит экю или рубли Советской Республики? А жрать-то надо. Ну да, первые пару дней продукты нам приносили, но и самим хочется что-нибудь выбрать по своему вкусу. Гулять по городку нам не запрещали, но первые два дня нас непременно сопровождал «человек в штатском», а после взрыва возле «Макдональдса» - двое. Пусть ходят! Нам от этого даже спокойнее. Заикнулись о деньгах полковнику, прикреплённому к нам, и тот выдал «в подотчёт» пять тысяч рублей.

Вскоре полковник и вовсе нас озолотил! По его совету мы с Наташей написали заявления о выплате нам зарплаты за период с января 2000 по сентябрь 2002, а также всех полагающихся надбавок, компенсаций и командировочных. Набежала сумма, от которой мы несколько

обалдели. Поскольку у нас не было планов оставаться на Старой Земле, а у руководства ФСБ - препятствовать нашему возвращению в Советскую Республику, свалившееся на нас богатство требовалось срочно потратить. Совещались с супругой недолго: в Советске нам будет нужна машина. А поскольку жизнь показала, что дороги в СР немногим лучше, чем на орденском континенте, покупать следует что-нибудь внедорожное.

От иномарок сразу отказались: как бы ни были хороши, например, «Дефендер» или «Бандейранте», хрен на них в Советске запчасти разыщешь. Выбор пал либо на новую «Ниву», недавно получившую гордое имя «Шевроле», либо на огромный, как сарай, УАЗ-«Симбир». А поскольку я никогда не был «жигулистом», «Симбир» победил.

Разумеется, никаких иллюзий относительно качества ульяновской сборки я не питал, но чего ждать от УАЗа тоже знал. Поэтому за покупкой машины последовал визит в автосервис с требованием протянуть, промазать, долить всё необходимое. А разговор по душам (с демонстрацией удостоверения сотрудника ФСБ) гарантировал качество послепродажной подготовки и дал перечень мелочей, которые необходимо прикупить, чтобы пореже пользоваться буксировочным тросом: хомутики, трубочки, тормозные колодки, фильтры... Несколько канистр с двигательными и трансмиссионными маслами, а также батарея баночек с реметаллизантами. Эта новомодная автохимия, как утверждал директор сервиса, позволяла существенно снизить износ трущихся деталей двигателя и трансмиссии. А значит - отнести на более поздние сроки неминуемый ремонтные работы.

Время летело молниеносно, но три дня в конце октября всем было не до нас. Впрочем, трагедия с захватом заложников в «Норд-Осте» потрясла и нас самих.

Закончилось наше пребывание в столичных краях 6 ноября, так что на парламентские выборы в Советской Республике мы ещё успевали. Но перед отъездом состоялся итоговый разговор с Иваном Ивановичем. Договорились мы с ним о выделении нам на путь от Москвы до Межгорья автомобильных номеров, буквы на которых расшифровываются «еду, как хочу», и даже получили, хоть со скрипом, с обещанием не соваться на глаза моим знакомым, разрешение сделать крюк до Миасса.

Но основной темой нашей встречи были вопросы налаживания полноценного сотрудничества. Из этой долгой беседы узнали о тестовых запусках оборудования Перехода и начавшейся вербовке программистов, компьютерщиков и просто электронщиков, которым предлагался переезд в «Юго-Восточную Азию и Китай» для работы в фирмах с никому ни о чём не говорящими названиями. Все готовились к большой работе, но полной ясности, когда она начнётся и даже начнётся ли вообще, до сих пор не существовало.

- Понимаете, мы ещё очень недалеко ушли от ельцинских времён. Изменения в политике только-только запускаются. В правительстве - те же самые люди, что разваливали страну при Ельцине. Посвящать их в тайну Нового Мира - это гарантированно сделать её достоянием гласности ряда людей, о которых... гм... нам не хотелось бы узнать, что они «за ленточкой». Да и сами они начнут воровать так, что только держись, поскольку будут уверены в наличии «запасного аэродрома» в другом мире. Один такой, бывший мэр, уже «скрывался в Париже» от обвинения во взятках. Хотя на самом деле уже давным-давно был то ли в Новой Одессе, то ли в Новой Москве. Тот, про которого говорят, что он от виагры помер. Очень вовремя, нужно сказать, помер: когда мы выяснили, что его искать бесполезно, и сняли с него обвинения.

Я, было, раскрыл рот, чтобы уточнить пришедшую на ум очень известную фамилию, но куратор оборвал меня.

- Вижу, что поняли.

- А кто же тогда от виагры... того? - изобразила пальцем крестообразное движение Наташа. - Если он был уже в Новом Мире.

- Ни малейшего понятия. Но загримирован был неплохо, да и роль прекрасно выучил. Не смотрите на меня так, Наталья Викторовна. Не наших рук дело. Мы и предположить не могли, что для убийства свидетеля воспользуются столь неожиданным препаратом. Так вот, нам совершенно не интересно, чтобы наше государство поразила эпидемия «скоропостижных кончин» бывших высокопоставленных чиновников.

Соответственно, раскрыть этим людям тайну и нынешнее состояние дел в Советской Республике, значит гарантированно убить проект. Поскольку информация о нём в тот же день станет известна «заокеанским друзьям», а от них - руководству Ордена. И нас просто заставят не только всё свернуть, но и взорвать штольни в Межгорье, а сам город сравнять с землёй бульдозерами.

- То есть, с чего начинали в 1996, к тому и вернулись...

- Отнюдь. После нашего с вами первого разговора по радио мы проделали огромную работу. А привезённые вами документы и образцы убедили нас в целесообразности реализации проекта. Поэтому, пользуясь своими связями и... близкими нам коммерческими структурами - назовём это так - мы уже запустили работу. Всё внешне выглядит как обычная коммерческая деятельность, не вызывая подозрений ни у правительства, ни у контролирующих органов. Осталось дожидаться, как это говорят молодые люди, «зелёного свистка».

- А что же мешает его дать, если уже и ресурсы есть под это дело, и структура создана, и, как я понял, схема поддержания легенды запущена? Не удивляйтесь, я не ясновидящий, я просто уже здесь читал о том, что в Межгорье «создано крупнейшее хранилище госрезерва».

- Молодец, если понял, какая легенда запущена! Благодарите за отсутствие реальных шагов своё появление в Советской Республике.

- Как это? - удивилась Наташа. - Ведь нам ставилась задача именно достичь Советской Республики, собрать максимум информации о ней, а потом передать её вам.

- Ставилась. И вы с ней прекрасно справились. Можно сказать, идеально справились! Но своим появлением там вы вызвали в Советской Республике такие потрясения, что... человек, который способен отдать приказ о переходе к реальной работе, не может этого сделать.

- Но почему?

- Вы, Наталья Викторовна, как юрист-международник, должны знать, что такое статус переговорщиков. Статус генерала Воздвиженского как заместителя председателя правительства - временщик. Уж простите за прямоту и недипломатичность, но с правовой точки зрения это именно так. Точно такой же статус и у главы правительства, и у руководителя парламента. Кем они будут через пару месяцев, неизвестно никому. Нет, с высокой степенью вероятности Воздвиженский сохранит свой пост руководителя Службы госбезопасности. Но любые договорённости с ним через те же два месяца могут превратиться в благие намерения, в пыль. Как и договорённости с главами правительства и парламента.

Возможно, новые составы Верховного Совета и правительства Советской Республики всё

одобряют. Но нет гарантии, что они не посчитают взятые этими лицами на себя права на ведение переговоров самоуправством. У них на данный момент нет статуса абсолютно легитимной власти. Ясно? И у нас нет возможности даже спрогнозировать исход этих выборов.

- Может, мы поможем его спрогнозировать? - не унималась супруга.

- На каких данных? Вы уже больше месяца здесь. Половину всего срока предвыборной кампании! Последнюю половину! Напомнить вам, как Ельцин начинал такую же кампанию с трёхпроцентного рейтинга, а закончил уверенной победой? Нет, Наталья Викторовна! До формирования нового парламента и правительства Советской Республики здесь никто ничего делать не будет! - жёстко отрезал куратор. - До формирования и подтверждения этими органами полномочий переговорщиков.

Не думайте, что это я такой злой или... человек, принимающий решения. Судя по привезённой вами информации, изоляционисты в Республике существуют. Есть радикалы: и леваки, готовые на всё, ради классовой борьбы, и ультралибералы, способные ради идеалов «свободного общества» развалить страну к чертям собачьим. И даже нацистские настроения кое-у-кого имеются.

- Но это же маргиналы!

- Гитлера тоже считали маргиналом, а к власти он пришёл в результате абсолютно демократической процедуры! Вы просто должны понять: из-за вашего появления Советская Республика находится на перепутье, и до подведения итогов выборов невозможно предугадать, каким путём она пойдёт, что нам ждать от будущей власти.

Челябинская область, Миасс, 2002 год, 09 ноября, суббота 12:05

«Симбир» ещё не обкатан, поэтому мы не торопимся. Да и где разогнаться-то? Пока перекрёсток на Воскресенск по М5 не проедешь, чуть ли не сплошной чередой идут населённые пункты. Потом чуть полегче становится...

Наташа едет этой дорогой на машине впервые, ей всё интересно. И на Оку с моста возле Коломны поглядеть, и на купола храмов этого чудесного города полюбоваться, и названия разнообразных деревенок под Рязанью, в которых присутствует название «Дворики», почитать. Чуть ли не истерика с ней приключилась, когда почти на выезде из Луховиц она прочла название ручейка.

- Коля, смотри: Вобля! Вобля!

Нечто похожее творилось, когда проезжали населённый пункт Конобеево и реку Шача в Шацке.

Едва ли не насильно заставил жену перекусить после долгой тянучки на объездной дороге в Рязани: просто знал, что до Мордовии кормить её не буду. А вот в Мордовии...

Село Умёт я считаю жемчужиной трассы М5! Представьте себе сельскую улицу длиной около трёх с половиной километров, на которой находится около пятисот самых разнообразных точек питания. От лотка-временки до вполне себе просторного советского общепитовского заведения. Но это крайности, а основную массу составляют крошечные, на один-три столика, кафешечки с вкуснейшей, здесь же приготовленной домашней едой. А названия чего стоят! «Едун», «Едок», «Привал», «Остановись!», «Как у бабушки». Не говоря уже о совсем уж банальных «Шашлыки», «Кавказская кухня», «У Валентины», «Волга», «Наташа», «Домашняя

еда».

Всё начиналось в первые годы 1990-х, когда в Умёте закрылось единственное предприятие – леспромхоз. К молодому мужчине, живущему прямо на проходящей через посёлок трассе М5, приехали гости, и он решил попотчевать их шашлыками из свежезабитой свиньи. Распалил мангал перед палисадником, на обочине дороги, и принялся жарить мясо. Каково же было удивление, когда перед его домом одна за другой стали останавливаться машины, а водители и пассажиры уламывать парня продать им хотя бы один шампур с готовым шашлыком.

Уже на следующий день, проводив гостей, он разжёл мангал в расчёте на продажу шашлыков проезжающим. И не прогадал! Сидящие без работы соседи отреагировали мгновенно, и через год обочины шоссе обросли крошечными срубками и временками, где каждый проезжий мог не только отведать шашлыки, но и похлебать супчика, загрузиться пирожками, попробовать самые вкусные на свете пельмени.

Наташа была в шоке, увидев эту тонущую в море огней и кухонных дымов роскошь. Жаль, не везде можно было остановиться из-за вереницы фур и легковушек, забивших практически всю обочину трассы по обе стороны дороги. И всё же свободное местечко мы отыскали, и не только наелись, но и запаслись перекусом в дальний путь. Поэтому моя любимая довольно поглядывала на проплывающие мимо пейзажи.

А полюбоваться было на что, несмотря на то, что вскоре уже стало смеркаться. Мордовская тайга в окрестностях Зубовой Поляны, Спасск, спуск к речке Ломовка возле Нижнего Ломова, сторожевая башня и остатки оборонительного вала на окраине Мокшана. В Мокшане нас впервые попытался остановить на посту ГАИ ошалевший за день инспектор, но его напарник, разглядев наши номера, испуганно замотал своим жезлом: мол, проезжайте и не вздумайте останавливаться!

К сожалению, из-за темноты не удалось полюбоваться просторами, открывающимися на спуске в долину возле села Рамзай. А вскоре мы уже въезжали в Пензу. Тут я влетел на нарушение скоростного режима. Объездная вокруг Пензы ведёт через лесной массив, и многие воспринимают его как окончание городской черты. А местные «работники жезла и свистка», зная об этом, устраивают засады с радаром. И хотя я тоже знал, заговорился с Наташей, пристроившись в хвост ещё одного такого же, как мы, «столичного гостя». Только когда выскочивший из кустов инспектор принялся махать жезлом, бросил взгляд на спидометр и заметил, что ехал со скоростью около восьмидесяти километров в час. И снова инспектор, прочтя наши «оперативные» номера, не стал задерживать.

Ещё одно красивейшее место, которое мы толком не посмотрели из-за темноты – Чаадаевка. Зато тормознулись на окраине Кузнецка, чтобы попить отвратительного староземельского кофейка: усталость уже чувствовалась, и требовалось взбодриться.

Заночевали в дрянном мотельчике на подъездах к Сызрани. Конечно, можно было бы ещё ехать и ехать, но я хотел показать жене Жигулёвские горы и перешеек между Волгой и... Волгой. Есть такое место между Сызранью и Жигулёвском, где и справа видно эту могучую реку, и слева. Разумеется, бывшую жительницу Саратова Волгой не удивишь, но здесь просто красиво! Как и на плотине ГЭС, по которой проходит трасса. Хотя из-за перегруженности грузовиками узенькой дорожки восемьдесят километров от Сызрани до Тольятти тащились почти два часа.

Зато после Тольятти, на трёхполосном автобане до поворота на Самару оторвались, постоянно держа почти 100 километров в час! В конце этого участка крутанулись по развязке, уходя на Уфу вдоль едва виднеющихся в сотне метров слева остатков вала Мензелинской

оборонительной линии восемнадцатого века. И начался самый нудный кусок маршрута, на котором и глазу зацепиться не за что, и душу вытряхивает на «стиральных досках». Наташа, несмотря на моё предупреждение, намылилась было подремать на заднем сиденье, но трясло её там так, что она снова попросила остановиться, чтобы вернуться на место «штурмана». Так и промаялась почти до Октябрьского на границе Татарстана и Башкирии. Дальше пошло более или менее веселее, но стемнело, и ни озера Кандрыкуль, ни придорожных холмов рассмотреть было уже нельзя.

Заночевали в Уфе, в гостинице «Россия», проехав по Айской улице прямо на проспект Октября. Гостиница не самая дешёвая, но нас стоимость номера не очень беспокоила. А поутру вернулись в Старую Уфу, чтобы полюбоваться пейзажами со смотровой площадки возле памятника Салавату Юлаеву. Заодно показал жене и места своей «боевой славы» - дворец Нефтяников, кинотеатр «Родина», «Детский Мир», где я единственный раз в жизни, в пятилетнем возрасте, закатил родителям истерику из-за игрушки, требуя купить педальный автомобиль...

После этого снова ушли на мост через Белую и объездную. Впереди был самый красивый участок трассы, начинавшийся после первого моста через Сим. Жаль, ехали мы не весной, когда вода в Белой поднимается на 10-11 метров, и подъезжая по объездной к реке, чувствуешь себя едущим по дамбе через море.

Одолели горный участок засветло. Сделав кратковременные остановки на торжищах возле городов Сим и Усть-Катав, где я десятками скупал пиратские mp3-диски и фильмы в только-только набирающем популярность формате mp4.

Оценила Наташа и «симскую ямищу», на спуске в которую нам довелось пронаблюдать последствия торможения грузовика по свежему снежку – машина была разбита в хлам – и спуск к Юрюзани, и подъём в Уреньгу. С перевала мы семь километров катились, не включая передачи, до центра Златоуста, чтобы заночевать на набережной пруда в типовой гостинице «Таганай». А наутро... Наутро я повёз свою ненаглядную знакомить со своим родным городом. Перед этим, правда, подразнив и себя, и её, видом на заснеженные вершины Таганая с подъёма в Главный Уральский хребет.

Пусть сегодня меня потеряет родня –
Я уйду, когда все ещё спят.
Но штормовка пропавшая выдаст меня,
И рюкзак со стены будет снят.
Это значит – меня бесполезно искать,
Занедужил я, лекарь мой – путь.
Будет ветер мою шевелюру трепать
И толкать, как товарища, в грудь.
Как янтарными струнами в пьесе дождя,
Ветер мачтами сосен играй!
Пусть в походную юность уносит меня
Таганай, Таганай.
На вагонном стекле – непогожий рассвет
Чертит мокрую диагональ.
Среди туч настроения проблесков нет,
И на стыках стучит магистраль.
Словно сердце стучит, как стучало тогда,
Когда мы убегали вдвоём.

А быть может, в последнем вагоне одна
Ты любишь этим дождём.
Разгоняйся, мой поезд, пусть дожди льют.
Ну, какой же я, к черту, старик?
Это станции взять нам разбег не дают,
И к стеклу жёлтый листик приник.

- Красивая песня! - прокомментировала Наташа напетую мной «нетленку» Митяева. - А это что за гора? Обалдеть!

И я рассказал ей историю, как царь Александр, путешествуя в Сибирь, поднялся на характерную скалистую гору, получившую за это название Александровская Сопка.

Потом был всё ещё незамёрзший Тургояк на Пугачёвской поляне, восхитивший уроженку степного Саратова чистой водой, скалы Крутики возле городского пляжа, и проезд через весь почти тридцатикилометровый Миасс. Разумеется, заглянул я и на улицу Динамитную, чтобы полюбоваться на свой домишко, куда я привёз Ивана Андреевича Данилова из-под Межгорья в июле 1996 года. А оттуда, так ни разу не выйдя из машины, как я и пообещал куратору, двинулись в сторону Межгорья.

Всё, закончилась для меня жизнь на Старой Земле, мой Урал и Миасс. Теперь буду только любоваться фотографиями, отщёлканными Наташей через стекло нашего «Симбира»...

Лаборатория № 1, 36 год, 10 сентября, среда, 04:20

Из преддизимья - в конец лета!

Иван Иванович нас опередил, прилетев в Межгорье ещё два дня назад. И мы, добравшись до ворот закрытого города затемно, немного устали, но были готовы хоть сейчас «за Стену». Только не тут-то было! У куратора имелись свои планы на нас, и мы ещё три часа сидели в кабинете начальника староземельской Точки Перехода, расставляя точки над и относительно дальнейшей нашей деятельности в Советской Республике. Где ещё с неделю назад ситуация складывалась... не очень.

Как когда-то у нас после объявления горбачёвской «гласности», с началом избирательной кампании в СР, проходившей под негласным девизом «мы хотим лучшего», наружу повылазили всевозможные болтуны и демагоги. И чем радикальнее были их лозунги, тем охотнее народ на них вёлся. Им пока не хватало организованности и собственных СМИ, но это компенсировалось гиперактивностью и бесчисленным количеством листовок, которые печатались на всём, что было доступно. От типографских станков до фотографического оборудования. Попытки местных чекистов прищучить наиболее оголтелых привели к обратному результату: из них сделали мучеников. И власть растерялась. Хорошо, хватило ума не капитулировать, а обратиться за помощью к Большой Земле. Точнее, к куратору проекта, нашему Ивану Ивановичу. И тот нашёл гениальный выход.

Пока мы катались по Матушке России, в каждом из городов Советской Республики на центральной площади с наступлением темноты начиналось кино. В буквальном смысле этого слова. На огромном белом экране мощный проектор демонстрировал пятичасовой фильм о том, что происходило в СССР и России в течение 20 последних лет. Год за годом. По 15 минут на каждый год. Жёстко, честно, без прикрас, но и без идеологических эмоциональных завываний. Если был факт гибели 13 тысяч человек в Афганистане, так и говорилось. Если Черненко тяжело болел, а его назначение на пост было вызвано нежеланием Политбюро что-либо

менять, так и объявлялось. Если набились в Межрегиональную депутатскую группу проходимцы и карьеристы, то это и отмечалось. Если разорялись заводы и фермы, голодали простые люди, а новые хозяева жизни жировали, покупая яхты и замки, то не скрывалось и это. Честно признавалось и повышение уровня жизни населения в последние годы. Как и то, что приватизацией руководили штатные сотрудники ЦРУ, а Ельцин беспорядочно пьянствовал.

Иван Иванович похвастался, что эту титаническую работу удалось проделать всего за неделю. А поскольку авторов известили, что фильм предназначен для «узкого просмотра», и можно не стесняться в оценках, но быть при этом максимально объективными, они отвели душу.

Постоянная линия связи между Межгорьем и Советском действовала бесперебойно, и глава СГБ мог просто поднять трубку, чтобы связаться с нашим куратором. А Иван Иванович – позвонить Максиму Георгиевичу. О результатах «идеологической кино-диверсии» они и разговаривали вчера.

Как рассказал Воздвиженский, на анонсированный по радио фильм люди шли толпами, забивая площади так, что яблоку некуда было упасть. Выстаивали все пять часов даже под проливным дождём очередного тайфуна, зацепившего своим краешком города восточного побережья. И расходились потрясённые. В столице пришлось сдвинуть время показа, чтобы успеть за ночь прокрутить фильм дважды. И уже после второй «кино-ночи» резко упала поддержка как сторонников перехода к «дикому капитализму», так и «нео-большевиков», которых правильнее было бы назвать троцкистами.

- Но как технически удалось организовать просмотры? – удивилась Наташа.

- Я же уже рассказывал вам, что мы проводили тестовые запуски установок. А переправить пару контейнеров с проекторами, видеопроекторами и мощным звуковым оборудованием – не такие уж большие проблемы, – пожал плечами куратор. – Как и десяток добровольцев из числа вчерашних безработных... Полномочия я, конечно, превысил, но если меня за это со службы турнут, то где мне на пенсии осесть, я, кажется, уже знаю.

Генерал хитро подмигнул моей жене, и та улыбнулась такому проявлению эмоций всегда сдержанным чекистом.

- Почему я вам это рассказываю? Ещё ничего не закончено. Ради власти люди способны на многое. Поэтому за оставшиеся до выборов дни вы тоже должны что-нибудь придумать, чтобы нейтрализовать влияние радикалов на население. Нам нужна стабильность в Советской Республике. Слишком уж большие планы завязаны на сотрудничество с ней. Нам с её помощью предстоит, ни много, ни мало, вернуться к статусу сверхдержавы. А вам – я имею в виду Советскую Республику – стать сверхдержавой в ТОМ Мира. Не сразу, конечно. Вам для этого понадобится лет пять, нам – десять-пятнадцать: масштабы всё-таки разные. Но ни вы без нас с этим не справитесь, ни мы без вас. А поскольку именно вы, граждане Колесовы, будете отвечать за все инновации, то готовьтесь к тому, что пахать придётся по... Сколько у вас там часов в сутках? Тридцать? Вот по тридцать одному часу в сутки и будете пахать!

Уже в ближайшие дни мы переправим на вашу сторону оборудование для организации пакетной передачи и обработки данных. И ваши рабочие компьютеры получат возможность обращения к серверному центру, монтируемому здесь, на территории Межгорья. Любые справочники, энциклопедии, базы данных технической документации будут к вашим услугам. Работайте, дерзайте, развивайтесь. Но... после определённого момента, который, я надеюсь, наступит довольно скоро.

- Тот самый «зелёный свисток»?

- Именно, Наталья Викторовна! А пока, надеюсь, вы с супругом не откажетесь принять от меня небольшой подарок?

Подарком оказались не только Наташины капитанские погоны, но и груда коробок, которые с трудом удалось впихнуть даже в необъятный багажник нашего УАЗа. А всё заднее сиденье, за исключением крошечного уголка, заняли вещи... Маргариты Степановны, которая после знакомства с данными о медицине Советской Республики просто выкрутила руки куратору проекта, чтобы тот отпустил её «за Стену». И вот теперь, пока я ехал на «Симбире» от штольни до парковки возле здания медсанчасти на территории Лаборатории № 1, она жадно втягивала в себя ночной воздух Нового Мира, льющийся через открытые окна машины.

- Вы чего так долго?!

С возмущённым воплем Людка летит к нам от входа, и я едва успеваю её перехватить, чтобы «сестрёнка» с разбегу не врезалась в Наташу, животик которой уже становится заметным. Она и меня едва не уронила, когда я подхватил её на руки!

- Обниматься – сначала со мной! – ставлю я девушку на землю.

- Обойдётся! – фыркает она и смущённо одёргивает белый халат, прикрывая излишне оголившиеся от этого бёдра. – Наташечка, как я по вам соскучилась!

А вот теперь, когда ты просто стоишь, а не несёшься, как угорелая, можешь и с моей женой обниматься!

- Познакомьтесь, Маргарита Степановна, это рыжее чудо по имени Людмила здесь работает медсестрой.

- Чего это я рыжая? Я светло-русая!

- Да-да! «Я не рыжий, я блондин!», - цитирую я старый советский фильм и начинаю командовать. – Так, светло-русая! Быстро бросила тискать мою беременную жену и повела Маргариту Степановну ставить прививки! Вы уж извините, доктор, теперь вы здесь в роли пациента, и мучить анализами и уколами будут вас.

- Отомстили, значит? – хохочет врач.

- Иди, иди! – подталкиваю я Люду. – Теперь мы до утра никуда не денемся, успеем наговориться.

- Наташ, врежь ему за меня! Он же меня за попу ущипнул!

- А ты боишься, что синяк выскочит, и тебя твой Поладик, когда его заметит, приревнует к кому-нибудь?

- Дурак! – краснеет девушка, и по её реакции видно, что в том, к обзору каких частей тела «сестрёнки» уже допущен её любимый, я не так уж далёк от истины.

Маргарита с Людкой ушли в здание, а мы остались возле машины под присмотром солдата, косящегося то на нас, то на наше средство передвижения.

- А вы почему не идёте в медсанчасть? – наконец-то решается он пресечь «нарушение беспорядка». – Прививки обязательны для всех прибывающих «из-за Стены», здесь есть очень опасные болезни, которых нет ТАМ.

- Молодой человек, мы это знаем. И прививки у нас уже есть.

- Так это – вы! Простите, не узнал без вашей пятнистой формы... А что это за машина?

Мужики – они и есть мужики! Если не про оружие, то про машины.

- УАЗ-«Симбир».

- Это – УАЗ???

Привыкай, парень! То ли ещё будет, когда всё закрутится на полную мощь! Ты ещё «Ниву-Шевроле» не видел!

Наташа лишь улыбается, слушая типично мужицкую болтовню про авто-игрушку. А наш содержательный разговор прерывает появление заспанного Васенко всё-таки вылезшего из постели, чтобы поприветствовать нас по возвращении с Большой Земли.

Дождавшись, когда вернётся Маргарита Степановна, мы направляемся к административному зданию. Точнее, доктор, Наташа и Васенко идут пешком, а я и запрыгнувшая в машину Людмила едем к проходной.

- Ячнева, а ты куда? У тебя что, уже дежурство закончилось?

- А сегодня не моя смена, Григорий Никитич! Я просто выходила на работу, чтобы Николая с Наташей встретить!

- Вот шельма! – покачал головой начальник Лаборатории. – Никакого сладу с ней!

- Как у вас с Поладом дела? Ещё не поженились?

- Нет пока. Вот дней через десять свожу его в город, чтобы с мамой познакомить, и сразу же в ЗАГС!

- Не надоело мужика мучить?

- Ничего, пусть ещё чуть-чуть потерпит: я же терплю! Еле-еле... - томно закатила она глаза.

Задерживаться в Точке Перехода мы с Наташей не стали. Помогли Маргарите Степановне перенести вещи в комнату общежития, довели до восторженных воплей Люду, подарив ей комплект камуфляжа – брюки, куртку, футболку и кепку – и едва рассвело, двинулись домой, в Советск.

Советск, 36 год, 10 сентября, среда, 27:40

С вещами Маргариты Степановны было проще. А вот с перетаскиванием содержимого багажника машины на второй этаж – куда сложнее! И бегать бы мне туда-сюда часа полтора, не заметь мою суету соседи. Сначала один, выглянув в окошко, спустился помочь, а потом и второй, не очень-то торопящийся на работу, чуток пособил. За это пришлось подбросить его на машине в центр, рассказывая по дороге обоим соседям (второй просто прокатился с нами,

сгорая от любопытства, что за «крутые колёса» я «из-за Стены» пригнал) о своём «Симбире». Так что очередной порцией сплетен о начале работы Перехода Советск на ближайшую пару недель обеспечен!

Почему очередной? А вы думаете, если официально об этом не объявили, то люди настолько глупы, что не догадались, откуда «ноги растут» у киносеансов под открытым небом? Сосед, с которым мы возвращались из центра, мне только про них и содержание фильма всю дорогу и трындел! А я пообещал пригласить его в гости, чтобы показать видео, снятое нами во время путешествия по России.

Добравшись наконец-то до квартиры, я позвонил в Контору и сообщил Строкову, о своём возвращении. Но предупредил, что выйдем мы на работу только завтра. И не только из-за усталости с дороги.

Пока мы с соседями катались, а я закупался продуктами, Наташа легла поспать. Я же, с наслаждением выпив чашечку НАСТОЯЩЕГО кофе, уселся разбираться с коробками, вручёнными «в подарок» куратором.

Сканер. Отлично! Лазерный принтер с коробкой картриджей к нему. Шикарно! Ноутбук. Ну-ка, ну-ка! Что за потроха в нём? Охренеть! Да я о такой моще даже и не мечтал! Это же... полстоимости моего «Симбира»! Ну, спасибо, Иван Иванович! Комплект миниатюрных радиомикрофонов и многоканальная станция для записи сигналов с них. Тоже в хозяйстве пригодится! Если не мне лично, так Конторе. Коробка дисков с программным обеспечением. Потом разберусь! Телевизор? Зачем? Впрочем, судя по характеристикам, этот 24-дюймовый жидкокристаллический агрегат можно и как монитор компьютера задействовать. Или это намёк на что-то?

А о чём это бубнит радиоприёмник на стенке? Чёрт, начало прослушал! «Пробное телевидение на первом канале планируется запустить в Советске не позднее 30 сентября. Монтаж нового оборудования, поступившего с Большой Земли в рамках проверки функционирования техники Перехода, ведётся полным ходом.

К сожалению, у населения Республики практически не осталось телевизионных приёмников, но исполняющий обязанности председателя Совета Министров Михаил Александрович Еремеев заверил, что уже в ближайшие месяцы ситуация кардинально изменится. Также в ближайшие дни будет завершено переоснащение кинотеатров «Октябрь» и «Юбилейный» техникой, позволяющей использовать технологии Большой Земли для демонстрации кинофильмов, которые также поступят «из-за Стены». Пока это не самое качественное оборудование для кинотеатров, но оно, по словам исполняющего обязанности премьер-министра, позволит нашим гражданам прикоснуться к шедеврам киноискусства, снятым за время нашей вынужденной изоляции.

Техника, освобождающаяся после завершения в ночь на субботу массовых показов фильма «СССР-Россия, 1982-2001. Год за годом», также будет передана кинотеатрам городов Советской Республики, и на нём будут демонстрироваться художественные и документальные фильмы, снятые в Советском Союзе, Российской Федерации и других странах Старой Земли».

Вот тебе и намёк!

Дожди, принесённые тайфуном и лившие три дня, закончились ещё вчера, и вечером мы с Наташей решили прогуляться по городу. Точнее, собственными глазами увидеть, что

происходит на его улицах в преддверии выборов. Ну и, разумеется, посмотреть бесплатное кино, показываемое на площади перед Верховным Советом, а также оценить реакцию людей на него.

- А пистолет-то зачем? – удивилась Наташа, когда я, усевшись в машину, протянул ей её «Глок». – Мне его и положить некуда! Я же даже сумочку не взяла.

- Ну, тогда брось его в барадачок.

- Легко сказать «брось»! – возмутилась она, раскрыв перчаточный ящик. – Ты же сюда натолкал дисков с фильмами, которые под Усть-Катавом накопил!

- Любимая, тогда выбрось диски на заднее сиденье, а вместо них положи пистолет. Пусть на всякий случай будет под рукой.

Для своего положения она капризничала в меру, и я старался быть образцом спокойствия. Даже в ситуациях, когда очень хотелось фыркнуть в ответ.

Подъехать на самую площадь нам не удалось: инспектор ГАИ не пропустил. Но и тащиться пешком целый квартал было лень. Я предъявил сержанту служебное удостоверение, и парень направил нас на дорожку, ведущую ко въезду во внутренний двор парламентского комплекса зданий, на которой мы и припарковались. А дальше уж пешочком...

Огромный белый экран, закреплённый на противоположной от парламента стороне улицы, прикрывал навес. Прямо под ним, в небольших будочках, две пирамиды мощных громкоговорителей. На ступенях, ведущих к Верховному Совету, ещё один «скворечник», в котором, как я понял, и стоит видеопроектор.

Нас с Наташей узнал Чёрный, в обязанности которого теперь входила охрана парня лет двадцати пяти, колдовавшего с аппаратурой. Анатолий представил нас друг другу, и мы с Женей зацепились языками об используемой технике.

Всё работало предельно просто: от DVD-проигрывателя один кабель был подключён к проектору, а другой – к усилителю звука. Задача Евгения, инженера-электронщика по образованию, заключалась в том, чтобы подсоединить убираемую на день аппаратуру, включить питание, объявить в микрофон о начале сеанса и вставить в лоток проигрывателя диск.

- Не скучно?

- Не, прикольно! У нас бы на такую херню никто не пришёл, а здесь толпами валят! Сегодня ещё немного людей, а в первую ночь – чуть ли не на голове у меня сидели. За три часа до начала просмотра уже не пробиться было! Видимо, кто мог – уже посмотрели, некоторые по второму разу приходят, спрашивают, когда репертуар поменяем! – засмеялся Евгений.

- А там что за сходняк? – кивнул я на группу, человек в пятьдесят, с самодельными плакатами, слушающую оратора.

Крупный лысый мужчина яростно размахивал кулаками на парапете рядом с тропинкой, ведущей к импровизированному кинозалу.

- Кандидат от оппозиции агитирует не верить официальной пропаганде, – пожал плечами Чёрный.

До начала сеанса оставалось с полчаса, и мы с Наташей решили поглядеть на местных оппозиционеров и послушать их аргументы.

В общем-то, ничего нового. Как обычно, сборище непризнанных гениев, городских сумасшедших и прочих обиженных властью и природой субъектов. Объединённых только идеей «разрушить до основания, а потом...». Потом, по их словам, придёт какой-нибудь добрый дядя и поведёт всех в счастливое либерально-капиталистическое будущее, где каждый будет есть досыта, спать без просыпа и прикуривать от сторублёвых купюр, поскольку богатыми собственниками заводов, газет, пароходов станут буквально все. А сейчас это недоступно из-за того, что глупым (по другой версии – злонамеренным) правителям и чиновникам выгодно держать народ «безмолвными рабами, работающими за похлёбку».

Нас, несмотря на отпущенные мной в Москве усы, узнали немедленно, и лысый кандидат в депутаты тут же разразился тирадой о том, что прислужники кровавой тирании пришли, чтобы сорвать митинг свободных людей. Покраснев от натуги, он ещё минут десять выкрикивал свою чушь, и Наташа, заскучав, потянула меня назад.

Но я оставил её на попечение Анатолия с Женей, а сам быстренько смотался до машины и обратно. Пока появилась идея, надо её попытаться реализовать.

- Жень, а кто распоряжается показом?

- В смысле?

- Ну, хочу, чтобы ты «в нагрузку» ещё одно кино прокрутил.

- Да никто не распоряжается! Мне задачу поставили эту документалку крутить, пока зрители есть, а больше никаких распоряжений не было. А что за кино?

- Художественное! – подмигнув, показал я коробочку принесённого из машины фильма.

- Класс!

- Если кто-то попробует наехать на тебя за нарушение репертуара, сошлись на меня! И это... дай мне микрофон, я анонс сделаю.

Коробочка с диском перекочевала в руки Евгения, а микрофон – в мои.

- Товарищи, минутку внимания! Меня зовут Колесов Николай Валерьевич, многие обо мне слышали, кто-то читал в газетах. Я тут десять минут назад подходил к участникам встречи с нашим уважаемым кандидатом в депутаты, которые считают, что фильм, на просмотр которого вы пришли, является антинародной пропагандой. И показывают его для того, чтобы зазомбировать вас, увести от истины, которая лежит в приверженности идеям либеральной экономики. И лишь окончательный слом действующей модели общества, полный переход к либеральной экономике приведёт к улучшению благосостояния каждого человека.

Вы не возражаете против того, что перед демонстрацией «пропагандистской агитки», как называет наш уважаемый кандидат в депутаты документальный фильм «СССР-Россия, 1982-2001. Год за годом», вам покажут художественный фильм, снятый в Российской Федерации? Один из наиболее ярких, популярных в современной России. О парне, вернувшемся домой после службы в армии. Снят он был в 1997 году, на шестой год после перехода Российской Федерации к капитализму. Сразу предупреждаю: из-за этого вам придётся задержаться здесь, на площади, на лишние полтора часа. Не пугает вас это?

Судя по возгласам, не пугает! Тогда попрошу господ либералов присоединиться к просмотру тех реалий, которые ждут общество, если оно пойдёт по указываемой ими дороге!

Не зря дедушка Ленин придавал столько значения «важнейшему из всех искусств»! История Данилы Бодрова (вы правильно догадались, что крутили в этот вечер фильм «Брат») потрясла даже всегда спокойного Чёрного. Ведь если нас, живших в это время, трогает лишь сила характера и изобретательность Данилы-боевика, то людей, никогда не знавших о существовании «лихих 90-х», поразила сама обстановка, в которой происходило действие.

- Слушай, а насколько это всё реально? – нервно куря сигарету, спросил меня Анатолий, когда на экране уже хоронили «дорогого Леонида Ильича». – Ну, все эти бандиты, стрельба, живущие на кладбище бывшие инженеры...

- Абсолютно реально! Так и было. Сейчас стало чуть лучше, но нищие врачи и учителя, получающие копейки инженеры, развалины на месте бывших заводов – до сих пор реальность, – кивнула Наташа. – Как и бандиты, раскатывающие на шикарных иномарках и время от времени отстреливающие друг друга и тех, кто им не нравится.

- П*здец! Ой, извини, Наташенька! Да хрен я за этого Кокоткина теперь проголосую! И всей родне и друзьям запрещаю за него голосовать.

- За кого?

- Да за этого кандидата в депутаты, которого вы ходили слушать! – махнул рукой Толик в сторону импровизированной трибуны, с которой полтора часа назад вещал лысый кандидат.

- А собирался, что ли?

- Ну... Сомневался. Говорит он, зараза, красиво!

Советск, 36 год, 12 сентября, четверг, 04:30

- Ну, и что ты опять натворил?

Воздвиженский хитро шурился, и по его виду было понятно, что он вовсе не собирается он мне давать разгона.

- Вы про ночной сеанс, что ли? Просто предоставил дополнительную информацию для размышлений.

- Тебе «просто», а мне с утра телефон оборвали! Требуют наши, знаешь ли, руководители культуры, организовать приобретение этого фильма для кинопроката. А где я его возьму?

- Да не проблема! Перепишу я его на болванки и раздам, сколько надо...

- Куда перепишешь?

- На чистые лазерные компьютерные диски. На Большой Земле их называют болванками.

- В общем, не занимайся самодеятельностью! Придумал с этим «Братом» ты хорошо. На людей действительно сильно подействовало. Вон, у оппозиционеров наших уже истерика! Доложили мне, что этот Кокоткин – ох, и фамилия! – в своём таксопарке водителям пообещал, что

поувольняет их, если те пойдут на это кино.

- Блин, а у него даже целый таксопарк?!

- Да какой там, в задницу, таксопарк! Три машинёшки по городу бегают! Ему хватает дохода, чтобы корчить из себя великого коммерсанта, а наёмных водителей заставляет за свой счёт машины обслуживать и ремонтировать. Теперь ещё и во власть решил пойти. Почуял, подлец, что с началом поставок товаров с Большой Земли можно будет влиять на их распределение по городам и районам! Тут же сколотил себе шайку подпевал, которые надеются крошки с его стола собрать.

- Ох уж мне эти «оппозиционеры»! Правильно вы всё-таки сделали, введя альтернативные выборы, но не позволив этой шусере в партии объединяться! В России с этим – просто беда! Находят двух-трёх человек, выглядящих прилично, а вслед за ними по партийным спискам в депутаты пролазит два десятка подлецов. И никакой возможности отозвать какого-нибудь урода: «Вы голосовали за партию, а не за конкретного депутата, а партия ему доверяет»!

- Так и эти лезут с лозунгом об отмене запрета на создание партий! – генерал ткнул пальцем в жиденькую стопочку уже знакомой мне газетёнки «Голос народа». – Уже третий выпуск мусолят эту тему. Иван Иванович тоже не советует допускать голосования по партийным спискам.

- Кстати, об Иване Ивановиче. Он мне «подарочек» передал. Как раз по нашему профилю: радиомикрофоны, радиомаяки, пара радиотелефонов с радиусом действия в городе до пары километров, устройства по защите телефонных разговоров от прослушки...

- Лучше бы прислал аппаратуру для пакетной передачи радиogramм на коротких волнах! У нас осталось в живых всего пять или шесть комплектов. Используем сейчас только в самых крайних случаях, как было во время ликвидации заговора, не все города обеспечены, не говоря уже о воинских частях.

- Не бойтесь, что Орден перехватит?

- Похоже, ты даже не представляешь себе, что это такое! Это специальная аппаратура, которая сжимает радиogramму в сигнал, длительностью одну-две секунды. На слух воспринимается, как какая-нибудь кратковременная помеха. Расшифровке не поддаётся, даже если ты эту «помеху» перехватил и записал на магнитофон. Чтобы расшифровать, надо гонять запись сотни лет даже через мощнейшие компьютеры. Даже запеленговать передатчик за такой короткий сеанс связи практически невозможно, если нет соответствующей аппаратуры и нескольких мощных антенных полей. Мы такие устройства стали широко использовать, когда появились сведения о радиоперехватах переговоров с орденского континента. Но... Техника, чёрт бы её побрал, не вечна! С Большой Землёй мы, конечно, через шифровальные устройства разговариваем. Но на дальнюю радиосвязь требуется совсем другое.

Кстати, про технику! Когда твою машину обмывать будем?

- Мне бы её ещё зарегистрировать, номера получить...

- Так какие проблемы? Позвони в ГАИ, скажи, что подъедешь, они тебе всё и оформят.

- А не обвинят потом, что воспользовался «телефонным правом», надавил на инспекторов?

- Во-первых, они и без того там не урабатываются. Хорошо, если раз в неделю приходится

документы оформлять. А во-вторых, они всё побросают и вприпрыжку примчатся, как только услышат, что ты машину «из-за Стены» регистрировать хочешь. Они уже о ней наслышаны и ждут тебя!

- Придётся тогда их отблагодарить...

Максим Георгиевич нахмурился, и я поспешил его успокоить:

- Я им староземельский журнал «За рулём» подарю!

- Обойдутся! Ты его лучше мне подари!

Документы и номера мне действительно справили минут за пятнадцать, но ещё час весь личный состав управления ГАИ, расположенного на живописнейшей набережной, с которой открывается вид на огромное водохранилище ГЭС, лазил по машине, попутно пытая меня расспросами о «Симбире». А номер журнала я им всё-таки подарил. Ещё один, о котором я Воздвиженскому так и не сказал.

После обеденного перерыва, во время которого я и зарегистрировал машину, мы с Наташей продолжили долбить план переоснащения управлений Службы новой техникой. Телефоны, компьютеры, принтеры, сканеры, внутренние АТС, рации, автотранспорт, оружие, форма, спецсредства... Потом пришлось прерваться: Строков взмолился, что его уже задолбали «деятели культуры», как он обозвал чиновников из министерства культуры и спорта, и мне пришлось уехать (заскочив на минутку домой, чтобы прихватить кое-какие диски и компьютер) на встречу с ними. Чтобы проконсультировать их в вопросах культурных достижений Большой Земли и возможности запуска в прокат и вещание кино и музыки. «Тоже мне, певца нашли!», как говорил герой известного анекдота. Работать-то когда буду?!

Этим нужно было всё и ещё вчера. Пришлось их чуть-чуть опустить на землю, рассказав, что такие фильмы, как «Брат», едва ли не лучшие и безобидные среди современного «искусства». Для примера прокрутил на ноуте фрагмент из «Греческой смоковницы», которая, как известно, выглядит едва ли не пуританским фильмом в сравнении с кое-какими иными «киношедеврами». Ещё запустил кусочек из прошлогоднего альбома группы «Ленинград» «Маде ин жопа», а в качестве образчика разговорного жанра – «Титаник» Шуры Каретного... Пожалуй, эффект был посильнее, чем от «Брата»...

- Повторяю: это – далеко не всё современное кино и эстрада. Но такого немало. Где-то больше, где-то меньше пошлятины, хамства и извращений. Готовы ли вы без разбору выпустить такое в эфир и прокат?

- Да нас же... люди линчуют за этот кошмар! – справедливо рассудила одна из сотрудниц министерства. – Но что же тогда делать?

- Вы когда-нибудь слышали о таком инструменте, как цензура? Я понимаю, что для слуха многих из вас оно звучит... как личное оскорбление. Но иного выхода я не вижу: только предварительный просмотр, прослушивание и одобрение или неодобрение. Или одобрение с ограничениями возраста смотрящих, как это было в СССР. Помните, существовала категория фильмов «кроме детей до 16 лет»? Собственно, и здесь есть такая категория кино, «кроме детей до 11 лет».

- Ну, вы и сравнили! Да у нас под такое попадает, если в кадре грудь мелькнула или... волосы на лобке... А здесь же – худшая из порнографий!

- Ошибаетесь, уважаемая! То, что вы увидели, по классификации большинства стран Большой Земли считается эротикой. Как и, например, сцены половых актов, на которых не видны половые органы. В показанном вам фильме не демонстрируются крупным планом возбуждённые фаллосы и вагины, не сняты подробности полового акта мужчины с женщиной, женщины с женщиной, мужчины с мужчиной, групповой секс, секс с детьми и животными. Вот то, что я перечислил, и называют ТАМ порнографией. Да и то не всегда. Есть страны, где многие половые извращения узаконены как в кино, так и в реальной жизни. ТАМ работает целая индустрия порнофильмов!

- Вы так это всё смакуете, будто только тем и занимаетесь, что эту гадость смотрите! - фыркнул мужчина явно пенсионного возраста.

- Отнюдь. Но в молодости пережил исторический период, когда это всё хлынуло на экраны. Разумеется, как всякому молодому человеку, мне было интересно «вкусить запретный плод». Другой разговор, что моя психика оказалась вполне устойчивой, чтобы не свихнуться и остаться нормальным человеком. А вот кое-кто из моего поколения и тех, кто помоложе, не выдержали. Рассказать вам про итоги российской «сексуальной кинореволюции»? Просто сумасшедший рост преступлений сексуального характера, жестокости этих преступлений, психических заболеваний, венерических болезней, проституции и гомосексуализма. Причём, распространилось это настолько, что во многих сферах - например, на эстраде - принадлежность к извращенцам и демонстрация своей нетрадиционной сексуальной ориентации стали едва ли не единственным условием для «творческого роста». Ты можешь не иметь ни голоса, ни слуха, ни внешности, но если всячески подчёркиваешь свой гомосексуализм или лесбиянство, то тебе открыта дорога на все телеканалы, радиостанции, конкурсы...

- Мерзость какая!

- Деньги не пахнут! И не только прокатчиков, но и тех, кто платит за то, чтобы любовницы, сёстры, дочери, жёны, мужья, сыновья и «друзья семьи» стали знаменитыми... Станут они знамениты - деньги вернутся в виде сборов с выступлений и концертов. Только бизнес, и никаких талантов!

- Но кто будет заниматься этой... цензурой? - по лицу чиновницы было видно, насколько ей не нравится это слово.

- Вы. Нет, не вы лично, хотя я против этого и не возражаю, а ваше министерство. Разрабатываете объективные параметры, согласно которым будут оцениваться фильмы, художественные и музыкальные произведения, эстрадные выступления. Формируете комиссии, которые будут оценивать продукцию на соответствие этим параметрам. Заказываете оборудование и образцы произведений. И ставите штампика в протоколе: «Годится», «Не годится», «Годится с таким-то ограничением». Главное - не переусердствовать, как это нередко бывало в СССР.

- Но когда нам этим заниматься? У нас и своей работы навалом!

- Находите время! Я же нашёл его, чтобы приехать к вам, хотя для этого мне пришлось отложить важнейшие дела...

Мля, неужто я превращаюсь в бюрократа? Вон как заговорил! «Находите время»!

- Привет, Валерьич! Это Чёрный.

- М...г...

Это должно было обозначать «ага», но рот занят пережёвыванием котлеты.

- Слушай, тут у нас чёрт знает что творится! Народ ломится толпами, как в первый день. Требуют кино!

- Ну, так у Женьки же оно есть!

- Ты не понял! Они требуют, чтобы им, как вчера, показали что-нибудь, кроме документалки. Нет, её они тоже хотят посмотреть, но что-нибудь дополнительное требуют.

- Блин, Толян! Я только со службы приехал, только жрать сел!

- Так я тебя не тороплю. До темноты-то ещё – ого-го! Я тебя просто прошу, чтобы ты, как будет время, завёз этот... диск...

На этот раз я к микрофону вылезать не стал, предпочтя, чтобы Евгений сам объявил фильм.

- Современная российская комедия о простом деревенском мужике, пытающемся найти справедливость. Называется «Не послать ли нам гонца?».

Я выставил рядом с будочкой «киномеханика» табуретки, привезённые с нашей кухни, и мы с Наташей, в отличие от большинства из доброго десятка тысяч зрителей, приютившихся на ступенях, на каких-то покрывалах на газончике или смотревших кино стоя, устроились, как в вип-ложе.

Блин, не зря говорят, что от просмотра ленты в кинотеатре и дома на диване совершенно разный эмоциональный эффект!

Где-то посреди фильма нас потревожил Воздвиженский.

- Где же вы ещё можете быть, если телефон не отвечает, а квартира закрыта? Только кино крутите! Наташа, ты не сильно обидишься, если я твоего ненаглядного украду минут на двадцать-тридцать? Ты, Николай, где машину оставил?

- Что-то случилось? – задал я вопрос, когда мы уселись в «Симбир».

- Ещё нет, но готовится, - с любопытством осматривая салон машины, ответил генерал. - Я тебе рассказывал, что есть у меня человек среди этой гоп-компании из «Голоса народа». У них тут на заседании «редколлегии» спор вышел: давать в завтрашнем номере одну статейку или нет. О том, что «кровавая тирания» готовит фальсификации выборов. Решили не печатать, а конкретные факты массовых фальсификаций опубликовать в экстренном выпуске, который выйдет днём в понедельник. Массовых фальсификаций! А заготовки для статей поручили заранее подготовить своим наиболее писючим авторам. Даже кое-какие факты им уже подкинули...

- Не понял! Какие могут быть факты массовых фальсификаций за три дня до их совершения? Если, конечно, они сами их не готовят.

- Вот и я о том же! Ты как-то рассказывал, что в России частенько мухлюют на выборах. Просвети меня, тёмного человека, как это делается.

- Максим Георгиевич, да откуда местным знать про тамошние технологии фальсификаций?
- Зря ты считаешь, что наши тупее староземельских! А если ТАМ до чего-то додумались, то и здесь могут. Главное – цель поставить.
- Самое простое – подкуп. Раздают, например, «продовольственные пайки» малоимущим в обмен на обещание отдать голос за нужного кандидата. Самое любопытно, что подавляющее большинство «облагодетельствованных» идёт и честно голосует. В смысле – голосует за того, кому пообещали проголосовать за него.
- Так. Ну, вроде такого не замечено. Хотя надо будет дать поручение проверить, не закупал ли какой-нибудь кандидат из числа артельщиков крупные партии продуктов.
- Изготовление лишних бюллетеней или кража из типографии части тиража. Потом эти бюллетени, соответствующим образом заполненные, целой стопкой забрасываются в урну для голосования. Это называется «вброс».
- Есть! В городской типографии возникла проблема: недосчитались нескольких пачек бюллетеней, пришлось печатать дополнительную партию. Вернусь в кабинет – дам поручение выяснить, для каких избирательных округов печатались эти бюллетени! Дальше.
- «Подвозка». Для этого обычно используются открепительные талоны, выданные тем, кто будет в командировке или в отъезде. Людей сажают в автобус и везут в другой город или район, где они голосуют на участке за «нужного» кандидата. Иногда – сразу на нескольких участках.
- Дам задание выяснить, где было выдано аномально большое количество открепительных талонов.
- Что здесь делают с ними после их предъявления?
- Да ничего с ними не делают! Регистрируют в специальном журнале его номер и данные, кем выдан, и отдают назад!
- Нужно или изымать, или гасить их!
- Как гасить?
- Да элементарно! Пишется, что талон использован, а на подпись председателя комиссии ставится печать этой комиссии. Кстати, можно и бюллетени проштамповать, чтобы от «вбросов» предохраниться. На пару-тройку тысяч бланков поставить печать – дополнительный час работы.
- Понял. Постараюсь убедить председателя Центризбиркома. Это всё?
- Нет, конечно. Очень распространены «карусели». Это когда один человек выносит с участка незаполненный бланк, меняет его на деньги у организатора «карусели», который его заполняет и передаёт следующему, чтобы тот опустил его в урну и вынес ещё один незаполненный. И так – десятки и сотни раз, насколько хватит денег у организатора.
- А с этим как бороться?
- Запретом на вынос бланков бюллетеней с участка и наблюдением за окрестностями участка.

Организатор «карусели» обычно вертится поблизости, и к нему подходят вышедшие с участка. Но куда более эффективны манипуляции при подсчёте голосов, когда «свой» член комиссии преднамеренно портит бюллетени соперников, «ошибается» при подсчёте или кладёт их в другую стопку. Здесь уж поможет только взаимный контроль членов комиссии или видеосъёмка.

- Хм... А это мысль! Слушай, а сложно научиться пользоваться видеокамерой?

- Минут пяти хватит! – засмеялся я. – Если есть в наличии бытовые миниатюрные камеры.

- Тогда поехали!

- Куда? А Наташа?

- Извини. Зови свою супругу, завезём её домой, а потом едем ко мне в Совет Министров. У меня оттуда тоже прямая линия с Большой Землёй есть. Я туда же и председателя Центризбиркома вызову. Повторишь ему всё то, что мне наговорил.

Пришёл я домой только под утро. А Воздвиженский решил заказать на Большой Земле «Симбиры» для начальников управлений СГБ...

Советск, 36 год, 20 сентября, пятница, 17:45

Полсотни видеокамер, самых простеньких, пишущих на восьмимиллиметровую плёнку, а также по десятку кассет и запасной батарейке на каждую, пришло «из-за Стены» в ночь на субботу. Поэтому с утра мне пришлось раздать их сотрудникам городского управления СГБ и центрального аппарата Службы и тут же начать их учить обращению с этой техникой. Тупо раздал ещё не распакованные коробки, а потом заставил действовать по принципу «делай, как я». Лишь из-за отсутствия такого большого количества розеток для зарядки батареек я показал, как батарейки заряжаются и меняются, и отправил всех по домам со строгим приказом быть на открытии избирательных участков при полном комплекте кассет, зарядных устройств со шнурами питания и запасных батареек.

Как потом выяснилось, ни один сотрудник не отказал себе в удовольствии снять какой-нибудь сюжетик из семейной жизни и продемонстрировать его на крошечном экранчике видеоискателя домочадцам. Ну да ладно! Вполне понимаю этих людей, впервые столкнувшихся с подобным «чудом вражеской техники»!

Задуманная нами с Воздвиженским пакость вовсе не предусматривала непрерывную двенадцатичасовую вахту с наблюдением за происходящим в видеоискатель. Камера ставилась на какой-нибудь столик, чтобы в кадр попадали и урны, и столы членов комиссии, и лишь при возникновении «непоняток» оператор брал её в руки, чтобы снять происходящее более подробно.

Курсировали и несколько «групп быстрого реагирования», выезжавшие по сигналам милиционеров, заметивших что-либо подозрительное (а на что следует обращать внимание, их проинструктировали). Так удалось запечатлеть оба случая «подвозки» и три «карусели», организаторов которых взяли с поличным. Задержали и девицу, пытавшуюся вбросить стопку бюллетеней, заполненных, на кого бы вы думали? Верно, на господина Кокоткина. Ещё один «вброс» удалось снять на видео, но в этот момент оператор «ловил ворон», и сделавший это мужчина успел уйти. Сами кадры нашли только после обнаружения в урне стопки бюллетеней без печати комиссии. По ним, а также по журналу регистрации, и восстановили имя

нарушителя, которому теперь будет очень кисло. Но даже видеосъёмка не дала информации, кто и когда, сделал ещё два «вброса», обнаруженных уже во время подсчёта голосов по отсутствию печати на бюллетенях

Служба госбезопасности сработала прекрасно и в другом направлении. Не успели автобусы с участниками «подвозки» вернуться в Рыбачье, как уже стало известно, кто нанимал и оплачивал эти рейсы. Причём, эффект фальсификации оказался минимальным, поскольку подставным, явившимся на другой участок с погашенными открепительными удостоверениями, попросту дали от ворот поворот. Сколько всего избирательных участков они собирались объехать, выяснит следствие.

Едва закрылись участки, как в здании ЦИК собрал пресс-конференцию начальник столичного управления СГБ, отчитавшийся о выявленных попытках фальсификаций и предъявивший не только видеодоказательства, но и образцы изъятых бюллетеней. Особенно впечатлила журналистов видеосъёмка, продемонстрированная на моём телевизоре. Том самом, подаренном Иваном Ивановичем.

Анонсированная после этого пресс-конференция оппозиционеров не состоялась, ввиду того, что они покинули зал ещё до того, как начальник управления закончил свой отчёт. А поскольку Максим Георгиевич таки заручился разрешением генерального прокурора на установку привезённых мной с Большой Земли радиомикрофонов в машину Кокоткина и «штаб-квартиры» других оппозиционеров, вопросов у следователей прокуратуры и СГБ к ним будет очень много. В том числе – и по звонку одного из них к председателю крупнейшего торгово-закупочного кооператива, в ходе которого на истерику «Борисыч, что делать? У нас Миху под избирательным участком замели! У Кокотки – тоже жопа!» Борисыч заявил, что его это не волнует, и деньги кандидатам в депутаты всё равно придётся отдавать. Какие деньги? За что? Какова роль в попытках фальсификаций этого самого Борисыча?

Экстренный выпуск моей «любимой» газеты «Голос народа» так и не вышел. И не только потому, что один из авторов, Михаил Сестренко оказался тем самым «Михой», которого задержали при выдаче заполненного бланка бюллетеня очередному «карусельщику». Просто растиражированная СМИ информация СГБ была убийственной в сравнении с лапшой про задержку на 2-3 минуты открытия участков, не в одной манере выполненные портреты кандидатов и заполнение бюллетеней некоторыми избирателями при неплотно задёрнутых шторках кабинки.

Итоговые сведения о явке появились спустя три часа после закрытия участков. 72%, на мой взгляд, очень даже неплохо! А следом пошли данные «по нашей линии». Из-за отсутствия видеоаппаратуры удалось засечь только «подвозку» из Угледара в Магнитку, а также попытку «вброса» в Химике. Позже, когда вскрыли урны и занялись подсчётом, обнаружили несколько тысяч непроштампованных бюллетеней в Рыбачьем, Химике и всё в той же Магнитке. Причём, в Магнитке эти бюллетени были с отметками напротив фамилии уже известного мне депутата горсовета Злого, ещё до открытия участков поднявшего шум о «фальсификациях со стороны кровавой тирании». Этот «правдоискатель» и демагог теперь рвался в парламент. Он с небольшим преимуществом обогнал бы конкурентов, и стал бы парламентарием, если бы не удалось выявить «вбросы», из-за которых прокуратура принялась копать «утерю» бланков бюллетеней при развозке их из окружной комиссии в участковые.

Выяснилось, что все фальсификации были совершены в пользу именно «оппозиционеров», с месяц назад собиравшихся в Советске для того, чтобы «выработать единую позицию и договориться о взаимной поддержке». Лишь двое или трое из участников этого сходняка, выигравших на своих округах, оказались чисты.

За всей этой избирательной суетой, возней с документами, бесконечными встречами с представителями разных министерств и ведомств, жаждущих от меня информации о том, что можно почерпнуть полезного из грядущего возобновления грузопотока с Большой Земли, этаким гостем из прошлого показался Вадим Григорьевич Осинцев, заскочивший на денёк в Советск. Пока «Удача» разгружалась-загружалась в Рыбачьем, он воспользовался моментом, чтобы завезти мне первый взнос из суммы оплаты стоимости судёнышка.

Экипаж, а ныне владельцы транспортной артели «Колумб», нашли себе незанятую нишу малотоннажных перевозок. В том числе – сборных грузов, которые проще было доставить в небольшие прибрежные деревушки восточного побережья морем, чем дефицитным здесь автотранспортом. Единственное, что огорчало Вадима Григорьевича, довольно частые на этом континенте тайфуны.

- Понимаете, Николай Валерьевич, для Большого Залива «Удача» приспособлена прекрасно. Но сильное волнение, которое в здешних краях не редкость, переносит очень плохо. Да что вам рассказывать? Помните же тот кошмар, когда мы прорывались к устью Студёной! Вполне можно было бы зарабатывать больше, но четыре-восемь дней в месяц приходится отстаиваться либо в бухтах, либо в устьях рек, либо вообще судно на берег вытаскивать. Хорошо хоть сезона непрерывных ураганов, как на Земле Лишних, здесь не бывает!

Поинтересовался капитан и судьбой нашего штурмана.

- Нормально всё у него. Служит в Химике. По примеру орденового континента будет создавать навигационную систему, ориентирующуюся по радиомаякам. Сначала на побережье от полуострова Птичий до мыса Носорог. Вторая очередь – до мыса Острый, а в перспективе и вовсе до Поста и Тихой Лагуны. В ближайшее время будет приложено много усилий по подробной разведке и началу освоения северо-запада континента, поэтому в тех краях ожидается резкое увеличение рейсов самых разнообразных судов. Наш друг Семён Дежнёв уже где-то на Срединных увалах с экспедицией путешествует.

- А Семён Маркович?

- Райзман трудится в министерстве экономики советником министра. Как-то встречались с ним мимоходом. Говорит, сам ума набираюсь, других учу... Иван Андреевич снова вышел на преподавательскую работу в Школу СГБ, а в свободное время пишет мемуары. Подозреваю, что не столько воспоминаниями делится, сколько составляет инструкции по противодействию «наиболее вероятному противнику».

Я не имел права рассказать Осинцеву, что кроме преподавания и «писательской» деятельности Дед работает с группой молодых людей, которые через какое-то время окажутся где-нибудь в Нойехаффене, Порто-Франко, Береговом или Рио-де-Жанейро. Когда и каким путём они туда попадут – тем более рассказывать не буду... Мы с Наташей натаскивали этих ребят в знания английского, так что я знаю, о чём говорю.

Ещё одна встреча, к которой мы готовились, должна была состояться 20 сентября. Но вместо праздничного стола я провёл пятничный вечер в прокуратуре. Меня туда не вызвали, меня туда пригласили дать показания. И я помчался, побросав всё, поскольку речь шла о Людмиле.

Сухие слова протокола «шли по улице... автомобиль наехал сзади... множественные переломы и повреждения мягких тканей... попытался добить... пять выстрелов из пистолета Макарова». У меня едва не снесло крышу от ярости...

Советск, 36 год, 23 сентября, понедельник, 22:10

- Любимая, собери, пожалуйста, еды, чтобы можно было отвезти в больницу Люде и Поладу. Я через полчаса подъеду за тобой, - как можно спокойно произнёс я в трубку. - Приеду - всё расскажу...

Встреча с матерью у «сестрёнки» всё-таки состоялась. Они посидели минут пятнадцать в забегаловке в двух троллейбусных остановках от дома, где всего пару месяцев назад жила Люда. Большого женщина себе позволить не могла, чтобы не выдать себя перед мужем.

- Он мне угрожает, что разведётся и отберёт у меня Альбертика! - всхлипывала мать. - Я тебя потеряла, не хочу ещё и его потерять!

Она выскользнула на остановку, едва подошёл троллейбус, а Люда с женихом решили идти до ЗАГСа пешком, чтобы девушка смогла хоть чуть-чуть успокоиться. Всего в двух кварталах от цели тротуар тихой и пустынной узенькой улочки был перекопан: коммунальщики меняли трубу. И молодым людям пришлось обходить канаву по проезжей части. А поскольку Поладу всё-таки удалось развеселить невесту, они, держась за руки, весело щебетали о каких-то пустяках. И совсем не обращали внимания на медленно катящуюся в сотне метров позади них тёмную ВАЗ-2110... Чёрт, чего это меня переклинило? Разумеется, ВАЗ-2101, «копейку»!

Лейтенант, заметивший несущуюся на них машину, успел толкнуть в сторону Люду, и та лишь слегка побила коленки о бордюр. Сам же, что есть мочи, скакнул вверх, но машина решёткой радиатора ударила его по голени, он перекатился через крышу и багажник «копейки» и с размаху рухнул на асфальт. Возможно, этим он спас себе жизнь, поскольку, как показывает практика, удар кромки капота по бёдрам ломает кости, но люди чаще всего погибают от перелома основания черепа, ударившись головой о лобовое стекло.

Вскочив на ноги, Людмила бросилась к жениху, распластавшемуся на дороге и не подававшему признаков жизни. Она не слышала ни визга тормозов остановившейся машины, не хлопка водительской двери.

- Что, допрыгалась, цунарефская подстилка?

В шаге от неё стоял отчим, держа в руке длинную монтировку, которыми пользуются водители грузовиков.

- Что ты наделал?! Ты же убил его!

- К сожалению, ещё нет. Вон, дышит ещё. Но это ненадолго! Всегда мечтал собственноручно убить какого-нибудь черножопого!

И «Назгул» пнул ботинком по окровавленной ноге Полада.

- НЕ СМЕЙ!!!

- Это ты не смей мне прекословить, мразь! Забыла, сучка, что я всегда прав?!

Он схватил Люду за ворот камуфляжа и оттащил от неподвижного парня.

- Здесь сидеть! Сначала эту гниду додавлю, а потом и с тобой разберусь. Ты что предпочитаешь: чтобы я тебя сразу прибил где-нибудь в лесу, или сначала развлёкся с тобой?

Пожалуй, сначала отымею во все щели, чтобы прокляла тот день, когда посмела противиться моей воле, а потом можно будет и закопать вас обоих.

Субботин отошёл к лежащему на дороге парню, присел так, чтобы происходящее было видно Людмиле и медленно, с наслаждением замахнулся монтировкой, норовя ударить ею по голове Алиева.

- НЕТ!!! – заорала девушка, и серия выстрелов из пистолета, с которым Люда не расставалась после того, как мы его ей подарили, просто изрешетила грудь ублюдка.

То ли он забыл, что «бессмертного» назгула может убить невинная девушка, то ли в самиздатовском переводе «Властелина колец», который он читал в детстве, не было об этом сказано...

Полада уже прооперировали: зашили раны, сложили и загипсовали сломанные берцовые кости, наложили повязку Дезо, чтобы зафиксировать перелом ключицы. Ну а рёбра... Рёбра сами срastутся...

Люда наотрез отказалась отходить от жениха. Её лишь напоили успокоительным, поскольку после произошедшего она была в шоке. Но и это не помогло: выйдя к нам из палаты, она повисла у меня на шее и рыдала минут пятнадцать. И только выревевшись, смогла разговаривать.

- Жаль, пистолет у меня изъяли! – сокрушалась девушка, когда смогла ещё и выговориться.

- Он тебе пока не нужен, - успокаивала её Наташа. - А когда Полада выпишут из больницы, ты сможешь забрать оружие в отделении милиции. Коля говорит, что к тебе никаких претензий нет. Даже свидетели всего произошедшего нашлись, которые подтвердили, что... отчим пытался убить Полада, а ты ему этого не позволила.

Просидели мы в больнице около часа, и каждые пять-десять минут Люда срывалась с места, чтобы глянуть, не проснулся ли Алиев, пришедший в себя после операции и вскоре уснувший. А потом, оставив девушке еду, которую готовили на праздничный ужин в честь подачи молодыми людьми заявления в ЗАГС, и заручившись её обещанием прийти к нам, когда жениху станет лучше, направились домой.

Людмила примчалась к нам в гости в понедельник вечером. Она дозвонилась до работы, где ей пошли навстречу и дали отпуск за свой счёт, поскольку о том, что Алиев в больнице, в роту, охраняющую Лабораторию № 1, уже сообщили. Но с матерью больше не встречалась, поскольку та очень болезненно восприняла смерть мужа от руки дочери и попросила пока не тревожить её. Нет, не отреклась от девушки. Ей просто нужно было пережить произошедшее: все люди разные, кому-то в горе нужно быть на людях, а кто-то, наоборот, предпочитает в таких ситуациях одиночество. И Людкина мать как раз относилась ко второй категории.

Поладу уже было намного лучше. Сказывался не только молодой организм, но и чудосыворотка. Швы на рваных ранах и операционных надрезах уже сняли, но подниматься пока не разрешали: всё-таки кости априори срastаются медленнее, чем затягиваются мягкие ткани. Он уже ел, пил шутил и... страдал от своей беспомощности. Припоминая о первых ночах после инъекции сыворотки, я подозреваю, что не только от беспомощности: невестушка-то, которая явно готова исполнить его любую просьбу, даже, судя по её собственным намёкам, самую интимную, постоянно рядом крутится, но из-за характера травм приходилось терпеть. Как

говорится, близок локоть, да не укусишь! Интересно, не для того ли Люда с Наташей закрывались в спальне, чтобы об этом пошутиться? Если учесть, с каким загадочным видом они оттуда вернулись к столу, то пожалуй!

Единственное, что Людмиле не давало покоя, это причина, по которой её отчим решился на попытку убийства. Она не могла понять, что его толкнуло на это.

- Ты помнишь, мы с тобой говорили о нём? Я сегодня на работе поднял его личное дело. Там оказалось много интересного, включая характеристики времён его службы в милиции и заключения психологов. Везде подчёркивается такая черта этого «назгула», как авторитарность, нетерпимость к любой точке зрения, не совпадающей с его мнением. Были на него и жалобы со стороны задержанных. Товарищи по службе отмечали его жестокость на почве расовой ненависти, которую психологи объясняли, как я и предполагал, трудными отношениями со сверстниками в детстве. Попросту, били его крепко в детстве за сволочный характер. Не исключено, что именно не славяне. А когда он вырос, получил вместе с милицейскими погонами и служебным оружием хоть какую-то власть, начал мстить за детские обиды. Измываясь над более слабыми и зависимыми, доказывать себе, что он лучше, хитрее и сильнее других, что он некий «избранный». А поскольку ни особым умом, ни реальной силой не обладал, свою «избранность» обосновал расовыми теориями, принадлежностью к «нордической расе».

- Подожди. Но ведь дома он вёл себя не так. Мне он, пока я не отказалась выйти замуж за этого слизняка, никогда слова плохого не сказал. В Альбертике вообще души не чаял, да и мама никогда не говорила, что он с ней плохо обращается.

- С твоим братом всё очень просто, - вступила в разговор Наташа, институтские познания которой в психологии были побольше моих. - Это его сын, которого он воспитывал как своего наследника, чтобы тот на старости лет не мог обвинить папочку в нелюбви к себе. На тебя, как ты знаешь, он тоже свои планы строил, приучая к тому, чтобы ты беспрекословно выполняла любое его требование. А демонстративной благожелательностью в сочетании с психологическим прессингом можно добиться куда большей покорности, чем криком и наказаниями.

- Ты же сама рассказывала, как он обосновывает то, что никто в семье не имеет права ему противоречить, - вклинился я. - И если тебе мама ничего не рассказывала, то это вовсе не значит, что он её не обижал. Опять же, с твоих слов сужу, что он её убедил в том, что она пропала бы «на помойке», если бы он её не подобрал. И она реально боялась ему противиться! Ты вспомни, как она по его приказу приходила к тебе в госпиталь и пряталась, когда пришла на встречу с тобой в кафе. Каким способом он этого добился, теперь только твоя мама знает.

А ты взяла и разрушила всё то, во что он уверовал: оказывается, добиться твоей покорности ему не удалось, убедить тебя в том, что «цунарефы» - не люди, тоже не получилось, а сам он оказался не таким уж всесильным даже в собственном семейном мирке. Когда же он оказался замешанным в очень некрасивую историю, помогая одной компании мерзавцев, а ему самому, как соучастнику, грозила тюрьма, он и решил наказать и тебя, виновницу всех его неприятностей, и Полада, сумевшего вышибить из твоего головы всё, что Субботин тебе вдолблывал в неё несколько лет. Ему уже ничего не оставалось, как бежать из города, потому что его подельники «слили» следователям его причастность к попытке фальсификации выборов. Вот напоследок он и решил «громко хлопнуть дверью».

- Но как он смог узнать, где нас можно найти?

- Ты матери домой звонила или на работу?
- Домой.
- Трубку она взяла?
- В первый раз он, но я сразу сбросила вызов. А через пятнадцать минут перезвонила, и мама взяла.
- Он мог подслушать ваш разговор с ней? Второй аппарат где-нибудь в доме стоит?
- Да, на втором этаже, в спальне... Ты думаешь, он подслушал? А откуда тогда он узнал, что мы к ЗАГСу пойдём? Ведь я об этом маме сказала только в кафе!
- А зачем ему знать, куда вы пошли, если можно было просто ехать за вами и дожидаться удобного момента? - фыркнула Наташа.

Люда задумалась на несколько секунд, а потом сделала вывод:

- Значит, Полада он решил убить только потому, что он фашист? Да?
- Не совсем чистый фашист. Скорее, расист и нацист. Но хрен редьки не слаще, потому что больших мразей, чем расисты и националисты, разновидностью которых являются нацисты, в мире просто не существует.
- Почему это? Он говорил, что самые плохие на свете - коммунисты!
- Очень просто. Потому что поклонники любых политических учений, кроме националистических и расистских, признают право любого человека, который имеет такие же убеждения, присоединиться к ним. И любой негр, любой кавказец, любой якут, любой мусульманин-араб может быть хоть либералом, хоть коммунистом, хоть каким-нибудь христианским демократом. Но никогда не может стать белым расистом или, например, украинским националистом.
- А что, и такие есть? - удивилась Людмила.
- Есть, есть! Ещё как есть! Нам с парочкой таких пришлось на другом континенте сталкиваться! - засмеялась супруга, вспомнив обалдуев из Порто-Франко, у которых мозги, в конце концов, на место всё же встали.
- Прикольно! Но ведь коммунисты тоже убивали помещиков, капиталистов, дворян, - вернулась она к теме.
- Ты не путай мягкое со сладким! Ты знаешь, что Ленин был помещиком и дворянином, Троцкий - сыном богатейшего хлебопромышленника, а Сталин практически закончил духовную семинарию? После революции царский генерал Брусилов до самой смерти служил главным инспектором Красной Армии, был похоронен большевиками с воинскими почестями, а в самой Красной Армии более половины командиров до революции имели офицерские звания. Да, в годы Гражданской войны убивали и помещиков, и дворян, и фабрикантов. В том кошмаре кто только, кого только и за что только не убивал! Но после победы их всех преследовали только в тех случаях, когда они занимались оппозиционной деятельностью, а вовсе не за социальное происхождение. Социальное происхождение считалось отягчающим обстоятельством, а не поводом для осуждения и казни.

И бывшего либерала могут принять в коммунисты, бывшего коммуниста в либералы, мусульманина или иудея крестить, а христианин принять ислам, если он публично отрёкся от своих взглядов и стал придерживаться новых.

У расистов и националистов всё по-другому. Они считают человека достойным смерти или преследования только за факт его рождения. За то, что он родился представителем «неправильной» расы или «неправильной» национальности. За то, чего человек не может изменить никаким образом! И даже если он «перекрасится», станет полностью поддерживать убеждения представителей «высшей расы» или «избранной нации», самое большее, что ему позволят, это жить в качестве «недочеловека» в подчинении расы или нации «господ».

Возьмём твоего Полада. Для «назгулов», считающих себя представителями «высшей расы», он навсегда останется «цунарефом», «черножопым», человеком второго сорта. Когда ты выйдешь за него замуж, ты из представительницы «нордической расы» превратишься в «цунарефскую подстилку», у которой есть только одна возможность вернуться в состав «расы господ» - бросить его и ваших общих детей. Отречься от них. Но и то в глазах этих «венцов человечества» ты на всю жизнь останешься «падшей», поскольку «связалась с черножопым» и родила от него «выродков». А ваши дети, как бы ты ни старалась, никогда не перестанут быть для назулоподобных «низшей расой» и «людьми второго сорта».

- Но это же... неправильно! Среди всех народов есть и хорошие люди, и плохие! За что ненавидеть всех подряд?

- За то, что они родились «неправильными»! И единомышленникам твоего отчима обратного не докажешь. Потому я и говорю, что расисты и националисты - самые большие мрази на свете!

Людмила убежала от нас в больницу к жениху, потрясённая сделанными для себя открытиями.

Советск, 36 год, 26 сентября, четверг, 17:00

Господи, сколько работы! Просто не продохнуть!

С переоснащением армии, наконец, разобрались. И начали с того, что проще всего решить - с формы нового образца. Не мудрствуя лукаво, порылись с армейскими тыловиками в справочниках, закачанных на мой компьютер, чтобы выбрать объект для подражания. Спорили до хрипоты. Особенно - по обуви. Я настаивал на берцах, доказывая, что такая обувь хоть и увеличит время, в течение которого солдат встанет в строй после побудки, зато надёжно защитит голеностопы от подворачиваний ступни. Ретрограды требовали сохранения сапог, хотя и соглашались их укоротить, наподобие сапог морских пехотинцев Советской Армии. Немаловажной оказалась и стоимость изготовления такой обуви. Дошло до того, что я просто заставил самого упёртого подполковника примерить мои ботинки, пройтись в них по коридору и намеренно попытаться подвернуть ногу.

Потом чуть-чуть пособачились, каким будет рисунок подошвы. А поскольку в сапогах всем доводилось плюхаться на задницу из-за скользящей на траве или снегу подошвы, согласились не экспериментировать, а взять за образец «вибрамовский» рисунок, как, на мой взгляд, наиболее проверенный временем. Аргумент против него был один: как различать своего и чужого по следам, если на континенте высадутся силы Ордена? Договорились... не оставлять на подошве эмблему фирмы «Вибрам».

С тем, что камуфляж лучше маскирует бойца, никто не спорил. Но как все встали на дыбы,

когда я объявил, что одним комплектом раскраски на все сезоны и климатические зоны не обойтись!

- Вы страну собрались разорить своими идеями?!

Еле уговорил, сославшись на то, что сам видел, как молодёжь, посмотревшись на нас с Наташей, пытается самостоятельно красить одежду в «камуфляжные» расцветки. И добрую половину тканей, изготовленных на пошивку формы для разных сезонов, можно будет продавать населению, окупая затраты армии. Плюс, как это происходит на Старой Земле, «камки» пользуются прекрасным спросом у охотников, рыболовов и прочих любителей послоняться по полям-лесам. В общем, на первое время сошлись на общей для всей армии весенне-летней форме с разводами разных оттенков зелёной краски и летне-осенней (с жёлто-зелёно-коричневыми разводами). Она же будет использоваться в качестве зимней для центра и юга Восточного побережья. Чисто зимняя, жёлто-серых тонов, предназначается для Загорья и Лукоморья, где выпадает снег.

Дизайн курток и штанов отдали на откуп специалистам, а мне пришлось выдержать ещё один бой, доказывая необходимость включения в комплект формы таких её элементов, как разгрузка и камуфляжный чехол на каску. Зато одобрили отказ от латунных блях на поясной ремень и полный переход от анодированных эмблемок и звёздочек на крашенные зелёной краской. Замена золотистых «лычек» и цветных просветов офицерских погонов на пристёгивающиеся единые камуфляжные погоны прошла «на ура». Как и отмена петлиц.

Оружейные дела решили достаточно просто. «Калашки» на что-то иное никто менять не собирался. А поскольку основными модификациями автомата были АКМ, АКМС и АК-47, для снижения увода ствола при стрельбе решили поменять дульную насадку, взяв за основу ту, что стоит у меня на АК-103. Инженеры с одного из механических заводов должны были скопировать конструкцию и запустить её в производство. Там же брались сконструировать на основе моего подствольника ГП-30 гранатомёт собственного изготовления под стрельбу гранатой ВОГ-17 от автоматического гранатомёта АГС-17 «Пламя», запасы которых имелись на складах. Затея, конечно, не самая гениальная, учитывая, что после возобновления полноценной работы Перехода, можно будет закупать более мощные 40-мм ВОГ-25, а ГП-30 просто клонировать. Но если уж кому-то так захотелось поизвращаться, то я не стал противиться. Пусть опыта в конструировании вооружений наберутся!

По бронетехнике заинтересовали возможности переделки БРДМ и БТР. В первую очередь - замена прожорливых и слабеньких бензиновых моторов на тяговитые дизельные двигатели. Но это - после начала поставок дизелей «из-за Стены». Для начала же решили подумать о врезке боковых дверей на БРДМ-2, позволяющих ускорить посадку-высадку экипажей. Бронетранспортёров же, как мне кажется, нам пришлют столько, сколько захотим: России выгоднее куда-нибудь их сбавить, чем утилизировать.

Разумеется, нужно будет немедленно переходить на более современный автопарк. Если редкие из уцелевших до сих пор Камазов можно не трогать, то прожорливые «Урал-375», кушающие только 92-й бензин, и неповоротливые «колуны» Зил-157 надо просто срочно менять на «Урал-4320» с дизельными двигателями и «Камазы». До сих пор бегающие ГАЗ-69 - на УАЗ-469, а древние ГАЗ-63 на ГАЗ-66 и полноприводные ГАЗ-3308. Высвобождающуюся военную технику можно продавать населению.

Среди моих пожеланий было и снабжение на первое время хотя бы двух человек в каждом отделении карманными рациями. Только получится ли? Техника дорогая, а везде, куда ни ткнишь, что-то нужно, нужно, нужно... Чем будем расплачиваться за всё это?

Оборудование кинотеатров, защищённая от прослушки радиоаппаратура для связи с Большой Землёй, полный комплект техники для телестудии, телекамеры и телепередатчики, сотня компьютеров для организации классов компьютерной грамотности – не слишком высокая плата за переданную ТУДА документацию по эксплуатации оборудования Переходов.

В первом потоке на компьютерных курсах будут обучаться исключительно научные работники и сотрудники статистических, плановых и экономических организаций. Половину следующего потока должны составить сотрудники СГБ и конструкторы стратегических машиностроительных предприятий. Когда все обученные вернуться на рабочие места, их нужно будет обеспечить вычислительной техникой, которую придётся закупать «за Стеной» за счёт государства. В последующие потоки вольются и специалисты типографий, разнообразных заводов и фабрик. Это уже не бесплатно, как и компьютеры, которые им тоже будут нужны. Через полгода можно будет допустить к компьютерным курсам и частных лиц.

По словам Воздвиженского, в Совете Министров сейчас разрабатываются и просчитываются планы повышения стоимости золота, чтобы стимулировать население к сдаче его государству: золото нам нужно, чтобы расплачиваться за «импорт» из России. Есть даже идея снижения цен на товары «из-за Стены», если люди будут расплачиваться за них драгоценными металлами.

Итак, что у нас есть из того, что можно продать Российской Федерации?

1. Десять термоядерный боеголовок, оставшихся в Лаборатории № 1 после закрытия Перехода. Нам они не просто не нужны, а... да ну их в баню!
2. Урановый концентрат, добытый и произведённый за пять лет после закрытия Перехода. У нас он только жрёт средства на безопасное хранение и контроль за его состоянием.
3. Золото. Именно третье, а не первое или второе!
4. Драгоценные камни.
5. Редкоземельные металлы, неметаллические вещества и продукты химического производства. То есть полуфабрикаты, о поставках которых в Российскую Федерацию ещё только предстоит вести переговоры.

Впрочем, переговоры придётся вести обо всём! Буквально!

Что нужно нам? Да практически всё, чёрт возьми, из электроники и бытовой техники. Холодильники и примитивные стиральные машины-«бочки» мы сами выпускаем, пылесосы и электрочайники, слава богу, тоже, а вот телевизоров в общей сложности надо не менее полумиллиона. Автотранспорт для предприятий и населения. Много, очень много! Не менее сотни тысяч единиц. Дорожная и специальная техника. Запчасти, запчасти, запчасти к ним... Производственное оборудование, начиная от простейших металлорежущих станков (деревообрабатывающие сами худо-бедно клепаем) до сложных автоматизированных комплексов. Современные телефонные станции и коммуникационная аппаратура, от ставших на Старой Земле обыденными факсов до магистрального оборудования компьютерной связи. Лабораторное химическое, биологическое и фармацевтическое оборудование. Технологии, технологии, технологии. И всё это – года за три.

А ещё – люди, люди, люди, люди, люди. На первое время – не просто работяги, не нашедшие себе применения, а специалисты, способные обучить других работе на новой технике и оборудовании. Вот за их переправку точно придётся платить золотом! Иван Иванович уже

намекнул.

Что из готовой продукции может найти спрос на Большой Земле? Во-первых, медицинские препараты. За некоторые из них, такие, как сыворотка для регенерации тканей, кое-кто ТАМ будет платить сотни тысяч долларов за ампулку в надежде продлить жизнь. Некоторые виды антибиотиков тоже будут пользоваться высоким спросом. Сверхчистое стекло, если поставить оборудование для производства оптоволокна, вполне составит конкуренцию лучшим мировым производителям. Его можно пустить и на линзы, используемые в прицелах боевой техники. Линзовое производство у нас работает ин шатко, ни валко, но расширить его большой проблемы не составит. Высокопроизводительные компактные электродвигатели, которые мы изготавливаем на основе разработанных у нас постоянных магнитов из редкоземельных материалов. И всё! Сырьевая колония, не более того... От технологической отсталости никуда не денешься!

Советск, 36 год, 30 сентября, понедельник, 24:05

Сегодня радостный день! Поладу разрешили ходить. Пока с костылями, чтобы не сильно нагружать сросшиеся, но ещё слабые кости, и они с Людмилой упростили лечащего врача, чтобы он разрешил перевезти лейтенанта в Лабораторию № 1. Там он будет под присмотром медперсонала с квалификацией, ничуть не хуже, чем в городской больнице. А самое главное – дома. И можете даже не гадать, кому позвонила «сестрёнка» за помощью в доставке жениха!

Пока мы ехали, она выболтала, что уже договорилась о выделении им двухместной комнаты в общежитии.

- А как же твоя клятва – ни-ни, пока не выйдешь замуж? – подмигнул я ей.

- Так я уже тоже обо всё договорилась! Военнослужащему брак может зарегистрировать командир воинской части, в которой тот служит! И не нужно будет выжидать, как в ЗАГСе, испытательный срок! Сейчас ты нас довезёшь, и мы напрямик идём в штаб! А оттуда – в нашу с Поладиком собственную комнату.

- Вот зараза! Полад, ты на меня не обижайся, но твоей невесте, когда я вас довезу, я по... мягкому месту нахлопаю за такие сюрпризы! Мы с Наташей собирались погулять на вашей свадьбе, а она такое выкинула!

- На тебя, Николай, не обижусь! – засмеялся с заднего сиденья Алиев. – Если она для тебя, как сестра, то ты и для меня, как старший брат! А на старшего брата нельзя обижаться: он старше, он умнее, он жизни научит!

За проходную Лаборатории я проезжать не стал: как-никак, у меня шёл рабочий день, и мне нужно было возвращаться в Советск. Поэтому мы помогли лейтенанту выбраться из «Симбира», и Людка, чмокнув меня на прощание в щёчку, уже собралась мчаться в штаб за вождленным статусом замужней дамы.

- Стоп! – поймал я её за руку.

- Что случилось.

- Хочу обещание своё выполнить, – с улыбкой подмигнул я Поладу. – Наклонись вперёд и упрись руками в сиденье: я тебя по попе должен отшлёпать.

- Ты что, серьёзно? – округлила глаза «сестрёнка».
- Абсолютно! – с трудом сдерживая смех, заверил её я.
- Коля, ты что? Люди же смотрят!
- Надо, Федя! Надо! – процитировал я Шурика и, демонстративно размяв кисти рук, поплевал на ладони.
- Слушайся старшего брата! – чуть не падая от еле сдерживаемого хохота, скомандовал жених.
- А ты, муж мой будущий, даже защитить меня не пытаешься?!
- Старший брат приказал, что я могу сделать? – опираясь подмышками на костыли, с извиняющейся улыбкой развёл руками Алиев.
- Ах, значит так?! – упёрлась кулаками в бока Людмила, готовая порвать в клочья и меня, и жениха.

Глядя на эту иллюстрацию к фразе «мне плевать, на каком глазу у тебя тубетейка», и я, и Полад чуть не рухнули со смеху. А Люда, попеременно посматривая на наши рыгочущие морды, засмушалась.

- Дураки! Я так и знала, что вы решили поиздеваться надо мной! – покраснела она. – Сговорились, да? Я вам ещё это припомню!

И она, погрозила нам кулачком, чем вызвала новую волну хохота.

Прохохотавшись, я обнял их обоих, чмокнул в лоб Люду и прижался своей щекой к плохо выбритой щеке лейтенанта.

- Совет вам да любовь, ребята!

А вечером, воткнув в антенное гнездо телевизора кусок провода, мы смотрели первую после нескольких лет перерыва телепередачу, транслируемую телецентром Советска.

К нам в большую комнату забился фактически весь подъезд четырёхэтажки. Вначале минут пятнадцать дружно пялились на испытательную таблицу, транслируемую уже несколько часов. Потом таблица сменилась синим фоном, на котором белые цифры высвечивали точное время. Не сговариваясь, все уткнулись в свои часы, чтобы проверить, точно ли они идут. А когда на экране мелькнуло 21:00:00, заиграл гимн:

Мы первопроходцы свободной планеты,
Посланцы далёкой прекрасной Земли.
Достойными будем отцов наших, дедов,
Что разума свет в Новый Мир принесли.
Славься, Отечество наше свободное,
Дружбы народов надёжный оплот!
Знамя Советское, знамя народное
Нас от победы к победе ведёт!

Нет, музыку Александра Александрова ничем не испортить! Ни тремя вариантами стихов Сергея Михалкова, ни этим текстом неизвестного мне поэта, совместившего сталинский

вариант гимна СССР с реалиями Нового Мира. Гениальная музыка, вызывающая гордость за свою страну! И... лично мне «сталинский» припев про советское знамя, ведущее от победы к победе, больше нравится, чем брежневское «партия Ленина – сила народная нас к торжеству коммунизма ведёт». Тем более, нет здесь никаких партий и, надеюсь, не будет: ни к чему они, искусственно раскалывающие общество и вынуждающие людей противостоять друг другу!

После гимна счастливый диктор поздравил всех нас с первой попыткой возобновления телевизионного вещания и передал слово исполняющему обязанности главы правительства, приглашённому ради такого случая в студию. Рассказал тот о планах модернизации экономики страны и обеспечения населения товарами с Большой Земли, о грядущем переоснащении армии, о запуске курсов компьютерной грамотности. И я не скрою: мне было очень приятно слышать, что мои споры и просветительская работа с министерствами уже находили отражение в планах правительства страны.

Потом был выпуск новостей. Практически то же самое, что сегодня звучало по радио, но ещё и проиллюстрированное видеорядом. И хотя динамики телевизора были включены почти на максимальную громкость, наши гости, многие из которых из-за недостатка стульев и табуреток расселись просто на полу, сидели не шевелясь, боясь пропустить хоть одно слово.

Ну, а в завершение пробного телеэфира – гайдаевская кинокомедия «Спортлото-82», не успевшая попасть сюда из СССР до закрытия Перехода. Весьма символично, на мой взгляд! Этот фильм, вместе с предшествующей частью первого телеэфира в качестве «нагрузки», обещали выпустить на экраны кинотеатров «нового формата» уже завтра вечером. А само телевещание возобновить на постоянной основе с 1 октября.

Последующие несколько дней на крышах жилых домов Советска стали наблюдать мужиков в возрасте, возящихся с самыми разнообразными конструкциями телевизионных антенн, а объявления «куплю телевизор, можно неработающий» в городской газете заняли полстраницы...

Советск, 36 год, 35 сентября, суббота, 22:50

А у нас – опять гости!

Нет, не молодожёны Люда с Поладом, которых совесть замучила из-за того, что не позволили погулять у них на свадьбе, как вы могли бы подумать. Полад всё ещё восстанавливается после многочисленных травм, а Людмила квохчет над ним, как наседка. Счастливая от свалившегося на неё замужества. Наташа с ней созванивалась, и они с полчаса висели на телефоне, пока я не оторвал жену от аппарата на ужин. Если выздоровление Алиева будет идти нормально, через пару недель они тоже приедут к нам в гости.

Гости у нас другие...

Дело в том, что до субботы 35 сентября, согласно закону о досрочных выборах, требовалось начать первую сессию Верховного Совета нового созыва. Поэтому накануне, в пятницу, произошло её открытие. Чтобы долго не разглагольствовать, скажу только, что своё место спикера сохранил Дмитрий Афанасьевич Великанов, заменивший после известных событий «всесоюзного старосту», человек выдержанный и глубоко порядочный, бывший руководитель горсовета Химики. А на понедельник запланировано выдвижение кандидатуры председателя правительства.

Наиболее вероятные претенденты на эту должность – нынешний исполняющий обязанности

председателя Совета Министров Михаил Александрович Еремеев и мой хороший знакомый, министр науки и образования Аркадий Леонидович Бергман, с которым мы на «Удаче» добирались с острова Тонкий до Магнитки. Кроме того, в последнее время мы с Бергманом очень часто общаемся по вопросам планирования сотрудничества с Большой Землёй.

К чему все эти вопросы большой политики? Да просто наш сегодняшний гость как раз и появился в Советске для того, чтобы наблюдать за процессом формирования новых, абсолютно легитимных органов власти. Его настоящее имя, отчество и фамилию я узнал недавно, во время нашей с Натальей командировки в Москву. Но раз уж мы привыкли называть генерал-майора в отставке, бывшего начальника одного из управлений КГБ, фронтовика, резидента внешней разведки в ряде стран, Иваном Ивановичем, пусть всё так и остаётся. Фамилия его? Пусть будет... Скворцов. Личность «в органах» легендарная!

Ещё в Москве я спросил его, почему столь важным делом, как Переход в Новый Мир, занимается не штатный сотрудник ФСБ, а отставник. Иван Иванович засмеялся:

- Вы же знаете, что у нас бывших не бывает. А ко мне внимания меньше: ну, колесит себе по стране этакий отставник, пробавляющийся аналитикой и историей спецслужб, с людьми встречается, с бизнесменами всякими знается. Спросят, зачем, а ответ уже готов: собираю материалы и свидетельства для очередной книги и выискиваю спонсоров на её издание...

Пришёл он к нам в гости не один, а с Иваном Андреевичем Даниловым, и их беседа постепенно переросла в рассказ генерала о том, что же на самом деле происходило в СССР накануне и после закрытия Перехода.

- Смерть Брежнева готовили давно, и после появления отсюда информации о препарате, способном продлить его правление, просто ускорились процессы. Тем, кто за рубежом планировал развал СССР, нужно было избавиться от него и его команды, чтобы поставить во главе Союза своего человека. Поэтому задействовали такие кадры, что оторопь берёт!

- Неужто кто-то из Политбюро? – задала Наташа вопрос, напрашивавшийся сам собой.

- И не просто из Политбюро! Вот посмотрите: в 1976 году «уснул и не проснулся» лично преданный Брежневу министр обороны Гречко, через два года – самый молодой, после Романова, член Политбюро Фёдор Давыдович Кулаков, которого многие прочили в качестве преемника Леонида Ильича. Спустя ещё два года в странной автомобильной катастрофе на сельской дороге погиб ещё один из наиболее вероятных преемников Брежнева, Пётр Миронович Машеров. Тогда же случилась странная история с Косыгиным, который перевернулся на байдарке и фактически утонул. Его, конечно, откачали, но после клинической смерти он так и не оправился, а вскоре и вовсе умер в больнице. Накануне гибели Машерова Андропов сменил его охрану, а по свидетельству бывшего Председателя Верховного Совета СССР Анатолия Лукьянова, имевшего доступ к секретному архиву ЦК, Кулаков умер не от сердечного приступа, а его нашли утром в постели с простреленной головой.

Этим событиям предшествовала встреча Кулакова и Машерова с Шеварднадзе, имевшим очень тесные связи в КГБ. Говорили они о том, что Брежнев стал очень слаб. Естественно, Шеварднадзе о разговоре донёс Андропову.

19 января 1982 года как бы застрелился первый заместитель Андропова Цвигун. Он был женат на сестре Виктории Петровны Брежневой и являлся особо доверенным лицом Леонида Ильича. Причём, случилось это тоже при странных обстоятельствах: на коротком отрезке садовой дорожки от машины к даче. Кроме шофёра из гаража КГБ, никто не видел момента

«самоубийства», а тело Цвигуна показали семье только на похоронах. Главный кремлёвский врач Чазов не верит, что этот сильный, волевой человек, прошедший большую жизненную школу, мог покончить собой. Зато с его смертью Брежнев лишился очень важной подстраховки.

Через несколько дней после «самоубийства» Цвигуна умер Суслов. Он тогда лежал в «люксе» Центральной клинической больницы, «кремлёвки», как её все называли. Он всегда отличался аскетическим образом жизни и отменным здоровьем, а в больнице отлёживался для профилактики во время положенного ему двухнедельного зимнего отдыха. Сулова пришла навестить дочь. Он ей сказал, что чувствует себя хорошо и завтра прямо из больницы поедет на работу. В это время лечащий врач принёс ему какую-то таблетку. Михаил Андреевич прекрасно помнил сталинские времена и никаких таблеток в больнице никогда не принимал. Но врач так настаивал, упирая на намерение того ехать на работу, что пришлось согласиться. Почти сразу же после приёма лекарства Суслов сильно покраснел и отослал дочь, сославшись на то, что ему почему-то стало плохо. Через несколько часов он умер, а ещё через месяц врача, давшего эту таблетку, нашли в петле в собственной квартире.

В июне 1982 года произошло покушение на Виктора Васильевича Гришина, о котором нигде никогда не упоминалось. Наперерез его машине выехал автобус ЛАЗ. У сидевшего на переднем сиденье офицера охраны снесло половину лица, но Гришин серьёзно не пострадал. При разборе ДТП выяснилось, что автобус был из гаража КГБ... Впоследствии Гришин был наиболее сильным конкурентом Горбачёва при выдвижении на роль Генерального Секретаря, и его вместе с Романовым при помощи западных «голосов» демонизировали. О Гришине, кристально честном и щепетильном человеке, распускали такие бредни, что волосы дыбом встают: что он бросил семью, женился на Татьяне Дорониной, и теперь молодожёнам ежедневно доставляют из елисейского гастронома всякие бесплатные яства; что он замаскированный еврей и покровительствует всем подпольным дельцам этой национальности. И так далее.

Что бы ни болтали о Брежневе, он готовился к передаче власти. Известно, что во время своей поездки в Приморский край он разговаривал на эту тему с первым секретарём крайкома. Перебирал возможные кандидатуры. Назвал и Андропова, но тут же отверг: мол, не годится, поскольку сжёг себя на работе в КГБ. А как рассказывал заведующий партийными кадрами ЦК Капитонов, за месяц до уже назначенного пленума ЦК генсек позвал его к себе и сказал, что через месяц в его кресле будет сидеть Щербицкий, и все назначения нужно делать с учётом этого. Сам же Брежнев собирался уйти на должность председателя партии, которую намеревался создать.

Брежнев, конечно, знал, что КГБ прослушивает всех членов Политбюро. Микрофоны были везде, даже в спальнях. Но того, что прослушивают и его самого, он не предполагал. Как и того, что пленум состоится гораздо раньше определённого им срока и совсем с другой повесткой.

Родные Брежнева рассказывают, что его давно мучила бессонница. И он настолько привык к снотворному, что уже не мог без него уснуть. Всему его окружению было категорически запрещено потакать этой слабости. В крайних случаях он обращался к Юре, как он всегда звал Андропова. И Андропов был последним, с кем встречался Брежнев перед тем, как уснуть и не проснуться. Накануне смерти он чувствовали себя нормально, даже съездил в Завидово на охоту, спокойно отстоял на мавзолее весь парад и демонстрацию 7 ноября. Западные наблюдатели даже удивлялись тому, как он неплохо выглядит...

Есть в этом деле одна несообразность. В ночь без пробуждения на брежневской даче не было

ни одного медицинского работника, хотя обычно он всегда присутствовал в доме, а в его кортеже, куда бы Леонид Ильич ни ехал, обязательно следовала машина реанимации с полным штатом реаниматологов. Начальник охраны Брежнева рассказал, как он вместе с дежурным сотрудником охраны безуспешно пытался делать генсеку искусственное дыхание. Через какое-то время явился «кремлёвский медик» Чазов и засвидетельствовал смерть. При этом не вызывалась никакая реанимационная бригада.

Произошёл в то утро ещё один эпизод, о котором нигде нет ни слова. Виктория Петровна Брежнева рассказала вдове Гришина Ирине Михайловне, что первым тогда на дачу, буквально через 10-15 минут после первого звонка начальника охраны, и ещё до появления Чазова приехал Андропов. Молча прошёл в спальню, взял из сейфа брежневский «дипломат» и так же молча, не зайдя даже к Виктории Петровне, уехал. А потом вернулся вместе со всеми членами Политбюро, будто его здесь до того и не было. Это подтверждает её зять, Чурбанов, которого впоследствии арестовали и приговорили к восьми годам за взятку в виде тубетейки, халата с золотым шитьём и кофейного сервиза. Члены семьи Брежнева не раз пытались выяснить у него, что хранится в чемоданчике, за которым приезжал Андропов. А тот отшучивался: «Тут у меня компромат на членов политбюро».

- А что там было на самом деле?

- Ну, Наташа, вы и вопросы задаёте! Откуда же я могу это знать? Что-то такое, что не должно было стать известно другим. Не исключаю, что были там и какие-то документы, касающиеся Нового Мира. Юрий Владимирович был о нём прекрасно осведомлён, но, мне кажется, не хотел, чтобы эта информация стала доступна тем, кто потом привёл к власти разрушителя СССР. У Андропова всё-таки были очень сложные отношения с Западом, и если пойти на поводу у кого-то в вопросе назначения слабовольного Горбачёва он мог, то вручать ставропольскому комбайнёру, замешанному в сотрудничестве с немцами в годы оккупации, ключ от Нового Мира, как мне кажется, он не рискнул. А может, всё-таки сам надеялся воспользоваться достижениями вашей медицины и остаться на посту Генсека надолго.

У Андропова были давние, ещё с довоенной поры, проблемы с почками. Он понимал, что у него не так уж и много времени, чтобы стать руководителем партии и страны. Но из КГБ напрямую попасть в Генсеки он не мог ни при каком раскладе. Перед этим требовалось хотя бы ненадолго вернуться в аппарат ЦК, где он когда-то уже трудился. «Стартовая площадка» для его плана существовала только одна - пост второго секретаря, но его занимал Сулов. Помог ему занять эту должность начальник кремлёвской медицины Чазов, бывший личным агентом Андропова и встречавшийся с ним на конспиративных квартирах КГБ.

Андропова избрали вторым секретарём через четыре месяца после смерти Сулова, на ближайшем Пленуме ЦК КПСС. Случай в нашей послевоенной истории уникальный. Не только в Союзном ЦК, но и во всех республиканских, кроме Армении, пост второго секретаря всегда занимали русские. Для Андропова, мать которого имела девичью фамилию Флекенштейн, сделали исключение.

Буквально через несколько месяцев по настоянию Горбачёва Андропов вернул в Москву из канадской посольской ссылки «идеолога перестройки» Александра Яковлева, куда тот был отправлен за антирусские выступления. К Яковлеву было много вопросов со времени его стажировки в Колумбийском университете, где он пошёл на несанкционированные контакты с ЦРУ. «Отмазался» он, когда об этом стало известно, тем что якобы таким образом пытался получить нужную для СССР информацию из закрытой библиотеки. А после статьи в «Литературной газете», воспевающей «западничество», он и оказался в Канаде, где, как потом

выяснилось, состоял на связи с американскими спецслужбами.

Наша контрразведка получила информацию об этом в 1989 году, о чём Владимир Александрович Крючков незамедлительно доложил Горбачёву. Но тот запретил КГБ заниматься этой темой.

- Как запретил? Но это же... предательство! Предатель непосредственно в верхнем эшелоне власти!

- Вот так! Мало того, есть свидетельства того, что американцы давали Яковлеву прямые указания, в какие болевые точки наносить удары. Помните любимое словцо Горбачёва «плюрализм»? Так вот, научным руководителем Яковлева во время его стажировки в США был один из авторов концепции политического плюрализма Дэвид Трумэн. Именно Яковлев руководил рассекречиванием данных по сталинским репрессиям. Причём, по принципу «здесь играть, здесь не играть, а здесь рыбу заворачивали». Именно Яковлев занимался подделкой информации по Катыни: тогда были подделаны и брошены тысячи документов. Сейчас кое-кто занимается разоблачением этой аферы, но окончательные результаты расследования появятся очень, очень не скоро: люди говорят, что объёмы фальсификаций настолько огромны, что они просто диву даются.

Второй человек, которого Андропов вытащил из небытия, и тоже по подсказке Горбачёва, был Егор Лигачёв. Как писал в мемуарах Виктор Васильевич Гришин, «Никто не принёс партии столько вреда, сколько Лигачёв». И его пресловутая борьба с пьянством и алкоголизмом – лишь верхушка айсберга. Главное, что он сделал, это заменил в составе ЦК и партийном аппарате проверенных партийных работников бывшими директорами заводов, строителями, а также учёными, которых, как знают все политики мира, нельзя допускать к власти.

- Почему? – удивилась Наташа.

- Да потому, что они за своими научными теориями реальной жизни не видят! – засмеялся Дед.
- Для них управление государством – всего лишь череда научных экспериментов, удачных и не очень.

- Вот именно! – подтвердил Скворцов. – И третий человек, которого продвигал Андропов, был Горбачёв. Попал этот... балабол на должность секретаря ЦК по сельскому хозяйству не благодаря, а вопреки. Эффективность вложений в сельское хозяйство в Ставропольском крае, где он до этого рулил, была самая низкая в стране. Но его всё равно назначили на должность после смерти Кулакова. А пока больной Черненко, ведавший кадровыми вопросами, лежал в больнице, Горбачёв «рулил» за него, таща наверх нужные ему кадры, вроде Лигачёва, ради которого он даже новую должность в ЦК создал.

- То есть вы считаете, что развал СССР был запланирован именно Андроповым с подачи США?

- Я бы не был так категоричен, Николай. С его послужным списком ни бояться американцев, ни надеяться на их «доброту» он не мог, поскольку крови им подпортил столько, что мало не покажется! Мне кажется, что его слова о необходимости обновления социализма, глубоких качественных изменениях были совершенно искренними. Не мог он не видеть того, что Советский Союз замедляется в своём развитии, что в обществе идут негативные процессы. Речь о том, что его использовали, как мы говорим, «в тёмную». Он собирался возглавить страну и партию и опираться на молодых, энергичных соратников.

- Хотя я в то время и был ещё мальчишкой, я помню, что он успел только запустить облавы на злостных прогульщиков в кино и ресторанах. И видел информацию, что из-за этого произошёл

существенный скачок производительности труда.

- Верно. Был такой эффект. Наверняка у него имелись и какие-то другие задумки, которые он не успел реализовать из-за болезни.

Он не был смертельно больным, когда пришёл к власти, и у него был шанс запустить задуманные процессы. Потом он сразу заболел и быстро умер. Я подозреваю, что не без помощи противостоящих ему кланов в Политбюро. Какие уж свершения, если половину генсековского срока ему пришлось провести в больнице, прикованным к аппаратуре искусственной почки? Андропов в больнице, Черненко тоже постоянно болен. Кто в это время разруливает дела? Правильно!

Я, кстати, совершенно не исключаю, что Андропов хотел оставить Переход «для себя». Мол, разберусь с основными проблемами, а потом можно будет всё возобновить. А заодно и воспользоваться обещанным чудо-препаратом.

Обратите внимание, закрыт он был сразу после перехода Юрия Владимировича из КГБ в ЦК. Но вплоть до октября 1983, пока состояние здоровья Андропова окончательно не ухудшилось в результате загадочной сентябрьской простуды в Крыму, не было никакого свёртывания деятельности персонала, поддерживавшего работоспособность оборудования Перехода. Мне кажется, что своего преемника на посту председателя КГБ, Виталия Васильевича Федорчука, он в эту тайну не посвящал. В частности, из-за того, что тот был «человеком Брежнева». А едва стал во главе страны, то и вовсе заменил Чебриковым. Учитывая, что Чебриков тоже был из числа «днепропетровских» и направлен в КГБ лично Брежневым, вряд ли Андропов на 100% доверял и ему. Отдавать же тайну в руки людям, в которых он не был уверен, он не стал. Или не нашёл, кому: с Горбачёвым стало всё ясно, когда тот начал прибирать бразды правления в собственные руки.

Как вы помните, после смерти Андропова генсеком по предложению Устинова был избран Черненко. Решение это, кроме него, обсуждали Громыко, Тихонов и сам Черненко. Фамилия Горбачёва ими даже не упоминалась. И, несмотря на то, что Константин Устинович был очень болен, его уговорили, чтобы не пропустить к власти Горбачёва, которого давно раскусили.

Черненко умертвили с двух попыток. Летом 1983 года, ещё при жизни Андропова, его отравили на отдыхе в Крыму. Но вместо расследования придумали байку об испорченной копчёной ставриде, которую ели все, кто жил на госдаче, а пострадал почему-то один Константин Устинович. Так пострадал, что его чудом спасли. А вскоре после избрания Генеральным Секретарём, под сильнейшим давлением Чазова отправили на горный курорт «подлечиться». У Черненко была эмфизема лёгких, и спустя 10 дней его на носилках погрузили в самолёт и срочно вернули в Москву. Тут его работа и вовсе закончилась...

Естественно, никакого преемника подготовить он не мог. Ленинградского первого секретаря Романова с подачи радио «Свобода» полностью дискредитировали в глазах народа. Устинова «убрали» в конце 1984 года. Он неожиданно умер после возвращения с учений войск Варшавского Договора, проходивших в Чехословакии. Причём, тогда с интервалом в несколько дней поумирали главы военных ведомств ГДР, Венгрии, Чехословакии и СССР. Причину смерти Дмитрия Фёдоровича так никто и не объяснил. Даже у академика Чазова, наблюдавшего всё Политбюро долгие годы, эта смерть оставила много вопросов в отношении причин и характера заболевания Устинова.

Когда умер Черненко, очень влиятельный Первый секретарь ЦК компартии Украины

Щербицкий был во главе делегации Верховного Совета СССР в США. Узнав о смерти генсека, он потребовал от посла немедленного возвращения на родину. На что тот ему ответил: «Ваше возвращение сейчас нежелательно». Кто мог разрешить послу так дерзко отвечать члену Политбюро? Мой сосед по дому, командовавший тогда правительственным авиаотрядом, подтвердил: он тоже имел приказ задержать вылет Щербицкого из Штатов на три дня. Выходит, всё было спланировано!

Судьба будущего «лучшего немца года» висела тогда на волоске: никто из членов политбюро, собранных для сообщения о смерти Черненко, не назвал его в качестве преемника Константина Устиновича. В эти часы шла напряжённая подковёрная борьба, в которой участвовали Примаков, Яковлев и сын Громыко Анатолий. Но главным действующим лицом был Лигачёв. Предлагалось занять пост главы партии Гришину, но он отказался. А Андрею Андреевичу Громыко пообещали пост председателя Президиума Верховного Совета СССР, если он в свою очередь предложит политбюро избрать генсеком Горбачёва. И Громыко, осторожно прощупывавший возможность стать первым лицом СССР ещё после смерти Брежнева, предложенную сделку принял. Возможно, из-за того, что Горбачёву доставался лишь партийный пост, а государство формально возглавлял именно Андрей Андреевич. Именно он предложил членам политбюро избрать Горбачёва генсеком, за что все единогласно и проголосовали.

Потом, посмотрев, что происходит в стране, он очень жалел о своём решении, считал, что это была его ошибка. Но на Западе добились своего, и СССР начал свой распад. К величайшей стране мира приставили голову, которая выполняла приказания американской шеи...

- Кто ж знал, что так будет?!

- Вот именно! Я сам в апреле 85-го вместе со всеми радовался, что наконец-то на смену полуживым старцам пришёл энергичный человек, свободно говорящий с трибуны без бумажки, обещающий всё обновить, улучшить и усовершенствовать. Какими наивными мы все были!

Нет, не все. Те люди, что отвечали за тайну Нового Мира, оказались прозорливее всех нас, и вместо того, чтобы доверить свой секрет американской марионетке, окончательно его скрыли. Да так надёжно, что если бы не вы, мы бы никогда не сумели восстановить Переход.

Советск, 36 год, 6 октября, воскресенье, 21:20

В последний день сентября парламент определился с главой правительства. Как я уже говорил, основных кандидатов было два. Выдвигали и Максима Георгиевича Воздвиженского, но он категорически отказался, сославшись на то, что у него слишком много дел по возобновлению работоспособности Службы госбезопасности после известных событий, а также в связи с грядущим возобновлением потока переселенцев. В итоге сформировать новое правительство предложили нынешнему и.о. премьера Еремееву.

Михаил Александрович взял недельный тайм-аут, и за эти семь дней, насколько мне известно, провёл несколько десятков встреч. Причём, не только с кандидатами на министерские посты, но и с руководителями предприятий, исполкомов городов, спикером парламента, специалистами, советом ветеранов. Одним из наиболее частых гостей в его кабинете был Воздвиженский.

После одной из таких встреч с будущим премьером генерал вызвал меня к себе.

- Ну как? Обжил уже своё кабинет?

- Конечно, Максим Георгиевич. А почему вы спрашиваете? Переселить, что ли, куда-то хотите?

- Угадал. Готовься к переезду. На угол Коминтерна и Московской.

- Увольняете?

- Откомандировываю. Во вновь создаваемое министерство внешних связей помощником министра.

- А почему меня?

- Ты можешь назвать мне другого человека в Службе, да и вообще в Республике, у которого есть хотя бы такие же, как у тебя, знания каждого из наших потенциальных партнёров и противников?

- А что будет с управлением инновационных проектов в Службе?

- Закроем! – развёл руками Воздвиженский. – Нечего плодить сущности сверх необходимого. Супруга твоя и будет заниматься ликвидацией управления. Ей же скоро в декретный отпуск. Вот до ухода в него пусть и добивает все незакрытые дела.

- А потом куда её?

- За два года, пока она за ребёнком ухаживает, много чего может измениться, – пожал плечами генерал. – Не переживай, без работы не засидится! Как и ты в случае, если что-то не так пойдёт. В штате Службы вы оба останетесь, так что вернуться сможете в любой момент. Но зарплату тебе будут платить уже из фондов министерства, а Наталье – из социальных фондов. И не кривись! Это, можно сказать, мой приказ!

- Есть!

- Так-то лучше! – одобрительно улыбнулся он. – Но это – после утверждения правительства и начала формирования штата министерства. А пока же тебе придётся на несколько дней отлучиться из Советска. Есть одно щепетильное дельце, которое никому, кроме тебя, я поручить не могу.

Ну и удружил мне Воздвиженский!

Конечно, есть такая народная мудрость: можно бесконечно смотреть на горящий огонь, текущую воду и чужую работу. По поводу огня и воды я согласен, а вот созерцание чужой работы в должности надсмотрщика – несколько напрягает.

На ТОЙ стороне долго гадали, как смонтировать видеоаппаратуру контроля за Переходом. Прислать нам набор материалов и оборудования, которые мы смонтируем и испытаем, не получится: у нас просто нет соответствующих специалистов для этого. Отправить наших на учёбу? Так им потребуется полгода вникать, что к чему. Прислать с Большой Земли бригаду, которая всё сделает быстро и качественно? Тогда обратно их уже нельзя возвращать: дело не одного дня, а лишь эти люди выйдут из штольни, как им сразу будет понятно, что они не на Южном Урале. Поэтому у них будет только один путь: оставаться здесь. А подобрать слаженную бригаду спецмонтажников систем видеонаблюдения, которая в полном составе согласилась бы переселиться чёрт знает куда, без шансов вернуться назад, практически невозможно.

Выход нашли. Бригаду каждый день переправлять через Переход и возвращать обратно без вывода на поверхность. А я нужен был для того, чтобы никто из этих людей не влез туда, куда не следует, и ничего сверхъестественного не заподозрили. Задействовать для этого солдат и офицеров роты охраны Лаборатории № 1 было нельзя: каким бы суровым ни был запрет на ведение разговоров с монтажниками, даже банальные обороты речи, сказанные или неправильно понятые, могли стать поводом для ненужных догадок. Вот генерал и припахал меня...

Нет, я был не против того, чтобы снова повидаться с Васенко, молодожёнами Алиевыми и Маргаритой Степановной, передававшей свой опыт врачам местной медсанчасти и набравшейся знаний от них. Но... три дня подряд по двенадцать часов молча вышагивать по подземельям Лаборатории, лишь время от времени перебрасываясь отдельными фразами с трудящимися в поте лица мужиками...

В каждой штольне устанавливался комплект видеокамер, ретранслятор и приёмник изображения с камер противоположной стороны Перехода. Это позволит операторам установок наблюдать за ходом переправки грузов и людей по обе стороны Перехода. А принимающей стороне контролировать готовность к отправке и характер отправляемого груза. Только мониторы слежения устанавливались в принимающей штольне в стеклянную будочку, врезанную в стену, а в передающей - в «скворечник», в аппаратную с управляющим оборудованием Перехода.

Наглухо закрытые ворота штолен и освещение, включённое только в зоне ведения работ, создавали иллюзию того, что туннели уходят в подземную бесконечность. Обедали, пили, курили, опрашивались здесь же, в штольнях. И если вода в кулере стояла непосредственно в рабочей зоне, то пластиковые садовые столики накрывались в соседней штольне с использованием пластиковой одноразовой посуды, чтобы не возникало глупых вопросов «откуда такие прикольные вилочки?» А блюда подавались исключительно из продуктов, которые водятся на Старой Земле. Даже переносной туалет заказали Большой Земли вместе с рулонами туалетной бумаги, что меня умилило больше всего. Водил я людей на обед строем по служебным штрекам, соединяющим штольни.

Туда и обратно бригаду переправляли в закрытом вагончике, проинструктив о крайней опасности любых шевелений в течение той секунды, пока они «подвергаются санитарной обработке» зеркальной поверхностью спецаппаратуры.

С мужиков, разумеется, в Межгорье взяли подписку о неразглашении, а также очень жёстко потребовали никаких лишних вопросов персоналу не задавать. Но за обедами, которыми их кормили дважды за двенадцатичасовую смену, они всё равно расслаблялись, и пару раз мне пришлось осекать их за излишнее любопытство. Сдержанно, не грубо, поскольку ребята свою работу выполняли мастерски, и обижать их было не за что. В частности, недоумение вызвала сама схема передачи сигнала.

- Майор, а зачем городить этот огород с ретрансляторами, если можно просто бросить коаксиальный кабель?

Пришлось срезать «рационализатора»:

- Задайте вопрос конструкторам, это всё проектировавшим. Моё дело маленькое: сопровождать вас во время выполнения работ на секретном объекте и следить, чтобы всё было установлено именно там и именно так, где и как это требуется по проекту.

Испытание оборудования тоже производили без их присутствия. Впрочем, своё дело они сделали качественно, исправлять ничего не пришлось. И к исходу третьей двенадцатичасовой смены они окончательно убыли на Большую Землю.

Но не все. Двое из шестерых, с которыми плотно поработали вербовщики, попрощались с товарищами, забрали с платформы в соседней штольне переправленные из Межгорья личные вещи и потопали вслед за мной к выходу из тоннеля. Теперь эти несемейные мужики в возрасте 26 и 28 лет будут штатными сотрудниками Лаборатории, отвечающими за функционирование систем видеонаблюдения. Дальнейшее развитие этих систем также ляжет на их плечи.

На выходе из штольни они замерли, поражённые тем, что увидели и ощутили. В горах Южного Урала сейчас царствовала зима, снежные шапки лежали на кряхтящих от мороза елях, а здесь догорал тёплый день заканчивающегося лета.

- Ох*еть! - не вынес накала эмоций младший. - Майор, где мы?

- Не на Земле.

- Не понял! - озадаченно нахмурился старший.

- Этого никто толком понять не может, - засмеялся я. - Та «санобработка», которую вы проходили каждый раз, проезжая в тоннели на работу и возвращаясь назад, на самом деле Переход в этот Мир. Что это за мир - другая планета или наша Земля в каком-то другом измерении или времени - не знает никто. Поэтому, Виктор, никакого коаксиального кабеля протянуть и нельзя, приходится мутить ретрансляторы, чтобы сигнал с камер передавать на ту сторону Перехода. Для радиоволн этот Переход двусторонний, а для материальных предметов односторонний. Потому вы и приезжали в одну штольню, а возвращались через другую.

- Жить-то здесь хоть можно?

- Я же живу! И миллионы других людей живут!

- Миллионы???

- Ага! Три миллиона на этом континенте, миллионов шесть или семь - на другом.

- А давно вы здесь живёте?

- Я - почти три года по земному календарю. А вообще первые переселенцы появились здесь в сорок седьмом. Ладно, пошли. Вам ещё в медсанчасти надо прививки поставить, а потом комнату в общежитии получить... Оно здесь и как гостиница работает, и поскольку на вечерний поезд до города я опоздал, то вечером заскакивайте ко мне в номер, покалякаем. Я вас и с кое-кем из местных познакомлю.

- До города? Поезд?

- А чему вы удивляетесь? Неужто рельсов в тоннеле не видели?

Советск, 36 год, 10 октября, четверг, 15:10

Поговорили хорошо, душевно!

В мою комнату в общежитии набилось восемь человек: я, Люда и Полад Алиевы, Маргарита

Степановна, Васенко, комендант общежития Нина Фёдоровна и вновь прибывшие инженеры по системам видеонаблюдения Виктор Климов и Влад Рядненко. Григорий Никитич, правда, посидел всего часок и умчался домой, а мы прозаседали до половины третьего ночи, пока Нина Фёдоровна волевым решением не разогнала всех по своим комнатам.

- Хватит! У многих завтра рабочая неделя начинается! Поладу на больничном хорошо, а тебе, Людмила, завтра на дежурство. У Николая, небось, тоже в Советске дел – выше крыши. Да и Виктору с Владом предстоит куча забот по трудоустройству.

- Им ещё два дня болтаться, на карантине они после прививок, - поправила строгую комендантшу Маргарита Степановна.

- Вот и пускай отдыхают! Ты же, Рита, их сама в оборот возьмёшь, если они к тебе на контрольный осмотр квёлыми явятся!

Пришлось подчиниться строгому начальству и разбрестись по комнатам. Тем более, Влад с Виктором, ещё не адаптировавшихся к здешней продолжительности дня, уже явно поклёвывали носами.

Казалось бы, обычная посиделка, даже почти без спиртного (разделённые на восемь человек сто граммов спирта, выставленные Маргаритой, никто и не заметил), а много чего прояснила парням, ошалевшим от того, в какую аферу они влипли, поддавшись на уговоры вербовщиков. Да и новостями обменялись.

Васенко дал понять, что скоро в работе Лаборатории начнутся серьёзные изменения. Уже полным ходом шли работы нулевого цикла по постройке новых казарм за периметром городка. Внешний забор планировалось перенести ещё метров на двести, старые казармы и дома офицерского состава в будущем планируется перестроить под научный центр. Ремонт второго крыла общежития практически завершается в ожидании потока переселенцев. Рядом с ним закладывается здание кадровой службы, которая будет перенаправлять переселенцев по территориям и предприятиям Советской Республики. Также будет расширяться медсанчасть, которую планируют оснастить новейшим оборудованием с Большой Земли. Маргарита Степановна как раз и занимается сейчас согласованием перечня необходимого оборудования и специалистов. Это будет не просто медицинское учреждение, а своеобразный центр переподготовки медперсонала. Староземельского – для ознакомления с медициной и заболеваниями Нового Мира, а местного – для освоения новейшей техники и передовых технологий в лечении «традиционных» человеческих болезней.

Сама Маргарита пылала энтузиазмом, поскольку у неё в голове уже роилась масса идей, как совместить староземельские и новоземельские достижения медицины. В ближайший месяц она собиралась отправиться на стажировку в лаборатории и медцентр Приволья, откуда, я уверен, привезёт ещё больше дельных мыслей и предложений. За те считанные недели с момента, когда она пересекла Стену, Маргарита Степановна из вальяжной пенсионерки превратилась в пышущую энтузиазмом, резко помолодевшую внутренне и внешне, женщину-исследователя. Может, так сказала положенная ей по возрасту инъекция «эликсира молодости», а может, человек просто нашёл цель своей дальнейшей жизни.

У Нины Фёдоровны тоже горели глаза. Медленное угасание Точки Перехода сменилось появлением новых людей, деливших с ней своими воспоминаниями и впечатлениями. Для немолодой женщины, потерявшей мужа и выпустившей в мир взрослых детей, жизнь обретала новые краски.

Ну а молодожёны... Они наслаждались своим счастьем, радовались жизни и строили планы на будущее. А все вместе заразили оптимизмом двух неплохих парней, нужных стране, но немного растерявшихся из-за того, что даже не представляли, куда они попадут.

Предложенный Еремеевым состав Совета Министров седьмого октября, разумеется, утвердили. При этом Воздвиженский сохранил должность вице-преьера, но она лишилась приставки «первый». Бергман также остался министром науки и образования, а моим непосредственным начальником, министром внешних связей, стал бывший заместитель министра промышленности Алексей Алексеевич Балабанов. Воздвиженский рекомендовал мне его как энергичного, сообразительного администратора, успевшего ещё в СССР получить звание кандидата технических наук и попавшего на Новую Землю из-за скандала с коллегой-невозвращенцем. Москвича Балабанова, электронщика по образованию, усиленно принялись опекать различные разведки, и его спрятали от них сюда, инсценировав самоубийство.

- Человек он достаточно сложный, но, надеюсь, вы сработаетесь, - выразил надежду генерал. - Но это - потом. Я с Алексеем Алексеевичем договорился, что ты поступишь в его полное распоряжение только после 10 октября. Пока что ты мне тоже нужен.

- Опять куда-то ехать?

- Не морщись! Сегодня и завтра побудешь дома, а послезавтра вместе с Иваном Ивановичем едете снова в Лабораторию № 1.

- Опять надзирателем у работяг работать?

- И это тоже. Но не просто у работяг. Будете вместе со Скворцовым готовить очень важное мероприятие. На предварительном этапе подготовкой будешь заниматься в статусе сотрудника СГБ, а дальше - как помощник Балабанова. Учти: времени у нас минимум. Поэтому тебе придётся в свободное от работы «надзирателя», как ты выразился, время заниматься делами Алексея Алексеевича. Так что сегодня же после обеда ты едешь к нему знакомиться и получать задание - что именно ты должен будешь сделать до 14 октября.

Сказать, что Наташа огорчилась от известия о том, что я послезавтра опять уезжаю, значит сказать полуправду. Мне даже пришлось успокаивать её, когда она расплакалась, чего я от своей любимой совсем не ожидал. Последний раз я видел на её глазах слёзы, когда моя драгоценная тёща Валентина Евгеньевна учудила с убийством своего врага, бывшего заместителя саратовского губернатора. Теперь супругу угнетало, что в нашем с ней семейном гнёздышке, которое мы только-только начали обустроить, ей приходится оставаться одной, без моей поддержки.

- Я же даже колесо у машины не смогу поменять, если проколю! А продукты по лестнице носить? Я по полночи уснуть не могу, когда тебя дома нет!

Да уж... Не зря меня предупреждали, что у беременной женщины не только биохимия, но и психология меняется! Придётся эти два дня, пока я в городе, посвятить тому, чтобы жена не чувствовала себя обделённой моим вниманием: холить, лелеять, ублажать всеми доступными средствами.

Нас с Иваном Ивановичем, приехавших в Лабораторию утренним поездом, встретил затурканный Васенко.

- Это кошмар какой-то! Они же ведут себя так, будто я - их подчинённый! Но самое неприятное, что генерал запретил посылать этих нахалов с их параноидальными заскоками куда подальше!

- Сейчас разберёмся! - невозмутимо улыбнулся старый разведчик.

За последние несколько дней Иван Иванович стал намного подвижнее, даже выглядел более моложавым, чем когда мы с Наташей встречались с ним в Подмоскowie. Пожалуй, без дозы «эликсира молодости» и здесь не обошлось!

«Нахалы» оказались тремя серьёзными мужиками в гражданском. Обычного вида, но крепкие и уверенные в себе. Лишь цепкий, как будто просвечивающий рентгеном, взгляд выдавал, что работают они вовсе не коммивояжёрами или университетскими преподавателями. И хотя шварценегеровская мускулатура под их пиджаками не угадывалась, я бы не хотел оказаться у любого из них на пути...

Но Иван Иванович быстро нашёл слова, чтобы убедить этих «волкодавов» уважать хозяев, и вот они уже потянулись к крылечку медсанчасти, с которого на них недовольно взирал Маргарита Степановна. Ну, сейчас она в доступной форме объяснит, чем грозят «крутым парням», наотрез оказывающимся от вакцинации, новоземельская лихорадка и оспа!

А пока мы остались наблюдать, как из принимающей грузовой штольни рабочие выкатывают платформу на крошечных колёсиках-роликах. На ней красовался... лежащий «на пузе» вертолёт Ми-2 со снятыми шасси и лопастями несущего и рулевого винтов. Платформа наехала на «башмаки», установленные на путях под козловым краном, её зафиксировали сзади ещё одним «башмаком», и возле неё тут же выставили вооружённый пост.

В это время из пассажирской приёмной штольни вывалилась и замерла от неожиданности группа людей, сопровождаемых солдатиком из охраны. Боец терпеливо подождал с полминуты, пока не утихнут удивлённые возгласы, и повёл людей в сторону медсанчасти, из которой уже возвращались «волкодавы».

- Майор, я правильно понимаю, что именно вас направили нам в помощь местные власти?

- Не совсем в помощь. Моя задача - координировать деятельность вашей группы и наших организаций.

Старший из «волкодавов» наконец-то снизошёл до представления:

- Подполковник Антонов. А это майоры Кузнецов и Жаркевич.

Представился и я.

- С чего начнём?

- С размещения. Вам всё равно здесь до завтрашнего вечера торчать, так что без ночёвки не обойтись.

- Нина Фёдоровна уже соответствующее распоряжение получила, - вмешался Васенко, прикидывавший, где можно будет организовать сборку вертолёта. - Лучше не задерживайтесь, пока остальные прибывшие из не вернулись медсанчасти. Потом подходите в мой кабинет, я туда командира роты охраны вызову.

От Скворцова, с которым я поселился в одной комнате, я уже знал, что эта троица останется у нас: это было их последнее задание в качестве передовой группы, после чего они будут уволены со службы и перейдут на преподавательскую деятельность в наш Военный Университет. Удивило только то, что мужики наотрез отказались от каких-либо личных, внеслужебных контактов, вроде приглашения вместе попить кофейку в столовой общежития.

- А чего ты хочешь? – засмеялся Иван Иванович. – У них инструкции! Выполняют свою работу, и ты их не узнаешь!

Шумная, галдящая толпа авиационных специалистов попалась нам в общежитском фойе, когда мы отправились в административное здание. Эти гражданские инструкциями ограничены не были, и уже всю терзали персонал общежития вопросами: где? что? когда? почему?

«Волкодавы» свою работу знали отлично. Двое вместе с ротным облазили всю территорию Лаборатории, а третий неотступно торчал возле наконец-то приступивших к работе авиационных техников, взявшихся крепить шасси к поднятому краном вертолёту.

На следующее утро, после получасового воя двигателя, испытываемого в разных режимах, Антонов дал отмашку Жаркевичу и мне грузиться в вертолёт, чтобы совершить пробный вылет. Всего десять минут покружились над окрестностями Лаборатории, набирая высоту и приземляясь, зависая в воздухе и выполняя различные манёвры, пока не вернулись вновь на пустую широченную парковку возле медсанчасти.

- Как машина себя ведёт?

Пилот поднял вверх большой палец.

- Тогда грузимся! – скомандовал Антонов.

Они с командиром роты охраны уселись возле одного из иллюминаторов, а пилот весь полёт держался примерно в километре от автодороги. Антонов время от времени что-то орал капитану на ухо, и тот, кивнув в ответ, делал пометки в развёрнутой на коленях карте местности.

Потом, добравшись до городской черты, вертолёт сделал круг и снова зашёл со стороны Лаборатории, но уже точно над дорогой. На этот раз подполковник нацепил на голову наушники и, стоя в проёме пилотской кабины, отдавал команды лётчику. Так мы прошли до центра города, потом развернулись, и вертолёт прошёл маршрутом именно так, как того требовал Антонов. Зависнув над площадью перед зданием Совета Министров, он плавно опустился на бетонную плитку.

- Теперь твоя очередь, Колесов! – дождавшись, когда двигатель замолкнет, распорядился старший «волкодав». – Бери блокнот, ручку и записывай!

Улетали мы из Советска, когда погода начала портиться. С юго-востока стеной подтягивалась сплошная пелена облачности, и взлетать пришлось при уже чувствительном ветре. Всю дорогу крошечную машину болтало, и кое-кто – не будем показывать пальцами, хотя это были мы с ротным – выгружался на парковке возле медсанчасти с лицами бледно-зелёного цвета.

- Надолго эта непогода? – поинтересовался подполковник, когда мы чуть-чуть оклемались.

- Это не непогода. Это тропический тайфун. Дня три. Максимум – четыре...

- Хм... - задумался Антонов. - Тогда неплохо было бы проработать запасной вариант... Хотя... Ты уверен, что три-четыре дня? А какая погода бывает, когда он пройдёт?

Да что ты, блин, докопался до человека, которому хреново после воздушной болтанки?! Уверен! На четвёртый день на небе обычно ни облачка, птички щебечут, травка зеленеет... Немногим отличается эта травка от моей рожки после путешествия на грохочущей воздушной колеснице, по какому-то недоразумению называемой пассажирским транспортным средством. Блин, десять минут летели, а мне так хреново! Вот тебе и детские мечты стать лётчиком... Не забыть бы Люду предупредить, что на эти выходные нам не до них с Поладом будет.

Советск, 36 год, 15 октября, вторник, 15:10

Не соврал я! Даже несмотря на то, что первый октябрьский тайфун прошёл фактически вплотную к побережью континента, уже к середине дня 14 октября в Советске сияло солнце. Но, честно говоря, мне было не до него: от напряжения из ушей дым валит. А что делать? В министерстве у нас пока лишь десять сотрудников, включая министра и уборщицу. А количество документов, которые надо прочитать и завизировать, просто зашкаливает. Одних договоров - десятка три. Поэтому задействована куча людей из других органов государственной власти, которые тоже пашут, не покладая рук. Как, например, Наташа, вдальблывающая всем задействованным основы дипломатического протокола: всё-таки у них в ВИИЯ такой предмет изучался, и на фоне остальных чиновников моя жена с прослушанным несколько лет назад курсом лекций - просто кладёшь этих премудростей.

Вчера она опять плакала. Нет, на этот раз не из-за меня. Просто за день так набегалась, что разболелись ноги: всё-таки не только себя носит, но и нашего ребёнка. Пришлось делать ей массаж ступней, подкладывать под ноги большую подушку и уговаривать потерпеть ещё один денёчек. Так и заснула под мои уговоры. А я засел в своей комнате читать документы, которые с утра ещё нужно будет прошить.

Но едва я одолел кипу бумаг и улёгся спать, как зазвонил телефон.

- Привет, Николай. Васенко беспокоит. Извини, что поднял. Слушай, куда мне эшелон отправлять?

- Какой эшелон?

- Из-за Стены. Час назад меня подняли и потребовали, чтобы я принял сорок вагонов груза. В сопроводилровке написано «Гуманитарная помощь от Российской Федерации». Звонил в министерство, там никто не отвечает. Домашнего телефона Балабанова я не знаю, только твой! Ты ж всё-таки его помощник!

Вот ёкарный бабай!

- Григорий Никитич, а что там хоть в этой гуманитарной помощи?

- Двадцать машин скорой помощи на десяти платформах, пять вагонов медицинского оборудования. Рентгеновские аппараты, какие-то томографы, аппараты УЗИ...

Я присвистнул от удивления.

- Отлично! Что ещё?

- Хорошая вещь, что ли?
- Просто великолепная!
- Вагон детских игрушек, три рефрижераторные секции с детским питанием, ещё три вагона с какими-то памперсами. Ты не знаешь, что это такое?
- Это такие одноразовые детские подгузники.
- Надо же!.. Мебель для детских садов – три вагона. Наглядные пособия для школ – один вагон. Комплекты школьных классов информатики – два вагона.
- Никитич, поставь к этим двум вагонам охрану!
- Зачем?
- Это компьютеры! Представляешь, сколько они стоят?
- Слабовато представляю... Но раз ты так сказал... Ещё двадцать микроавтобусов с надписью на борту «Сельский школьный автобус». Такие же, как скорые помощи, но полноприводные. Ещё вагон со всякой мелочью: портфели, пеналы, цветные карандаши, шариковые ручки. Вагон с детскими книжками «Для самых маленьких».
- Офигеть! Григорий Никитич, шли всё в Советск. Если можешь – прямо сейчас, чтобы утром на товарной станции были. Получателей два – министерство науки и образования и министерство здравоохранения. Сам сможешь разобраться, что кому?
- Обижает, Валерич!
- Да просто у меня самого с этой подготовкой башка задуренная! Вот и переживаю, что перепутать можешь. Тебе-то не меньше моего достанется. А я с утра министерства обзвоню и предупрежу, чтобы мчались получать груз.

Снова нам сценарий мероприятия придётся менять!

Вертолёт опустился точно в центр круга, нарисованного на плитке площади перед Советом Министров. Лопасты винта наконец-то замерли, и выскочившие из винтокрылой машины Антонов и ещё один неизвестный мне «волкодав» в точно таком же костюме, как и у подполковника, помогли спуститься по приставной ступеньке лысоватому мужчине среднего роста. Несколько шагов от вертолёта к уже ожидающему высокого гостя Михаилу Александровичу Еремееву...

Ну, всё. Понеслось! Рукопожатие, вспышки фотоаппаратов. Хитрая улыбка гостя при виде выстроившихся по краю площади «Газелей» скорой помощи и школьных автобусов. Рапорт начальника почётного караула, гимн, флаги, представление высших должностных лиц и проход в здание Совета Министров. И мне следом бежать, поскольку в первой беседе задействован Балабанов, как министр внешних связей. Присутствовать на ней мне чин не позволяет, но если Алексею Алексеевичу что-нибудь понадобится, бегать мне придётся! Это потом, когда глава правительства останется наедине с визитёром, можно будет передохнуть и кофейку дерябнуть, чтобы не задремать где-нибудь в уголке. А пока работай, работай Николай Валерьевич!

- Майор, нам тоже кофейку закажи! Засыпаю – сил нет терпеть! У нас же с полковником ни

копейки ваших денег нету. С первой полочки расплачусь! Хочу товарища полковника здешним кофейком попотчевать, чтобы потом всю жизнь помнил, что такое кофе. Не бурда староземельская, а именно КОФЕ!

- Да пошёл ты со своей первой полочкой! - отмахиваюсь я от обещания Антонова. - Пошли, поможешь мне: я просто четыре стаканчика не донесу.

- А зачем четыре, если нас трое?

- Четверо, Константин. Четверо: вон моя жена идёт, она тоже кофе любит. А ты чего это вдруг расслабился? Тебе же, вроде, пока ты при исполнении, ни есть, ни пить нельзя.

- Не демонизируй нашу службу. Мы же тоже люди, есть-пить хотим, да и по другим надобностям... Здравствуйте, Наташа!

- Здравствуйте! А откуда вы меня знаете? Коля сказал?

- Меня зовут Константин. А это - мой товарищ, Денис. Нет, Николай мне только сообщил, что к нам направляется его жена. А уж как я узнал, что его жену зовут Наташа, это мой секрет. Ты Денис, пробуй, пробуй! Такого кофе ты никогда в жизни не пил. И вряд ли когда-нибудь ещё попьёшь! Ну, если, конечно, не соберёшься вслед за мной в эти края перебраться. А вы, Наташа, если не секрет, где трудитесь?

- Пока в центральном аппарате СГБ, а скоро... - супруга погладила свой выпирающий животик.
- Здесь я только помогаю, как единственный в стране знаток протокола.

- Товарищ капитан! Наталья Викторовна, - подскочил к супруге какой-то сотрудник Совмина. - Посмотрите, пожалуйста, правильно ли установили флажки за столом подписания договоров.

- Капитан? - удивился полковник, глядя вслед уходящей жене. - Такая молодая, а уже капитан? Здесь так быстро звания идут?

- Не совсем, - засмеялся я. - Капитана она получила на службе в ФСБ. Здесь только подтвердили её звания. Как и моё майорское.

- Ну, майора в твоём возрасте заработать - нормально. А вот капитанское - в её!

- Особенно, если учесть, что он лейтенантское получил только шесть лет назад...

Полковник недоверчиво глянул на меня, а Антонов засмеялся.

- Ты, Денис, сейчас общался с легендарными личностями, с птенцами гнезда Скворцова!

- Ты, Костя, так смело об этом говоришь...

- А ты думаешь, здесь об их статусе никто не знает? Всё, сделали они своё дело! Теперь здесь на вечном причале. Как и я буду с сегодняшнего вечера! И ты, когда до пенсии дослужишься, тоже к нам перебирайся. Честное слово, не пожалеешь!

- А семью куда?

- Уговаривай свою Лорку-ракетчицу переехать вместе с лабораторией, которую сюда перебрасывают.

- С какой лабораторией? – удивился я. – Мужики, через меня же все договора прошли, там ни про какую переброску лабораторий ничего не говорится.

- Значит, об этом сейчас ТАМ договариваются, - кивнул подполковник на зал, где шли переговоры. – Нас, Коля, за горло взяли со всеми этими сокращениями, ограничениями и контролями вооружений. Поэтому шеф и решил кое-какие наиболее перспективные конструкторские коллективы под маркой ликвидации сюда перебросить. ТАМ нам всё равно не дадут эти направления развивать. А здесь тебе – ни спутников-шпионов, ни прослушки мобильных телефонов, ни тотального контроля за электронной перепиской. Всё шито-крыто! Никаких разработок не ведём, а в один прекрасный момент у России из ниоткуда появляется какая-нибудь супер-ракета, чудо-танк или сверх-истребитель. Не смотри на меня так осуждающе, Денис! Всё равно он об этом уже сегодня будет знать: это единственный помощник здешнего министра внешних связей! Без него ни один таракан ни из России сюда, ни отсюда в Россию не перебежит! Всё, мужики, напряглись! Там у дверей какая-то суета начинается...

Суета у разных дверей в Совете Министров и в Верховном Совете сегодня поднималась не единожды. Высокий гость, кроме переговоров, успел поговорить с народом, выступить перед депутатами парламента и... вручить награды. Числом шесть штук. Четыре ордена Дружбы – Еремееву, Великанову, Воздвиженскому, и... Ивану Андреевичу Данилову.

После того, как охранник-полковник, исполнявший обязанности ассистента, зачитал фамилию Деда, мы с Наташей напряглись. И не зря. Следующим прозвучало:

- Орденом Почёта за проявленные мужество и героизм при выполнении задания государственной важности, а также за укрепление дружбы между Российской Федерацией и Советской Республикой наградить капитана Федеральной Службы Безопасности Российской Федерации, капитана Службы Государственной Безопасности Советской Республики Колесову Наталью Викторовну.

Потом была и моя очередь. Только получил я из рук высокопоставленного визитёра орден За заслуги перед Отечеством четвёртой степени. А ничего, крепкая ладошка у Гаранта! Может, и вправду удастся ему хоть что-то исправить из того, что наворотил его предшественник?

Константин с Денисом перед вылетом в Лабораторию всё же нашли минутку, чтобы поздравить нас с Наташей и попрощаться.

- Я только туда и обратно! – заверил подполковник. – Как тебя найти, Николай, я знаю, так что ваши награды мы ещё обмоем. А Денис пусть валит дальше на лыжах кататься!

- На каких лыжах? – удивился я.

- На горных. Ты думаешь, Денис здесь? Да ни фиги! Он сейчас, если верить российской прессе, под Магнитогорском с шефом на горных лыжах катается! А как накатается, пусть думает, уговаривать ли супругу поменять свою сумасшедшую Москву на этот воздух, эту природу, этот незабываемый кофе!

И «волкодав» изобразил такое блаженство на лице, что все мы расхохотались. Но по лицу полковника было видно, что в каждой шутке есть всего лишь доля шутки.

Ну, а про переброску сюда научных коллективов Антонов и вовсе не шутил: в папочке, которую

я держу в руках, лежит соответствующий протокол о намерениях. И оптимизма в отношении будущего Советской Республики он придаёт куда больше, чем многие другие документы из неё: будут лаборатории и специалисты – будет и новейшая техника, и передовые технологии. Всё будет!

Эпилог

Советск, 39 год, 02 июля, среда, 16:45

Нет, от позёрства Семёна Дежнёва не излечить ничем! В экспедиции на Срединные увалы потерял левый глаз, во время зимовки на островах Северной Земли так отморозил ногу, что пришлось ампутировать её по колено. И что, вы думаете, он учудил после этого? Теперь он ходит с чёрной пиратской повязкой, а свой протез-«козью ножку» обмотал поролоном и тканью а-ля деревянная нога Джона Сильвера. Ну и, само собой разумеется, на голову надевает исключительно бандану. И ведь наверняка припёрся требовать, чтобы я выписал с Большой Земли не меньше, чем портативный ядерный реактор, который собирается установить в качестве силовой установки на своё новое исследовательское судно, что он строит вместо погибшего «Анадыря»!

Сто процентов что-то ценное пришёл просить! Вон, как терпеливо сидит, дожидаясь, пока я закончу телефонный разговор с Наташей.

- Любимая, я всё понимаю. Но до начала занятий в университете ещё два месяца, а меня сейчас прессуют машиностроители, у которых горит план запуска производственной линии. Ничего страшного в том, что твои лингафонные кабинеты смонтируют только к середине сентября. Я же не на следующий год их поставку переношу! Ты меня тоже пойми: не могу я их отодвинуть, а если поставки для тебя буду ускорять, меня просто в министерстве промышленности не поймут!

Я терпеливо выждал, пока супруга выплеснет на меня своё негодование, а когда в её упрёках появилась пауза, чтобы набрать в лёгкие воздуха, быстренько перевёл тему разговора с производственных проблем на семейные.

- Иван Андреевич согласился Валерку из детского сада забрать?

- Конечно! Ты же знаешь, что они друг в друге души не чают!

- Замечательно! А на какое время нас на этом твоём открытии театра ждут?

- В 21:00. Ты что, опять собрался на работе торчать?

- Солнышко, всего два часа! Тут из Демидовска от Райзмана интересная информация пришла по поводу планов строительства порта на побережье Западного океана, нужно срочно обработать.

- А я опять, как дура, одна дома буду сидеть?

- Наташ, зато я тебя после этого в пиццерию приглашаю! Слышала, что недавно открыли такую на Ленина?

- Тьфу на тебя! Знаешь, зараза, как меня уговорить можно!

- Вот и отлично! Тебе, кстати, привет от Семёна Дежнёва.

Сёмка улыбнулся и важно кивнул: мол, разрешаю так вольно обращаться с приветами от меня. А я положил трубку и повернулся к посетителю.

- Ну, здравствуй, легендарный мореплаватель, землепроходец, полярник, открыватель множества островов, новый Колумб, Ливингстон, Нансен и прочая, прочая, прочая в одном флаконе! С чем пожаловал?

- Ну, здравствуй, бюрократ! Суров ты стал. Даже собственной жене навстречу не идёшь, когда она у тебя что-то для работы просит!

- Ты мне зубы не заговаривай! Список давай! Кто будет оплачивать твою заявку, уже нашёл?

- Нашёл! – засмеялся «новый Колумб», протягивая мне свёрнутый вчетверо листок, который вынул из хитроумного кармашка, встроенного в свою «пиратскую деревяшку». – А это что у тебя?

Он похлопал ладонью по стопке англоязычных газет с Большой Земли, которую просматривал, пока я разговаривал с женой.

- Да вот, запросил, когда услышал про шум, поднявшийся после этого выступления, - ткнул я пальцем в заголовок «Мюнхенская речь: Назад в холодную войну?».

- Ага. Я кое-что глазами пробежал. Давно У НИХ не было такой суеты! «Россия ведёт себя нагло»... И что, действительно есть основания для того, чтобы вести себя нагло?

- Действительно есть, Семён! – улыбнулся я. – У России – вести себя нагло, у наглосаксов и их прихлебателей – суетиться. Судя по результатам работы тех коллективов, которые к нам перебросили, они скоро не только суетиться, они паниковать скоро начнут. До насыщения войск всем тем, над чем эти коллективы работают, конечно, ещё далеко, лет семь-восемь, но паниковать им можно начинать уже сейчас. И, кстати, твои экспедиции, в которых ты понаоткрывал много чего «вкусного», немалую роль сыграли в том, чтобы эта суета и паника поднялись. Поэтому над твоей заявкой я очень подумаю, как её в графики поставок впихнуть: гладишь, ещё что-нибудь найдёшь этакое, что поможет сделать так, чтобы у «заокеанских партнёров» России зубы притупились...

Миасс, декабрь 2015 - февраль 2016